

ДВѢНАДЦАТЬ РѢЧЕЙ

ИЗЪ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА

И И

ЯРОСЛАВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

И. Корсунскаго.

Τὸ δίκαιον ἀήττητόν ἐστιν, ἂν ὀρθῶς λέγηται, καὶ δεῖ τὸν ἐμμελῶς πολιτευόμενον αἰεὶ τῷ μὲν ἔργῳ τὸ καλὸν ἀντὶ τοῦ κολακεύοντος αἰρεῖσθαι, τῷ δὲ λόγῳ τὸ λυποῦν ἀφαιρεῖν τοῦ συμφέροντος. Plut. Cic. XIII.

Въ приложеніи въ учащихся:

«Справедливое необходимо, если только оно выражается ораторомъ съ соответствующимъ дѣлу приличіемъ; и истинный педагогъ рѣчь о вещахъ дѣйствительно прекрасныхъ и предпочтетъ рѣчьмъ льстивымъ; въ обращеніи же съ юношествомъ въ интересъ самого дѣла будетъ избѣгать всего для внутренняго чувства оскорбительнаго.»

ЯРОСЛАВЛЬ

Типографія Г. Фалькъ.

1881.

Дозволено цензурою. Москва. Мая 28-го дня 1881 года.

ДВѢНАДЦАТЬ
УЧЕБНЫХЪ РЪЧЕЙ,
ПОСВЯЩАЕМЫХЪ
воспитанникамъ Ярославской духовной семинаріи.

Введение.

Regere dictis animos et pectora mulcere (Aen. I, 152 *) *вотъ идея, зародившаяся во мнѣ еще въ пору школьной моей жизни, которую я поставилъ себя задачей осуществить, когда самъ сдѣлался учителемъ. Въ быстрой снѣгъ стали проходить тогда предъ моей душой пестрые образы прошлой моей учебной жизни, попокику различны были мѣста моего воспитанія. Но на передній планъ даже до позднѣйшаго времени всегда всплывало въ моей памяти воспоминаніе о тѣхъ дорожкахъ моихъ наставникахъ, на которыхъ смотрѣлъ я мальчикомъ и юношей, наставникахъ, обращавшихся къ намъ съ живымъ словомъ. Эта живая рѣчь ихъ въ юности составляла недостаточно усвоенную мною школу; къ ней однако-же прислушиваюсь я и ставши возрастнымъ мужемъ, къ ней, составляющей для меня школу жизни. Потому что и въ позднѣйшіе годы жизни, и по достиженіи мужескаго возраста отрадно и далеко не бесполезно для поддержанія въ себѣ радости и нравственной чистоты въ дневномъ дѣланіи припоминать то, съ чѣмъ обращалась къ намъ школа, когда мы были мальчиками и подростками юношами.*

Я сказалъ о впечатлѣніи производимомъ на юность живымъ словомъ развитой личности учителя. Откровенно признаюсь, что

*) «Возбуждать словомъ умы и улаживать грудь».

и ставъ учителемъ нахожу много неизяяснимо обаятельнаго въ возбужденіи общаго вниманія учениковъ, въ потрясеніи ихъ сердца силою разумнаго, сказаннаго съ убѣжденіемъ слова, въ привлеченіи на себя ихъ довѣрія, въ возбужденіи ихъ любви, въ утишеніи скорблицихъ изъ нихъ, въ освобожденіи духовныхъ плѣнниковъ изъ рабства дурнымъ навикамъ. Развѣ это не высокое наслажденіе, развѣ это не истинное утишеніе и не сильныя моменты въ скромной жизни учительской овладѣть чувствами учениковъ, заставить ихъ слиться въ одно съ выраженнымъ самимъ тобою чувство, вынудить ихъ жить въ это время одной съ тобою жизнью? Это—такое духовное удовольствіе, которымъ домогаться не должна душа, которое никогда не забывается.

Прекрасно, когда полководецъ обладаетъ высокимъ даромъ какъ бы вдыхать въ воиновъ свою душу, такъ что подъ его предводительствомъ они становятся необходимы; не меньше возвышенно пробудить силою убѣждающаго слова и оживить въ юношѣ чувство къ учебному дѣлу, побудить его чрезъ то къ неутомимой ревности и напряженнымъ учебнымъ работамъ, унывающихъ при неудачѣ ободрять и выдѣлить многихъ для дѣйствительнаго соотвѣтствія обязанностямъ своего положенія.

Во много разъ высшее значеніе получаетъ это учительское слово, если оно есть результатъ чистоты нравственной, благородныхъ движеній сердца, достолюбезной, дружесленно-обходительной человечности; если оно служитъ чистѣйшимъ образомъ тихой семейной жизни и отраженіемъ домашнего благополучія. Этого рода педагогическія бесѣды и мнѣ доставили столько отрадныхъ часовъ возвышающей духъ работы. Да, я работалъ надъ ними не головой только, но и чувствомъ. Двигаясь въ некоторыхъ пунктахъ на высотахъ науки, въ эфиръ чистой мысли, я старался, забывъ друзей мои, васъ не поучать только, но больше признаваться предъ вами, исповѣдываться; не къ вамъ только представлять желанія, но прежде всего къ себѣ самому. О, если-бы и это печатное слово во многихъ изъ васъ зажгло снова ту искру

одушевленія вѣсьмъ добрымъ и прекраснымъ, которую удавалось мнѣ воспламенять въ васъ живымъ словомъ въ тихій часъ встрѣчи съ вами или прощанья. Если бы случилось это даже съ немногими изъ васъ, то цѣль изданія въ свѣтъ этой книжки была-бы достигнута и часы занятій, проведенные надъ составленіемъ ея и изданіемъ въ свѣтъ, были-бы вдвойнѣ и тройнѣмъ благословлены мной.

Эти листы, съ сердечной любовью мной посвящаемые вамъ, они содержатъ уже известное вамъ. Движенія чувства и убѣжденія, выраженныхъ мною въ рѣчахъ, съ которыми нѣкогда я обращался къ вамъ, стараясь я поселить въ васъ съ перваго же момента соприкосновенія съ собою, и въ прекрасная тѣ минуты мною изъ васъ такъ горячо приветствована меня, столь искренно посты того мы соединились для совместныхъ учебныхъ работъ и единомыслихъ стремленій, что въ этихъ, посвященныхъ вамъ, беседахъ вы признаете конечно часть не моей только личной, но часть и взаимной прошлой нашей жизни. О, если бы это, глазами усматриваемое мое слово къ вамъ еще тверже скрѣпило взаимный союзъ нашъ, какъ нѣкогда завязался онъ подъ вліяніемъ слова ухомъ слышаннаго. Оставьте меня,—прошу васъ,—при отрадной увѣренности, что и по раздѣленіи внѣшнемъ союзѣ тотъ между мною и многими изъ васъ существуетъ еще и понынѣ.

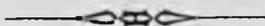
И родителямъ и инымъ друзьямъ нашего учебнаго заведенія чрезъ выпускъ въ свѣтъ этой книжки дается возможность ознакомиться съ тѣмъ духомъ, который проникаетъ нашу учительскую дѣятельность и съ точкой зрѣнія, съ которой ведется нами обученіе.

Сердечную радость доставило бы намъ признаніе читателей, по прочтеніи этихъ листовъ, цѣлности положенія, что область чисто человѣческаго представляетъ неисчерпаемое богатство возбуждательныхъ и воспитательныхъ мотивовъ. Этому признанія я жду особенно отъ безпристрастныхъ изъ учителей и воспитателей юношества.

Я не имѣлъ въ виду задѣтые мною важныя предметы

IV.

исчерпать совершенно или предложить какія либо новыя, никогда и никѣмъ не слышанныя, истины: я думалъ только, что напоминать о важныхъ истинахъ всегда дозволительно; часто дѣло это заслуживаетъ искренней благодарности, а въ наше время это было и особенно необходимо. Высшую радость мнѣ доставляетъ, что изъ педагогическихъ нормъ, всегда лелѣянныхъ мною въ качествѣ воспитателя юношества, и нынѣ, при всей строгости проверки ихъ, ничего не могу я взять назадъ или ограничить. На стражѣ принциповъ, расшитившихся въ послѣдніе десятки лѣтъ и утверждавшихся мною среди противорѣчій, нынѣ, въ благословенное царствованіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, съ особенною энергіей ставитъ и само Правительство. Только спокойствіе за принципы тѣ во мнѣ возрасло, хотя и всегда мнѣ свойственныя было и лобезныя, особенно если этого не требовали право и интересъ учениковъ, спокойно болѣе ристеніе насаждаютъ, чѣмъ мечъ держатъ и имъ помавать.

I.

Благодарность школы,
усиленной и обновленной въ своихъ средствахъ
и помѣщеніи.

Слава и благодареніе Богу, что наконецъ мы перемѣстились въ этотъ новый домъ ученія, вмѣщающій въ себѣ и домъ Божій и какъ бы отъняемый имъ! *Господь, который съ небесъ призираетъ и видитъ всѣхъ сыновъ человеческихъ*, который управляетъ сердцами *всѣхъ живущихъ на землѣ и вникаетъ во всѣ дѣла ихъ* (Пс. XXXII, 13—15), обратилъ мысль покойнаго архипастыря *) въ бытность его еще ректоромъ нашего заведенія на пріобрѣтеніе этого клочка земли и направилъ на это совѣты сердечные и покойнаго Государя **). Развивавшіяся потомъ многолѣтняя забота архипастырей и ближайшаго начальства этаго заведенія объ устройствѣ новаго для него зданія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ всегда были признаваемы подлежащими удовлетворенію. Пространства въ прежнемъ зданіи служившія цѣли обученія при несвязности классныхъ и жилыхъ помѣщеній не особенно выгодно, чтобы не сказать болѣе, отзывались на дисциплинѣ воспитанниковъ, а при ветхости зданія

*) Преосвященнаго Пила.

***) Императора Николая Павловича, который позволялъ безъ торговъ за 2000 р. передать участокъ земли изъ подъ генералъ-губернаторскаго дома въ духовное вѣдомство.

и на содержаніи ихъ и здоровьи и все болѣе и настойчивѣе давали чувствовать въ послѣднія десятилѣтія свои недостатки и неудобства. Вызывавшееся этимъ желаніе имѣть новое, достойное времени и цѣлесообразное, помѣщеніе въ теченіи многихъ лѣтъ было предметомъ съ одной стороны обѣщаній, съ другой надежды и молитвъ. При наступленіи же въ послѣдніе годы времени, въ которое должна была вестись реформа учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, новое зданіе сдѣлалось особенно необходимымъ. Наконецъ въ благословенные дни нынѣ царствующаго Государя Императора правительствомъ Его строеніе разрѣшено, даны и средства для этого, такъ что это величественное зданіе, выѣстившее въ себѣ нынѣ древній сей питомникъ наукъ, возведено безъ всякаго отягощенія мѣстнаго духовенства и какихъ либо жертвъ отъ него. Въ предѣлахъ времени строенія совершилась и внутренняя реорганизація нашего заведенія. Чего для окончательнаго его преобразованія еще недоставало, то принесено весной нынѣшняго года, когда работы строенія приведены къ желанному заключенію и блистательному исполненію. Нынѣ заведеніе начинаетъ достойное внутренняго существа и выѣшнее свое бытіе и получаетъ снабженіе всѣми выѣшними средствами для достиженія своей цѣли. Давно всѣми нами желанное удовлетворено; сего дня въ первый разъ мы вошли для занятій въ эти свѣтлыя, просторныя классныя пространства. Гдѣ еще недавно царилла мастеровая жизнь и господствовала печальная и опасная неустроенность, тамъ сего дня водворяется лабораторія духа и воцарилась новая и радостная юная жизнь. У кого изъ насъ не билось нынѣ сильнѣе сердце при вступленіи въ этотъ домъ и въ эти почтенныя пространства? Всѣ вы конечно отдаете должное вниманіе цѣлесообразному устройству этого дома и даже нѣкоторому его блеску. Куда ни обратимъ взоры, всюду съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчаемъ, что все здѣсь ограничено не умѣренностью только и необходимымъ и не на удовлетвореніе только неотвратимыхъ потребностей разсчитано все, но многія желанія наши и надежды даже превышены. Да, новы и прекрасны, дружески привѣтливы эти мѣста, гдѣ отнынѣ въ братскомъ согласіи должны существовать и дѣйствовать одно подлѣ другаго образовательное и воспитательное заведенія. Радостное и полное надеждъ сердце говоритъ намъ, что не только мы во дни ближайше и не въ предстоящее только время, которое скоро будетъ настоящимъ, будемъ здѣсь озабочиваться своимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, но и

будущія поколѣнія и другія времена будутъ здѣсь обезпечиваться потребностями сего дня еще и не чувствуемыми.

И такъ еще разъ благодареніе всемілостивому Богу, подѣ вседержащимъ промысломъ котораго и самое строеніе сего зданія совершенно безъ трудныхъ несчастныхъ случаевъ, какіе нерѣдко бывають при подобныхъ предиріятіяхъ. Онъ, милосердый, распростеръ свою охраняющую десницу на всѣхъ, искусствомъ которыхъ и заботами возводилось это зданіе. *Если бы не Онъ созидалъ домъ, то напрасно трудились бы и работающіе* (Пс. СХХVІ, 1).

Прилично съ этого мѣста выразить всю нашу всенеподданнѣйшую, почтительнѣйшую благодарность и Его Величеству, нашему Всемілостивѣйшему Монарху и Его совѣтникамъ, потому что высшее правительство въ благосклонномъ къ намъ синехожденіи наши желанія сдѣлало своими желаніями, наши заботы своими заботами и виявъ просьбамъ архипастырей милостивѣйше соизволило и всѣ издержки постройки принять на свой счетъ, и мы привѣтствуемъ въ этомъ великолѣпномъ зданіи не только памятникъ строительнаго искусства и украшеніе города, но и радуемся при этомъ, видя въ семь зданіи выразительный знакъ достославной щедрости и доказываемой самымъ дѣломъ заботы нашего благотворительнаго Монарха и Его совѣтниковъ объ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ сего города и всей имперіи, ихъ любви къ наукѣ и церкви.

Наша благодарность относится и къ строителю сего зданія, а также и ко всѣмъ почтеннымъ членамъ строительнаго комитета, которые при совершенно ясномъ сознаніи важнаго значенія духовной школы приняли въ строеніи участіе своей благорасположенностью къ дѣлу, споспѣшествованіемъ ему, наблюденіемъ надъ нимъ и чрезъ предупредительность помогли довести дѣло до желаннаго конца.

Но по за новому, которое неодолимо сковываетъ глаза и сердца всѣхъ насъ, не забудемъ и другой обязанности благодарныхъ сердецъ вспоминать и старое, въ нашихъ сознаніи сливающееся съ новымъ почти еще въ одно непосредственное цѣлое. Полученіе нашими учебнымъ заведеніемъ въ свое распоряженіе зданія со всѣми приспособленіями необходимыми для самостоятельнаго, удовлетворительнаго и внутренно вполнѣ упорядоченнаго существованія какъ ни много можетъ оно измѣнить внутреннюю и глубочайшую жизнь нашу, тѣмъ не менѣе заведеніе этимъ все-таки отнюдь еще не отдѣ-

лется отъ своего прошедшаго. Еще видимъ мы отсюда наше прежнее обветшавшее помѣщеніе. Не тоже ли ты долженъ сказать теперь, что говорилъ некогда Цицеронъ о мѣстѣ своей родины Арпинумѣ: *Hanc vide villam, ut nunc quidem est, latius aedificatam patrum nostrum studio; hoc ipso in loco me scito esse natum, hic juventutem meam egi in literis, haec est mea et hujus mei fratris incunabula patriaque; hic sacra, hic genus, hic majorum multa vestigia* (De legg. II, 2, 4)*). Почтимъ память всѣхъ ихъ почившихъ и еще живущихъ. Почтимъ благодарнымъ воспоминаніемъ обитель, бывшую колыбелью нашего заведенія, вся исторія котораго связана съ исторіей ея, настоятели которой долгое время были представителями и семинаріи. Подъ кровомъ сначала монастыря, а потомъ и самихъ архипастырей, она была поддержана при возникновеніи и излелѣяна, равно какъ и при дальнѣйшемъ развитіи учебной жизни бѣдность многихъ питомцевъ науки была смягчаема богатыми благотвореніями обители. Только по причинѣ ненормальныхъ трудностей исправить для семинаріи въ мѣстѣ ея рожденія вышнія условія дальнѣйшаго ея существованія раздѣленіе съ кровомъ монастырскимъ стало для нея необходимою.

Счастливо было это некраткое, болѣе чѣмъ столѣтнее, прошлое нашего учебнаго заведенія за стѣнами Спасской обители. При взглядѣ и на это длинное прошлое мы чувствуемъ себя вынужденными съ благодарнымъ благоговѣніемъ вспоминать о почивавшемъ на семинаріи Божественномъ благословеніи и о милостяхъ къ ней провидѣнія. Мужи, состоявшіе ректорами ея, учителями и воспитателями, дѣлались почти постоянно свитителями церкви Русской и до сихъ поръ многія епископскія каедры заняты ими. Богъ надѣлялъ въ прошломъ наше заведеніе рядомъ отличныхъ и вѣрныхъ своему призванію учителей. Большую часть ихъ давно уже покрываетъ земля, но память о многихъ изъ нихъ продолжаетъ еще жить въ душахъ многочисленныхъ учениковъ ихъ. Встаютъ предъ нашимъ воспоминаніемъ достопочтенные образы тѣхъ учителей, которымъ вѣрною было наше образованіе, и не только ихъ образы, но

*) «Взгляни на эти здания, расширенныя стараніемъ нашихъ отцовъ, каковыми они остаются и нынѣ; въ итогъ сіяюмъ мѣстѣ я родился; здѣсь явилъ я свою юность, занимаясь науками; здѣсь моя и сего моего брата колыбель и отечество; здѣсь святыня предковъ; чрезъ эти мѣста прошли многи полоніи; здѣсь слѣды многихъ изъ нихъ». —

и ихъ жизнь, ихъ судьбы. Какъ боролись они съ нуждой при скудныхъ средствахъ къ своему существованію! И при бѣдности какъ старались они о нашемъ развитіи! Да, если оставленные пространства однимъ наименованіемъ своимъ пробуждаютъ во многихъ дружественныя воспоминанія о золотомъ юношескомъ времени, то конечно вызываютъ при этомъ предъ нашу душу и образы любимыхъ учителей. И самъ, воспитанникъ этаго заведенія, глубоко тронутый вспоминаю объ отличныхъ мужахъ, обученію которыхъ обязанъ тѣмъ, что самъ въ настоящее время могу дѣйствовать въ качествѣ учителя и воспитателя юношества. Такъ отъ полноты искреннѣйшей благодарности вспоминаю о тебѣ, нашъ талантливый Орловъ, о тебѣ, нашъ незабвенный Срътенскій, кипѣвшій одушевленіемъ для всего высокаго и благороднаго, и къ прискорбію такъ рано оторванный отъ жизни и о васъ, другіе отшедшіе изъ сего міра и еще живущіе въ немъ, которые работали для нашего образованія и другихъ поколѣній въ теченіе послѣдняго періода существованія сего учебнаго заведенія. Но одинъ безконечно дорогой для меня образъ,—хотя онъ и всегда свято и неизгладимо будетъ существовать въ моемъ сердцѣ,—въ этотъ часъ живѣе вызывается предъ душу, образъ добраго архиепископа *), который 5 лѣтъ управлялъ нашимъ заведеніемъ въ качествѣ ректора и 20 въ качествѣ главнаго начальника его и епархіи... Для многихъ и изъ васъ безъ сомнѣнія дороги отношенія почившаго архиепископа къ сему учебному заведенію и трогательно воспоминаніе о нихъ.

Обратимъ особенное вниманіе и на то счастье, какимъ наше учебное заведеніе всегда было одарено и въ предшествовавшихъ вамъ воспитанникахъ. Талантливостью и прилежаніемъ многихъ изъ нихъ оправданы старанія о нихъ учителей, такъ что изъ него вышло значительное число мужей, которые полученное образованіе съ достоинствомъ поддержали и оправдываютъ, на разныхъ ступеняхъ возраста съ отличіемъ и успѣхомъ дѣйствуя во всѣхъ частяхъ нашего обширнаго отечества или въ качествѣ служителей церкви и государства или въ качествѣ врачей и учителей. Многихъ изъ нихъ мы съ радостію видимъ и въ этомъ городѣ и считая служеніе ихъ прекраснѣйшимъ, встрѣчаемъ ихъ во имя заведенія сердечнѣйшимъ привѣтомъ. Разъ заговорившему о воспитанникахъ нашего заведенія,

*) Преподобнаго Шилл.

миѣ конечно позволено будетъ сдѣлать замѣчаніе, что не только академіи, но и всѣ факультеты университетовъ замѣшали многія изъ своихъ кафедръ прежними учениками нашей семинаріи. Не въ томъ смыслѣ говорю это, какъ будто бы наше заведеніе въ самовольномъ хвастовствѣ думаетъ выхвалять плоды своихъ трудовъ, иѣтъ: оно хочетъ въ смиреніи вспомнить только о Божіемъ благословеніи почіющемъ на немъ. И окончившихъ нынѣ курсъ ученія, успѣвшихъ и не успѣвшихъ еще избрать себѣ родъ службы, чтимъ мы нынѣ грустнымъ воспоминаніемъ, и веѣмъ, веѣмъ, которые сего дня вблизи и вдали съ любовью вспоминаютъ о колыбели своей юности, шлетъ она искреннее привѣтствіе.

Но благодаря за настоящее и прошедшее, не охладимъ своего благодарнаго сердца и въ будущемъ. Эта школа, друзья, со своимъ обученіемъ, это заведеніе со своими порядками и законами, эти учителя, оберегатели священныхъ интересовъ, охранители того вѣчнаго огня, что тлѣетъ въ душѣ человѣческой, вся научная и нравственная атмосфера школы составляютъ для васъ истинное благодѣяніе, на васъ имѣютъ воспитательное значеніе и въ послѣдствіи отзовутся благословеніями. Школа предноситъ глазамъ вашимъ идеалы прекраснаго, добраго и истиннаго, показываетъ первообразы непреходящихъ благъ человѣческой жизни; здѣсь разнѣбается предъ вами книга природы, изслѣдуются безсмертныя произведенія человѣческаго духа; здѣсь приближаются къ вашему сознанію строгія понятія о пространствѣ, числѣ и времени; здѣсь вы вводитесь въ залы или по крайней мѣрѣ въ преддверія науки, въ храмъ чистаго искусства, очищающей и возвышающей душу поэзіи. Что можетъ быть цѣннѣе этого и за что вамъ должно быть болѣе признательными какъ не за расширеніе умственнаго вашего кругозора? Но вы должны благодарить эту школу не только за изучаемое, не только за тѣ знанія, какія собираете, за тѣ навыки, какіе приобрѣтаете здѣсь, за то развитіе, какое получаютъ здѣсь ваши способности: не должны ли вы быть благодарными и за всѣ тѣ улучшения, какія производятся въ нравственномъ вашемъ существѣ, за каждое природное зерно, посаждаемое школой въ вашей душѣ, за каждое предостереженіе, какое ею дается вамъ, за каждый добрый ея совѣтъ вамъ, за каждую добродѣтель, для которой она пробуждаетъ васъ и воспитываетъ? Можете ли вы не признать значенія этаго приданаго для жизни? Не должны ли вы навсегда сохранить за это

въ своихъ сердцахъ благодарную любовь и благорасположенность къ этому заведенію? Но это оказываемое тебѣ добро ты долженъ не только признавать, но и исповѣдывать. Ты долженъ школу вообще благословлять, учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ ты долженъ вообще воздавать хвалу, чтобы эти разсадники человѣческаго образованія чаще и большимъ количествомъ юности были посѣщаемы, эти учрежденія, гдѣ произволъ и упрямство обуздываются, образъ мыслей и расположеній облагораживается, чувство возбуждается и очищается, разумъ просвѣщается, память упражняется, сила воображенія окрѣпается и разумъ назидается. Ты долженъ въ особенности о классическихъ заведеніяхъ распространять выгоды для нихъ свѣдѣнія между людьми, потому что этого рода заведенія все еще должны бороться съ предразсудками невѣждъ, съ ревностію получающихъ и имѣющихъ нужду получать иного рода образованіе, съ недоброжелательствомъ пренебрегающихъ идеальными благами жизни. Въ частности къ школѣ, въ которой ты учишься, къ учителемъ, уроками которыхъ пользуешься, ты долженъ охранять и поддерживать ту благорасположенность, которая обозначалась у Римлянъ прекраснымъ словомъ *pietas*; тѣмъ болѣе ты обязанъ къ этому, что это заведеніе уже надревели было славно. Въ теченіе почти полутора столѣтій оно воспитало и образовало цѣлый рядъ поколѣній; изъ него вышло много почтенныхъ, славныхъ, ученыхъ мужей, составляющихъ гордость нашего края, красу времени, славу нашего званія; оно постоянно заботилось не только объ основательности знанія, но и о воспитанности и чести, о добродѣтели и благочестіи, и между другими общеобразовательными заведеніями и семинаріями постоянно сохраняло почетное и почтенное имя. Этому заведенію вы обязаны своимъ образованіемъ; успѣхи ваши и поведеніе доказываютъ, что это заведеніе и доселѣ старается оставаться вѣрнымъ старой репутаціи основательнаго развитія своихъ питомцевъ, нравственнаго и христіанскаго воспитанія своихъ учениковъ. И для тебя это заведеніе не составляетъ ли уже втораго твоего и духовнаго отечества? Именно отчій домъ должны вы чтить въ этомъ заведеніи, въ которомъ учитесь. Оно питаетъ васъ млекоу благонравнаго образа мыслей; здѣсь вы между собою и съ нами соединены нравственнымъ союзомъ и общеніемъ и все связано однѣми и тѣми же узамъ послушанія закону. Потому *чти* въ этомъ заведеніи *твоего отца и мать, да благо ти будетъ и долгольтеи будещи на земли*, потому что и учебное заведеніе, зтотъ замѣнитель родителей, можетъ

благословлять тебя тѣмъ *благословеніемъ* отчимъ, которое утвер-
ждаетъ дома чадъ, клятва же его какъ клятва матерняя искоре-
няетъ оныя до основанія (Сир. III, 2).

Съ этой же точки зрѣнія мы рекомендуемъ вамъ и соревнова-
ніе славному прошлому нашей школы, подражаніе всему высокому
и прекрасному, когда либо осуществлявшемуся ею, принятіе въ се-
бя изъ прошлаго ея того духа прилежанія, духа науки и добрыхъ
нравовъ, на которыхъ всегда утверждалась и созидалась образова-
нность и воспитанность вашихъ предшественниковъ по школѣ. Про-
должая служить этому древнему своему духу наше заведеніе и по
преобразованіи своемъ по новому уставу и по перемѣщеніи въ но-
вый домъ изъ прошлой своей жизни удержать и оставить все хо-
рошее. Вѣчно—прекрасное, вѣчно-доброе, вѣчно-истинное, вѣчно-
священное никогда не должно умирать и не умереть, но вновь вый-
детъ на свѣтъ Божій только въ новомъ и болѣе юномъ блескѣ. Ста-
рое въ этомъ смыслѣ перенесется и въ это новое зданіе. Только
всѣ старыя, всѣмъ намъ хорошо извѣстные недостатки доселѣшней
школьной нашей жизни, эти изгнившіе камни стараго зданія, долж-
ны быть сброшены съ совѣсти каждаго: иначе чѣмъ и были бы эти
новыя и прекрасныя пространства безъ новаго жизненнаго въ нихъ
духа? Какую цѣль имѣли бы тогда и всѣ великія и радостно при-
несенныя правительствомъ жертвы для насъ? Только въ этомъ смы-
слѣ все прежнее, только все несовершенное, всякая неустроенность
и безжизненная вялость прошли уже; только въ этомъ смыслѣ въ
новой и по вышнему виду и по внутренней преобразованности
школѣ все должно быть новымъ; и это будетъ лучшей съ нашей
стороны благодарностью за устройство сего зданія и правительству и
всѣмъ вообще, кто его предписалъ, произвелъ и довершилъ. Такъ
пусть и будетъ!

II.

И Д Е Я

УЧИТЕЛЬСКАГО ЗАВАНІЯ.

Это предисловіе къ книгѣ, тѣмъ же должна быть вступительная бесѣда учителя съ учениками. Какъ составитель предисловія старается сообщить читателю предуготовительныя свѣдѣнія, дающія ему въ руки какъ бы ключъ къ самому содержанію книги; подобно этому и первый урокъ при открытіи ученія и научныхъ занятій долженъ быть употребленъ учителемъ на ознакомленіе и освоеніе учениковъ съ собою и своимъ учительскимъ образомъ мыслей. Или другими словами: какъ писатель прежде всего старается поставить и остановить читателя на той точкѣ зрѣнія, на которой и самъ стоялъ при написаніи книги и съ которой она должна быть читаема и понимаема, чтобы быть полезною: такъ и у учителя съ учениками многое зависитъ отъ того, чтобы въ самомъ же началѣ соединиться въ одной точкѣ зрѣнія и понять другъ друга.

Ожидая нашего вступленія въ свою среду одни изъ васъ, конечно, спрашивали другихъ, кто мы и каковы, чего можно ожидать отъ насъ и что принесетъ вамъ наше служеніе посреди васъ. Въ отвѣтъ на эти вопросы ваши, новые друзья мои, мы сами повѣдаемъ вамъ, какъ понимаемъ свою учительскую задачу и открыто изложимъ предъ вами, такъ сказать, педагогическое исповѣданіе вѣры нашей.

Со священнымъ трепетомъ вступалъ древній Эллинъ въ свои храмы и роши, вѣруя что онъ приближается здѣсь къ Божеству; боялся онъ, какъ бы не оскорбить здѣсь Божества чѣмъ нибудь. Богъ свидѣтель, что съ тѣмъ же благоговѣшемъ въ настоящій часъ вступаемъ въ это святилище воспитанія и мы, ибо тѣло ваше,

друзья, есть храм Божества, а душа Его отобразь, и мы учителя, которымъ вѣдряется ваше душевное благо, близки здѣсь къ Боже-
 ству; съ осмотрительною потому мы приближаемся къ Нему; Божество, живущее въ груди вашей, мы чтимъ и любимъ Его въ васъ. Но отобразь этотъ Творцомъ набросанъ на человѣческомъ су-
 ществѣ только въ контурахъ и не оконченъ. Провидѣнію угодно было въ руки самого человѣка дать кисть для его окончанія, чтобы къ этому первообразу онъ присоединялъ черты все удачнѣйшія и прекраснѣйшія и въ окончаніи его усмотрѣлъ бы цѣль своей жизни. Съ какой же заботой, съ какимъ страшливымъ безпокойствомъ, значи-
 ть, должны мы, учителя, оберегать въ васъ это Божественное зерно отъ всего дурнаго; какъ старательно должны освобождать его изъ подъ массу земнаго и случайнаго и развивать; какъ высоко должны чтить оное и какъ предусмотрительно защищать это вѣ-
 ренное намъ сокровище и охранять! «Прилежно учи твоихъ питом-
 цевъ водить этой кистью; возьми юношу за руку и самъ води его кистью, чтобы невѣрные штрихи они на себѣ сглаживали и нико-
 гда не утомлялись бы въ изглаживаніи своихъ слабостей и поро-
 ковъ. Но остерегайся, какъ бы и самому тебѣ не нанести на этотъ прототипъ штриховъ ложныхъ и марашекъ; бойся и берегись перво-
 образъ повредить и испортить. Божественную искру внутри твоего
 питомца ты долженъ воспламенить и питать, чтобы она разгорѣлась въ яркій и животворный пламень: не потуши ея и не затопчи; съ дѣтymi должно обходиться бережно. Человѣкъ какъ трава; дни его какъ цвѣты полевые; они цвѣтутъ и блекнутъ быстро. Пройдетъ по этому полю нѣжныхъ цвѣтовъ вѣтеръ послыгѣе, и не станеть ихъ, нельзя будетъ распознать и мѣста, гдѣ росли они. Если ты тронешь нѣжное юношеское сердце неловкой рукой; если ты заглу-
 шилъ въ душѣ добрый зародышъ вмѣсто того, чтобы дать ему возможность созрѣть: въ состояніи ли будешь равнодушно перенести мысль: да, онъ нуждался въ болѣе искусной рукѣ, въ болѣе нѣж-
 номъ попеченіи нежели мое? Врачъ, ложнымъ леченіемъ гасящій тѣлесную жизнь человѣка, навлекаетъ на себя отвѣтственность: считаешь ли себя менѣе виновнымъ, разрушая духовную жизнь? Что повреждается твоей неловкой рукой, то сей часъ же отражается на грядущемъ поколѣніи; за неискуство учителя и неспособности нести наказаніе, карается юношество; напротивъ что заботливо имъ воспитывается и облагороживается, то на позднѣйшемъ времени отражается добромъ».

«Это дѣти и юноши, благо которыхъ и горе родители отдали въ наши руки. Постоянно они для тебя должны быть вѣренными тебѣ на сохраненіе благомъ, которое ты долженъ прирастить, защищать и наблюдать, какъ бы это была коренная твоя и прекраснѣйшая собственность. Но находишь ли въ себѣ довольно проникательности и предусмотрительности для открытія, что скрыто въ каждомъ изъ сотни мальчиковъ и юношей, которыхъ ты долженъ обучать и руководить? Что нѣкогда можетъ выйти изъ нихъ? Сознаешь ли себя довольно прозорливымъ, чтобы развить въ твоемъ питомцѣ все, что скрывается внутри его? Заботамъ нашимъ вручаются духъ вашъ и сердце; мы получаемъ подобно художнику грубый матеріалъ: выйдетъ ли изъ подъ нашихъ рукъ величественное и прекрасное художественное произведеніе? Намъ вѣряется юношество націй; на насъ покоятся надежды новаго поколѣнія: удовлетворимъ ли мы ожиданіямъ, возлагаемымъ на насъ Царемъ нашимъ и отечествомъ?»— Съ неотразимой силой, если учитель совѣтливъ, если ему предносится идея, какъ онъ долженъ проходить свое званіе, если оно составляетъ для него священную обязанность и Богослуженіе, съ неотразимой силой эти и безчисленные подобные вопросы тѣснятъ въ душу его каждый разъ, какъ начинается періодъ учебнаго времени, когда юношество вручается его воспитательному руководству, надзору и попеченію. Можемъ ли мы чувствовать тогда иное настроеніе кромѣ серьезнаго, смѣяннаго съ пристрашленнымъ благоговѣніемъ? Да, глубокое благоговѣніе должно жить въ душѣ каждаго учителя предъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ, что вѣрено ему родителями, обществомъ, церковію, государствомъ, отечествомъ, самимъ Богомъ. Всякая заслуга по отношенію къ воспитывающемуся поколѣнію есть заслуга предъ обществомъ, государствомъ, отечествомъ и предъ Богомъ. И тѣснитъ подъ вліяніемъ такихъ мыслей въ грудь чувство ответственности, какую принялъ на себя; и несеніе этого бремени было бы слишкомъ отяготительно, если бы не утѣшала насъ мысль о человѣческомъ несовершенствѣ и слабости, которая столь часто вмѣсто добраго дѣла велятъ ограничиваться доброй волей: *In magnis et voluisse sat est* (Propert, 2, 8, 10 *). *Et omnes non omnia possumus*. Macrob. Saturn. 6, 1. 35; Verg. Ecl. 8, 63 **).

*) «Въ вещахъ важныхъ позволительно удовлетворяться и желаніемъ.

**) «И всё не все можемъ».

Учитель никогда не имѣетъ права останавливаться только на законной точкѣ зрѣнія; постоянно онъ долженъ какъ самого себя, такъ и довѣренное ему юношество возвышать до высшей чѣмъ законъ точки зрѣнія. Если мы не питаемъ въ себѣ самихъ внутреннѣйшей любви къ нашему призванію и къ юношеству, то хотя бы наружнымъ образомъ и пунктуально исполняли всѣ обязанности нашего званія и хотя бы міръ ни въ чемъ не могъ упрекнуть насъ, все таки будемъ и останемся наемниками. Если мы не тѣмъ занимаемся, чѣмъ ради учениковъ намъ надлежало бы заниматься; если мы не стараемся возбудить въ себѣ интересъ къ тому, что по своему матеріалу насъ не привлекаетъ, съ чѣмъ однакоже мы обязаны сблизить юношескій духъ, чѣмъ обязаны пробудить въ немъ сѣмена познанія и довести оныя до разцвѣта, то мы не можемъ назваться истинными руководителями юношества. Учитель, поднявшійся выше законной точки зрѣнія, конечно долженъ примѣнять законъ къ такимъ ученикамъ, которые для него еще не воспримчивы; онъ долженъ блюсти по отношенію къ нимъ законъ и съ помощью закона создать въ средѣ юношества вышній порядокъ; но онъ же, вызывая наружу всѣ свои силы и жертвуя бездушнымъ неадаптизмомъ для искренности и дѣла, на мѣстѣ рабскаго послушанія по отношенію къ себѣ долженъ стараться укоренить дѣтское. Онъ обратитъ свои усилія на то, чтобы вызвать въ ученикахъ радостное чувство движенія впередъ, которое какъ на нивѣ, такъ и на высшей ступени ученія представляетъ собою самое дѣйствительное побужденіе въ царствѣ истины, можетъ быть пробуждаемо на каждомъ шагѣ, равно какъ съ другой стороны недостатокъ его въ каждомъ ученикѣ можетъ отзываться величайшимъ вредомъ и тормозить его ревность къ ученію. Какъ учителю поддерживать въ себѣ вѣчно юнымъ и новымъ это чувство и эти стремленія, чувство не закона и не стремленія къ укорененію законнаго образа дѣйствій въ душахъ питомцевъ, а евангельское чувство, радостную вѣру, духъ любви, то дыханіе вѣчнаго спокойствія, подъ условіемъ котораго только и можно успѣшно дѣйствовать на юношество, усердныхъ руководить, противящихся приобращать, сильныхъ направлять, слабыхъ терпѣть? Какъ ударить въ ту струну, звуками которой смягчаются и жестоковѣщныя, противящіеся элементы? Какъ поставить ихъ на путь ведущій къ лучшему и укрѣпить чрезъ то въ средѣ юношества единый духъ, способствующій возникновенію общественной жизни, возвышающая, укрѣпляющая, очищающая сила которой каждому можетъ служить ко благу? Какъ сохранить

въ себѣ ту живость и жизнєнность, которой электризуется юношество? Къ счастью много возбуждающаго заключается въ самыхъ предметахъ обученія. Какъ много здѣсь такого, чѣмъ духъ мальчика и юноши привлекается и чѣмъ пробуждается въ немъ внутреннїй интересъ!

Ни одинъ учитель, къ какому бы заведенію онъ ни принадлежалъ, не будетъ понимать своего призванія правильно, если онъ раздѣляетъ мнѣніе, что для исполненія своихъ обязанностей достаточно ему изложить предъ учениками этотъ или тотъ предписанный учебный матеріалъ, а обо всемъ остальномъ, о выраженїи предъ учениками своего одушевленія истиной и о воспламененїи въ нихъ священнаго огня одушевленія, можетъ онъ и не заботиться. Это не такъ. Такой индифферентный къ воспитательному вліанію учитель и руководитель школы проводить много мрачныхъ часовъ; его обезпокоиваютъ многія печальныя стороны человѣческой природы. Но никогда за эти безпокойства не выпадаетъ на его долю осчастливливающаго сознанія, что онъ спасъ юную душу, что пробудилъ сонливую совѣсть удалившагося на страну далечу юноши, возвратилъ его отъ края пропасти и обратилъ къ новой и прекрасной жизни. Всякое обученіе должно напротивъ содержать въ себѣ и воспитательный моментъ. И такимъ моментомъ должно быть не внѣшнее что либо; не внѣшнимъ какимъ либо принужденіемъ учитель долженъ поощрять юношей къ занятіямъ, а возбужденіемъ внутреннїхъ симпатїй къ ученію. Учитель никогда не долженъ забывать, что его обязанность пробуждать душу и развивать цѣлаго человѣка. Учитель, противящїйся этому, значитъ, захотѣлъ бы снимать благородные плоды, но съ деревъ дикихъ и не привитыхъ и нигдѣ не былъ бы въ такой степени негоденъ какъ въ заведенїи на половину закрытомъ, каково наше. И если бы нашимъ призваніемъ было не иное, какъ безучастное отношеніе къ дѣлу, то по истинѣ оно было бы весьма жалкимъ и пустымъ; если бы обращеніе между учителемъ и ученикомъ ограничивалось только пространствомъ отъ устъ одного до ушей другаго, а не шло вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ сердца къ сердцу, то столь же неложно было бы и другое, что учительская должность спустилась бы до механическаго ремесла. Учитель, который ведетъ свое преподаваніе обычнымъ, унаслѣдованнымъ отъ лѣтъ древнихъ, однообразнымъ способомъ, не заботясь о дѣйстви своихъ словъ, въ равнодушномъ опѣянїи къ себѣ самому и къ другимъ, будетъ мѣдью звѣнищею и бряцающимъ сосудомъ, хотя бы онъ говорилъ языкомъ и ангельскимъ. О, въ какомъ великомъ заблужденїи нахо-

дятся тѣ, кто мечтаетъ, что путемъ наказаній и строгаго контроля можетъ быть достигнуто въ воспитаніи ученика все или большая часть; имѣть, школа не полицейское управленіе. Сколь ни необходимы и средства дисциплинарныя, различныя наказанія, присмотрѣ: никогда они однакоже не могутъ быть средствами воспитанія важнѣйшими и необходимѣйшими; такія средства дѣйствуютъ мало, сказать должно даже болѣе: они нисколько не дѣйствуютъ. Кто не проникнуть въ живѣйшей степени одушевленіемъ къ своему призванію, идеальными стремленіями, безъ которыхъ дѣятельный учитель не мыслимъ, тотъ какъ въ собственномъ интересѣ, такъ и въ интересахъ общественной школы пусть изберетъ другое призваніе, для котораго достаточно честности и практическаго смысла, призваніе не ставящее идеальныхъ и живыхъ требованій. И вотъ почему Фридрихъ Августъ Вольфъ, основатель науки нашей классической древности, на усиленные просьбы, чтобы онъ написалъ учебникъ педагогки, далъ такой отвѣтъ, какъ рассказываютъ: «Къ чему писать цѣлую книгу о дѣлѣ, которое можетъ быть выражено въ одномъ такомъ положеніи: «Имѣй душу и умѣй пробудить душу».

Говорили даже, исходя изъ этого положенія, что учителю вовсе не необходимо быть умнымъ, потому что чѣмъ умнѣе кто либо, тѣмъ менѣе обыкновенно онъ имѣетъ охоты къ необходимо нужнымъ повтореніямъ уже пройденнаго, а точно также къ необходимости переходить на точку зрѣнія не понимающаго или заблуждающагося ученика. Но это уже крайность конечно. За чѣмъ пренебрегать естественными дарами? Не лучше ли исчерпывается это дѣло словами поэта:

Голова безъ сердца, сердце безъ головы—суетныя дары;

Благо людей: голову и сердце имѣть на своемъ мѣстѣ.

Простая ученость, не сопровождаемая сердечнымъ одушевленіемъ, съ правомъ называется тупостью; поэтому—то учитель и долженъ имѣть болѣе чѣмъ только голову; онъ долженъ быть цѣлостнымъ человѣкомъ, имѣть и душу т. е. вся совокупность его душевныхъ силъ должна быть дѣятельной прежде всего на основаніи сердечномъ и завершаться нравственнымъ характеромъ. То, чѣмъ человѣкъ устремляется къ образованію и къ добру, есть расположенность, настроенность; сердце есть та живая сила, въ которой проявляется личность, а потому она и можетъ имѣть и производить образовательное дѣйствіе на личность. И если кто имѣетъ это, то можетъ

показаться предъ своими учениками; потому что кто науку не только преподасть, но и напечатлѣвать, тотъ напечатлѣваетъ ее въ душахъ и глѣхъ юношей, которые не имѣли къ ней особенной расположенности. Рассказываютъ потому объ одномъ старомъ учителѣ, что онъ своему ученику, готовившемуся посвятить себя тому же призванію, положилъ на сердце золотое правило: «Сынъ мой, говорилъ онъ, не забывай, что это перваго спряженія, а досеа только втораго.» Такъ же думаемъ и мы. Какъ учебная, такъ и воспитательная дѣятельность учителя потому должны утверждаться на любви и притомъ на любви двойкой: на любви къ предмету, который онъ преподаетъ, и на любви къ юношеству, которое ему довѣрено. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ и творить эта любовь, тамъ призваніе учителя становится истинно прекраснымъ и возвышеннымъ. Гдѣ эта любовь чувствуется,—а юношеская душа способна къ удивительной пріемлемости, владѣеть дивнымъ пониманіемъ любви,—тамъ чувство юношества раскрывается до прекрасной откровенности, чистоты намѣреній и истинности; тамъ слѣдуетъ юношеству за своими руководителями охотно и съ радостнымъ послушаніемъ; тамъ безъ ропота переноситъ оно серьезность строгаго воспитанія, потому что въ строгости оно все-таки признаетъ любовь, ту смиренную любовь, которая не ищетъ своего, ту кроткую любовь, которая не отговаривается ни отъ какихъ услугъ подъ различными предлогами и недостатки ближняго переноситъ терпѣливо, ту святую любовь, которая согрѣшающаго наказываетъ, чтобы возратить его съ ложнаго пути, ту сердобольную любовь, которая выслѣживаетъ заблудшаго и ищетъ потерянное, доколѣ не найдетъ, ту спокойную любовь и продолжительную расположенность, которая радуется любимому предмету, охотно сочувствуетъ его благополучію, скорбитъ о его несчастіи, подобно тому, какъ дитя печалится объ отцѣ, братъ о братѣ, другъ о другѣ. А можетъ ли учитель, которому довѣряется для развитія, для облагороженія драгоценнѣйшее, что только есть на землѣ,—человѣческая душа,—можетъ ли онъ не питать чувства любви, теплой сердечной расположенности къ этому сокровищу, за которымъ онъ съ трудомъ и заботливостію ухаживаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, которое воспитываетъ у него заботу о себѣ во внутреннѣйшихъ сосудахъ его сердца? Не служить ли для учителя душа воспитанника предметомъ ежедневнаго надъ ней исполненія своихъ обязанностей и уже по этому одному не долженъ ли стать для него предметъ этойъ любви и дорогъ? Уже самой при-

родой обусловлено, чтобы къ предметамъ, которыми мы ежедневно заняты и среди которыхъ обращаемся, мы чувствовали родъ привязанности: привычка ежедневнаго употребленія дѣлаетъ для насъ цѣнными и самыя маловажныя вещи. Да любовь притомъ, истинная любовь къ наукѣ трудно и мыслима безъ желанія обратитъ выводы науки на общую пользу и доставитъ ей вліяніе на жизнь. *Любовь*, говоритъ Писаніе, *не ревнуетъ, она не гордится, не ищетъ своего, не озорчается, но радуется о истинѣ*; и кто любитъ такъ науку, тотъ и свое научное призваніе облекаетъ истинно нравственнымъ освещеніемъ, безъ котораго и великое знаніе остается несовершеннымъ; съ этой же оживляющей и согревающей любовью и малѣйшее съмѣчко можетъ распухнуть въ богатый плодъ; между тѣмъ какъ не только какой нибудь отшельникъ, со своими книгами и занятіями погребаящій себя въ шахтахъ изслѣдованія, но и мечтатель и ревнитель, желающій къ ногамъ своихъ теорій преклонитъ весь свѣтъ, наконецъ должны бывать оглядываться только на безплодно проведенную жизнь.

Съ любовью четна строгая справедливость; эта, собственно говоря, есть вѣдь только обратная сторона истинной любви. Истинный учитель прежде всего потому обладаетъ строгой справедливостью, которая въ угоду людямъ не называетъ злаго добрымъ, а добраго злымъ. Правдивость составляетъ одну изъ первыхъ обязанностей учителя какъ ученаго, но особенно какъ учителя; онъ долженъ владѣть этой честностью, состоящей въ гармоніи мысленія и чувства, рѣчей и дѣйствій. Ею должно одушевляться все его существо; онъ долженъ доказывать ее самой своей жизнью. Будетъ ли онъ находиться внутри или внѣ своей школы, его честность постоянно должна быть одной и той же и равной себѣ. Онъ ни на одну минуту не можетъ сомнѣваться и задумываться, какъ поступитъ ему въ какомъ либо частномъ случаѣ. Онъ держитъ себя далеко отъ всѣхъ пристрастій, потому что онъ во всякое мгновеніе можетъ доказать, что опредѣляется въ своемъ образѣ дѣйствій не какими нибудь нечестными посторонними цѣлями, а единственно самымъ дѣломъ; онъ можетъ доказать, что онъ справедливъ, и справедливость его производитъ на душу питомца вліяніе умиротворяющее, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ надъ ней и власть великую. При всей строгости выказывал отеческую ~~строгость~~ ^{снисходительность}, при наказаніяхъ миролюбіе, при серьезнѣйшихъ взысканіяхъ пощаду юношескаго чувства чести, онъ остерегается каждаго обнаруженія страстнаго возбужденія, чѣмъ

показываетъ, что лично онъ не затрогивается никакой шалостью, никакой нерадивостью, но что его поступками руководить только благо юношества. Недостатковъ юношества вообще не карая строгостью, въ которой нельзя было бы признать любви, онъ чуждается насмѣшекъ и язвительныхъ шутокъ, одного изъ самыхъ негодныхъ средствъ улучшения, потому что чрезъ оскорбленія добрая цѣль не достигается, а остается въ душѣ только горечь. Все господствующее настроеніе учителя должно быть снисходительнымъ и смягчающимъ, умѣряющимъ и укрощающимъ. Ясно, что такое настроеніе можетъ быть слѣдствіемъ только всего воззрѣнія учителя на жизнь, мирнымъ актомъ послѣ опустошительной, но и очистительной внутренней борьбы, плодомъ внутренней умиротворенности и сконцентрированности, удовлетворенности и объединенности. И такая объединенность настроенія воспитателя для преуспѣянія юношества столь же необходима какъ и солнечный свѣтъ и теплота для развитія растительности; потому что можно ли къ чему либо настроить другихъ, если все существо учителя будетъ объято демоническою борьбою внутреннихъ противоположностей, сомнѣиємъ и той жалкой мнительностью, которая ищетъ и никогда не находитъ? Чрезъ всё стремленія и учебныя занятія воспитателя долженъ раздаваться изъ души слѣдовательно одинъ основной тонъ, полный и прекрасный, отъ котораго должны быть зависимы всѣ аккорды его душевной жизни. Однимъ словомъ учитель какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея долженъ оказываться человѣкомъ, для котораго истина, право, наука священные, для котораго выше всего ея дѣло, а не его личность, который имѣетъ въ виду истину, а не себя самого, который высшей своей цѣлью въ жизни поставляетъ нѣчто болѣе высокое, чѣмъ матеріальныя цѣли, который чуждается нечистыхъ побужденій пристрастности и устраняется обыденныхъ дрязгъ житейскихъ. Такой учитель въ силу своего нравственнаго характера непремѣнно вліяетъ на настроеніе класса; обыкновенно и всегда оно составляетъ только отголосокъ настроенія учителя. Исправный, радостный и живой учитель можетъ сдѣлать изъ своихъ учениковъ, если позволите такъ сказать, что хочеть; его напоминанія объ истинѣ, какъ основѣ всякой нравственности, всегда найдутъ отзвукъ въ неповрежденныхъ душахъ; своимъ примѣромъ, своей честностью онъ воспитаетъ учениковъ до проникновенія нравственной истиной. Самъ проникнутый любовью и интересомъ къ истинѣ, онъ передастъ эту любовь, этотъ интересъ и сердцамъ своихъ питомцевъ. А въ наше

время, господа, болѣе всего значить, чтобы было укрѣплено сердце. Въ самомъ дѣлѣ, когда всѣ преданія колеблются, когда всѣ понятія перепутываются, когда всѣ теоріи подвергаются сомнѣнію, что и остается человѣку кромѣ сердца, кромѣ характера, образа мыслей и расположеній, которыя могутъ корениться въ человѣческомъ существѣ столь же твердо какъ скала въ морѣ, между тѣмъ какъ великолѣпные корабли системъ, которымъ тысячи людей вѣбрыли свои умственные и нравственные дары, разбивались въ буряхъ и садились на мель.

Честность, правдивость... Но, друзья, гдѣ вы найдете ихъ безъ полной чистоты душевной; гдѣ встрѣтите вы эти качества внѣ безукоризненнаго характера; да и возможны ли они безъ послѣднихъ? И высшее разумѣніе, и обширность познаній, и совершенная чистота и безукоризненность всѣхъ чувствъ, образа жизни и всѣхъ дѣйствій: но гдѣ найдете вы человѣка, который въ состояніи былъ бы достигнуть совмѣщенія въ своей личности всего этого въ совершенствѣ и безусловно? Гдѣ найти человѣка безъ недостатка? Но этииъ я выражаю уже всю трудность, указываю и всѣ затрудненія, съ какими сопряжено призваніе учителя. Нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы сказать о себѣ: онъ достигъ всего въ умственномъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ, къ чему стремился, о чемъ старался. Благо уже и тому, кто можетъ сказать о себѣ, что онъ старался сдѣлаться совершеннымъ, готовымъ на каждое доброе дѣло. А если кто и совмѣститъ въ себѣ всѣ необходимыя для истиннаго учителя свойства: какъ пріобрѣсть далѣе нѣчто такое, чѣмъ всѣ они объединяются въ человѣкѣ въ одну импонирующую личность, что сообщаетъ ей силу надъ другими и производить на юношество вліяніе? Вся личность учителя на юношескій духъ должна производить впечатлѣніе. Не чѣмъ либо вышшимъ чисто, а цѣлостной личностью своего учителя юноша долженъ къ добруму поощряться, отъ злаго отвращаться. Пріобрѣтеніе познаній сравнительно менѣе важно и дѣло легкое; важнѣйшее и труднѣйшее, это—возвыситься до объединенія всей своей личности нѣкимъ нравственнымъ нѣчто, что надѣляетъ учителя властью надъ умами и душой его учениковъ, что не можетъ быть опредѣлено точнѣе, что внушаетъ юношескому духу уваженіе, что взволнованныя чувства въ минуту успокоиваетъ до тишины, способствуетъ послушанію и гарантируетъ его безпрекословность. Удивительная тайна въ царствѣ духа! Кто предприметъ показать и разъяснить

это таинственное нѣчто, привлекающее къ учителю учениковъ? Кто возьмется показать, какъ достигнуть этаго нѣчто и приобрести оное? Это нѣчто можетъ быть достигнуто только ревностію, прилежаніемъ и твердостію воли. Какъ затруднительна эта задача, какъ трудно достигнуть этаго при несовершенствахъ и слабостяхъ, составляющихъ удѣлъ человѣка! Между тѣмъ именно это нѣчто, дѣлающее личность компактною, пронцающее ее чувствомъ нравственнаго достоинства, сообщающее ей превосходство въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, осваютъ окружающихъ съ уваженіемъ, почтеніемъ къ учителю, сопровождающимися естественно довѣріемъ и боязнью, нравственной невозможностью умышеннаго обмана со стороны учениковъ, что все именно столь и необходимо для успѣховъ не только научныхъ, но преимущественно успѣховъ нравственнаго воспитанія. Какъ это образованіе и воспитаніе могутъ быть осуществлены, если питомецъ не будетъ относиться къ учителю какъ къ существу сильнѣйшему его и разсудительнѣйшему; если онъ не будетъ чувствовать предъ нимъ уваженія, если учитель не будетъ окруженъ для него особымъ сіяніемъ, высшимъ ореоломъ, производящимъ въ юношескомъ сердцѣ нравственную робость, нравственную пугливость, которая, не пробуждая въ немъ чувства рабскаго страха, все-же не дозволяетъ рискнуть предъ учителемъ на открытую неправду? Чувство уваженія есть то, что слову учителя даетъ силу и вѣсъ, что вызываетъ ту нравственную робость, которая вѣрнѣе удерживаетъ ученика отъ проступка и грѣха, нежели самые строгіе надзоръ и контроль. Чѣмъ достойнѣе учитель, чѣмъ большее производитъ онъ впечатлѣніе на учениковъ своимъ характеромъ: тѣмъ сильнѣе, тѣмъ прочнѣе его вліяніе. Съ правомъ потому говорится, что только лучшие люди государства должны быть учителями. Какъ труднымъ дѣлается вслѣдствіе этаго призваніе учителя! И на сколько трудность эта увеличивается вслѣдствіе людской жестокости и безсердечія! Отъ кого болѣе желаютъ всеѣхъ совершенствъ какъ не отъ учителя? Кого судить суровѣе и строже его? Старательно и съ мелочнымъ страхомъ онъ долженъ избѣгать каждой погрѣшности; предъ глазами своихъ учениковъ онъ долженъ быть образцомъ достойнымъ подражанія. Между тѣмъ въ награду за свою терпѣливую, самоотверженную и одушевленную дѣятельность учитель не можетъ рассчитывать даже и на то, чтобы постоянно видѣть только любовь отъ учениковъ, получать отъ нихъ только благодарность. Въмѣсто заслуженной благодарности ему часто

приходится пожинать и неблагодарность; его огорчает очень много признаков отчужденія; онъ не имѣетъ права рассчитывать на общую признательность. Въмѣсто заслуженной признательности онъ долженъ часто отсюда и отсюда слышать много порицающихъ сужденій, терпѣть много жесткихъ о себѣ отзывовъ. О, какъ часто вѣрному и добросовѣстному учителю больно бываетъ слышать холодное, леденящее душу сужденіе о важнѣйшихъ пунктахъ своей дѣятельности! И все-таки священный пламень любви и одушевленія долженъ тлѣть въ душѣ тѣхъ, которые призваны руководить и обучать юношество, надежду отечества. Изъ за дерзкаго своевольства одного или легкомысленной неразумительности другаго истинный учитель не охлаждѣваетъ къ своей обязанности и не теряетъ любви къ юношеству, изъ котораго со временемъ создадутся для него сотрудники, друзья и вѣрные товарищи. Истинный учитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ гуманистъ въ истиннѣйшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Постоянно онъ имѣетъ при этомъ въ виду, что такія явленія тогда только были бы невозможностью, если бы ученики его уже были тѣмъ, чѣмъ школа только еще хочетъ ихъ сдѣлать, если бы они уже обладали зрѣлостью духа и сердца, которыя имъ могутъ быть доставлены именно только воспитаніемъ. Ясно понимая это, онъ остается при живомъ чувствѣ обязанности и во вѣхъ такихъ случаяхъ утѣшаетъ себя апеллированіемъ къ будущему. Потому прежде чѣмъ съ жестокосердіемъ и безжалостно судить о недостаткахъ учителя и требовать отъ него, чтобы онъ былъ всесовершенъ и не имѣлъ слабостей, ударь себя каждый въ свою собственную грудь и посмотри во внутренность: быть можетъ тогда найдешь въ себѣ самомъ гораздо больше недостатковъ. Тѣмъ болѣе берегись безжалостнымъ сужденіемъ разрушать лучезарный блескъ уваженія, которымъ въ глазахъ юношества должна быть окружена глава учителя; его дѣятельность должна быть благословляемой, святость его отношеній къ питомцамъ должна быть неприкосновенною. Вредъ причиняемый безразсуднымъ словомъ слишкомъ великъ, несравненно больше чѣмъ удовлетвореніе, доставляемое себѣ самому строгостью сужденія.

Многочисленны и вліянія жизни, противодѣйствующія идеальнымъ стремленіемъ учителя, потому что врагъ непрерывно занятъ разбрасываніемъ плевелъ между пшеницею. Но именно потому—то на обязанности учителя, на сколько отъ него зависитъ это, и лежитъ обязанность бороться противъ вторженія въ школу такихъ

враждебныхъ вліяній. Между сѣменемъ добрымъ можетъ пасть злос и нива поростеть плевелами: забота о нивѣ искореняетъ плевелы. Надъ нивою могутъ носиться тучи насѣкомыхъ, стаи хищныхъ птицъ: забота о нивѣ предохраняетъ ее отъ истребленія. Но иногда противодѣйствія эти настолько сильны, что учителю отражая ихъ приходится подобно древнему Сизифу вскатывать какъ бы камень какой на гору; тогда предъ отуманеннымъ его взоромъ является идеаль высокаго учительскаго призванія, который вновь проливаетъ въ его душу тихій свѣтъ и согрѣвающую теплоту; тогда онъ утѣшается вѣрой, что изъ искръ свѣта можетъ и возникнуть только свѣтъ.

Свѣтло же блистающей полярной звѣздой, руководясь которой истинный учитель всегда можетъ ориентироваться, оказывается въ его внутренности проникновеніе чистой идеей своего призванія по отношенію къ юношеству, чистая любовь къ предметамъ преподаванія, чистая радость испытываемая при самомъ преподаваніи. Онъ любитъ свою обязанность всей силой теплаго сердца за нее самое, не изъ за похвалы, не изъ за награды, которую онъ получаетъ за исполненіе ея. Сознаніе исполненной обязанности доставляетъ ему высшее удовлетвореніе; въ возвышенномъ дѣлѣ облагороженія людей находитъ онъ свѣтлыя отраду и веселье, богато вознаграждающія за всѣ непріяности, за многія досады и печали, которыя такъ часто гложуть его сердце. Въ такія мгновенія чувствуетъ онъ священное веселье, проливающее въ сердце счастье, и будущее предъ туманнымъ взоромъ его тогда снова проясняется; въ такія минуты укрѣпляется въ душѣ радостное убѣжденіе, что призваніе учителя, не смотря на многіе часы горькихъ и терзающихъ сердце страданій, все-таки прекрасно и благородно, равно какъ выясняется и то, почему по общему признанію оно такъ важно для государства и человѣческаго общества. Въ жизни для юношества и въ дѣятельности съ нимъ и для него находимъ мы истинное удовольствіе, радости чистыя и удовлетвореніе полное. О, тогда мы проникаемся сознаніемъ, что не напрасно живемъ въ этомъ мірѣ. А для человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, господа, ничего не можетъ быть прекраснѣе этаго сознанія; тогда мы становимся довольны своимъ призваніемъ, чувствуемъ, что достойно замѣщаемъ собою наше мѣсто въ человѣческомъ обществѣ. Какъ истинный художникъ, такъ и истинный учитель витаютъ среди своихъ идеаловъ и чрезъ проникновеніе своей дѣятельности идеей призванія способ-

ны поддерживать въ себѣ возвышенное настроеніе и чувствовать себя счастливыми.

Оно, это проникновеніе идей, это зрѣніе въ высоты и раскапываніе глубинъ, сообщаетъ духу чрезвычайную энергію и надѣляетъ его неослабной напряженностью, вдыхаетъ мужество не страшиться усилий и трудовъ, неотступно стараться и стремиться впередъ, никогда не вѣрить, что уже собрано достаточно различныхъ свѣдѣній, что и безъ усидчивыхъ занятій можно будтобы понадѣяться на здравый только свой человѣческій разумокъ: умъ вѣдь какъ и тѣло должно питать; постоянно должно желать достиженія лучшаго и прекраснѣйшаго, обратиться на это всеѣмъ своими мыслями и чувствами: только неунынная любознательность двигаетъ насъ впередъ и только постоянно освѣжаемое чувство можетъ сообщать словамъ нашимъ и рѣчамъ волшебную силу. Поддержать такую полноту душевной жизни—задача тяжелая; работа здѣсь широкая и безпрестанная; но отсюда—то и возникаетъ новая эластичность духа, родится новое одушевленіе, согрѣвается сердце все большей теплотой, пробуждается все рѣшительнѣйшая энергія. Само собою разумѣется, что и матеріалъ такой душевной жизни долженъ находиться въ постоянномъ движеніи, падать на дно души и снова вызываться къ жизни; то чего не лъзя удержать, должно быть отстраняемо, должны быть вводимы новые элементы, сообщающіе душевной жизни и изслѣдованіямъ новостъ и особенностъ: что жило въ душѣ, должно быть преобразуемо и измѣняемо: тогда и поступаніе впередъ будетъ обезпечено; дотолѣ, но и только дотолѣ учитель останется учителемъ; ибо что сказано о всѣхъ людяхъ, что *homines dum docent, discunt* *), то же должно сказать и объ учителяхъ, что *docendo discimus* **) и даже болѣе: учить только усердный, къ тому же только въ часы усердія.

Господа! Кто хвастается своими дарами, своими успѣхами, своими трудами, того обыкновенно упрекаетъ въ хвастовствѣ, и по справедливости; но что касается нашего личнаго прилежанія, нашей ревности, доброй нашей воли, тѣмъ—безъ боязни заслужить за то упрекъ—мы можемъ хвалиться. Поэтому, полагаю, не будетъ превозношеніемъ, если я скажу, что съ нашей стороны по отноше-

*) «Люди до^{хлѣ}лѣ/учать, до^{хлѣ}лѣ/учатся».

**) «Уча учимся».

нию къ вамъ не будетъ недостатка ни въ любви къ вамъ, ни въ довѣрїи, ни въ должныхъ оцѣнкахъ и признанїи вашихъ успѣховъ, что мы принесемъ на эту кафедру теплое сердце, охотно будемъ дѣлиться съ вами своими работами и въ вашемъ благѣ искать собственной своей удовлетворенности, что вообще по мѣрѣ силъ, которыми одарилъ насъ Господь, мы постараемся быть вѣрными учителямъ и вашимъ другомъ. Я всегда имѣлъ обыкновеніе повѣрять ученикамъ свой образъ мыслей и полагалъ, что тѣмъ же долженъ пользоваться и отъ нихъ. Прекрасное замѣчаніе: довѣріе пробуждается только довѣріемъ. Благо учителю, который это слово дѣлаетъ правиломъ своего отношенія къ ученикамъ: ему удастся довести юношескую душу до довѣрчивой преданности. О, какое любезное нашему сердцу, какое драгоценное сокровище представляетъ собою довѣрчивая душа, открытымъ свѣтлымъ взоромъ смотрящая вамъ въ глаза; какое напротивъ отталкивающее впечатлѣніе производитъ на насъ чувство, которое и на всѣ вещи и на людей смотреть съ мрачнымъ недоувѣріемъ!

И почему бы не довѣрять намъ другъ другу? Не заключается ли между учителемъ и ученикомъ общій союзъ съ намѣреніемъ достигнуть возвышенной и славной цѣли? Учитель и ученикъ связаны стремленіемъ къ одинаковой цѣли, идутъ одной и той же дорогой; ибо то самое, къ чему самъ учитель можетъ и долженъ стремиться и чего обязанъ достигать самъ, это же самое онъ вырабатываетъ и для ученика. Въ этомъ—то и состоитъ прекрасный характеръ и возвышенность призванія учителя, что онъ самъ старается сдѣлаться совершеннымъ и способнымъ ко всякому добруму дѣлу; его жизненная задача состоитъ въ томъ, чтобы и другихъ вести къ той же цѣли. Едва ли потому какія отношенія могутъ быть важнѣе и благороднѣе, едва ли какія связи могутъ быть прекраснѣе отношеній учителя къ ученикамъ. Учитель и ученикъ походятъ на двухъ путниковъ, предпринявшихъ путешествіе, продолжающееся цѣлые годы; одинъ изъ нихъ путеводитель, другой путеводимый. Они приходятъ въ далекія страны, которыя провожаемому знакомы и свои, провожаемому же неизвѣстны; они видятъ множество замѣчательныхъ и удивительныхъ вещей, о которыхъ руководимый ничего не знаетъ и въ которыхъ ничего не понимаетъ; они подвергаются затрудненіямъ и опасностямъ, которыхъ одинъ изъ путешественниковъ не могъ бы избѣжать безъ помощи и пособія другаго. Какъ безъ довѣрія путешествіе это можетъ кончиться счастливо

и съ добрымъ успѣхомъ? Если питомецъ не довѣряетъ руководителю, не вѣритъ что тотъ ведетъ его правильными путями, что онъ можетъ сообщить ему свѣдѣнія о всемъ важномъ и замѣчательномъ, могущемъ встрѣтиться на пути, что по своей опытности и предусмотрительности онъ въ состояніи охранить его отъ опасностей и защитить: въ состояніи ли тогда будетъ учитель оказать своему ученику много услугъ? Довѣріе къ цѣли, къ которой учитель ведетъ ученика, довѣріе ко всей его жизни и дѣятельности, это взаимное довѣріе составляетъ основу, на которой зиждутся отношенія между учителемъ и ученикомъ.

Наконецъ прекрасно основывать свои отношенія къ учителямъ и на любви. Потому что можетъ ли воспитанникъ за дѣтски любимымъ учителемъ не слѣдовать на всѣхъ путяхъ, на которыхъ онъ предшествуетъ ему? Можетъ ли онъ рѣшиться чѣмъ либо обидѣть учителя? Въ состояніи ли онъ будетъ не работать усердно и охотно для собственнаго своего блага, если онъ знаетъ, что чрезъ это онъ создаетъ радость для учителя? Но радостно оживляется сердце уже и самого учителя, если для него находится уголокъ въ сердцѣ воспитываемаго имъ юношества. Безконечно благотворное вліяніе производитъ на чувство учителя встрѣча между учениками душъ приверженныхъ и благодарныхъ. И если теплая любовь учителя въ свою очередь и въ сердцѣ ученика можетъ пробуждать расположенность къ нему; если стремленіе приобрести одобреніе учителя служить знакомъ ея,—о,—тогда по истинѣ любовь, свѣтящаяся изъ глазъ ученика, составляетъ для учителя награду драгоценнѣйшую, чѣмъ все богатства и почести; благодарность, исходящая отъ сердца, драгоценнѣе всѣхъ земныхъ имѣній. Дай Богъ, чтобы увѣренность наша на вашу благодарность и любовь къ намъ никогда насъ не обманывала, чтобы чувство благочестія, обнимающее собою чувства почтительности, довѣрія, любви,—чувство благочестія, которое всегда бываетъ соединено съ нравственной робостью и благодарностью, чтобы оно жило въ вашихъ сердцахъ и дѣйствовало какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ.

Мы говорили, обращаясь къ вамъ исходя изъ идеи и возвышенности, но вѣстѣ и трудности учительской должности. Труды учительскаго призванія дѣйствительно предносятся такъ ясно глазамъ cadaго, что довольно часто они находятъ себѣ признаніе у многихъ принадлежащихъ и къ другимъ званіямъ, хотя конечно такими людьми выражается при этомъ и удовольствіе, что не при-

надлежать они къ учительскому званію. Говорятъ и о радостяхъ учительскаго званія, называютъ призваніе педагога прекраснымъ и восхитительнымъ, и кто захочетъ отрицать справедливость этаго? Если о какомъ званіи, то несомнѣнно о призваніи учителя съ правомъ можно сказать, что оно имѣетъ свои минуты счастья и наслажденія, свои особенныя радости. Вѣрный своему призванію и добросовѣстный учитель имѣетъ минуты дѣйствительнаго, свѣтлаго счастья, удовольствія высокаго, радости чистой, серьезной и невозмутимой. Но мало излагаются страданія и печали учительскаго званія, мало обсуждаются и цѣнятся его тревоги и затрудненія, истинная трудность, происходящая вслѣдствіе той отвѣтственности, какую педагогъ беретъ на себя: ей, этой отвѣтственностью, подавлено было бы мужество многихъ, если бы она предносилась душѣ каждаго совершенно ясно. Радостей въ этомъ званіи не столь много какъ затрудненій; жизнь учителя *plus aloes, quam mellis habet* *), сказалъ бы Ювеналъ; но и радости—то эти достаются не каждому въ изобилии и въ полномъ объемѣ; приходится *καὶ χύντερον ἄλλο πρὸς τλήνην* (Od. XX, 302 **), потому что даже и тѣмъ, кто можетъ похвастаться этими радостями, часто и различнымъ образомъ служатъ онѣ причиной огорченій и отравляютъ душевное спокойствіе.

По истинѣ если бы мы при этомъ обращали вниманіе только на личныя свои силы, то не могли бы подавить въ себѣ нѣкоторой боязливости; но насъ возвышаетъ и укрѣпляетъ мысль, что мы входимъ въ вашу среду не во имя свое, а во имя Того, кто сотворилъ небо и землю, кто раздаетъ по своей волѣ дары и служенія, кто опредѣляетъ цѣли, которыя должны быть достигаемы, который и мною отъ времени юности и даже до настоящаго дня удивительно руководилъ и привелъ на эту кафедру; это усиливаетъ во мнѣ увѣренность, что мужамъ, счастливо дѣйствующимъ въ этомъ заведеніи, и я состою вѣрнымъ помощникомъ и сотрудникомъ; укрѣпляетъ меня надежда на благосклонное и споспѣшествующее участіе начальства, которому ввѣрено благо нашего заведенія, на его энергичное покровительство, дѣятельную заботу и принимающую въ расчетъ требованія времени и подлежащія потребности предусмотрительность, какая должна исходить отъ начальства. Поддерживаю

*) «Болѣе алоя, чѣмъ меду», т. е. болѣе горечи, чѣмъ пріятностей содержитъ.

**) «Иногда испытывать еще другое иѣчто, болѣе мучительное».

я твердою надеждою, что среди юношества, получающаго здѣсь образованіе, господствуетъ духъ порядка и воспитанности, послушанія и прилежанія, чѣмъ главнымъ образомъ и обусловливаются успѣхи нашего заведенія.

Этимъ обсужденіемъ предстоящей намъ задачи, этими возрѣніями на нее и чувствами, внутренними свидѣтелями добрыхъ и благородныхъ стремленій нашихъ, мы доколѣ и удовлетворимся.

III.

ВЪРНАЯ

любовь родительская

и отвѣчающая ей благодарная признательность
учащагося сына.

Снова возвращаетесь вы въ школу послѣ вакацій, во дни которыхъ въ разцвѣтшемъ храмѣ природы могли искать себѣ и найти вполне заслуженное вами успокоеніе и чрезъ то зацѣлиться силами для работъ новыхъ и высшихъ.

Возвращаетесь изъ домовъ родительскихъ и родственныхъ. Снова оставили вы тамъ дорогихъ своихъ родныхъ; опять оторвались отъ отцовскаго и материнскаго сердца, покинули сестеръ своихъ и братьевъ. Наконецъ вамъ придется и совсѣмъ удалиться отъ роднаго очага, изъ подъ очага крова, который въ вакаціи еще защищаетъ васъ и скрываетъ, гдѣ всегда ухаживаетъ за вами такъ радушно мать, гдѣ окруженные родителями и родными вы всегда чувствуете себя такъ хорошо и уютно, а во дни истекшіе прекраснаго лѣтняго времени гдѣ получили новыя доказательства родительской къ вамъ и родственной любви. Многіе изъ васъ и сами къ своимъ требующимъ того отцамъ или своей дорогой матери или другимъ своимъ родственникамъ спѣшили на время отпуска съ пособлюющей рукой, а потомъ, какъ сего дня, снова принимаются за свои учебныя работы съ успокоительнымъ сознашемъ, что принесли родительской любви посильную жертву.

Трогательна, друзья, эта любовь родителей къ своимъ дѣтямъ; ижны и искренни отношенія, господствующія между родителями

и дѣтьми. Одно солнце на небѣ и никакое искусственное освѣщеніе не замѣнитъ собою его свѣта и теплоты: одна у каждаго изъ насъ мать на свѣтѣ и ничто не можетъ сравниться съ ея нѣжностію и любовью; не бѣтается для васъ другому сердцу такъ, какъ бѣтается для каждаго изъ васъ сердце матери и въ радости вашей и въ горѣ и во время молитвъ за васъ; и я увѣренъ, что въ сердцахъ вашихъ родителей найду наилучшее подтвержденіе своимъ словамъ.

Родители твои—лучшіе твои друзья и величайшіе твои благодѣтели.

Родители твои лучше тебѣ друзья между всѣми людьми цѣлаго міра. Какъ неопнѣваемо велика любовь къ тебѣ твоихъ родителей! Они любятъ тебя безконечною любовью, какъ не любятъ тебя ни одинъ человѣкъ на этомъ свѣтѣ. Изъ любви къ тебѣ они отказываютъ себѣ во многихъ удовольствіяхъ, даже во многомъ необходимомъ. Они радуются съ тобою, если ты веселъ; они скорбятъ, если случается съ тобою несчастье. Ты составляешь постоянный предметъ ихъ разговоровъ, ихъ радостей, ихъ желаній, ихъ молитвъ. Даже во снѣ твой образъ предносится ихъ духу. На тебѣ покоятся ихъ надежды, въ тебѣ ожидаютъ они видѣть украшеніе своего имени, найти опору своей старости: и не лежитъ ли на тебѣ священная обязанность осуществить эти ихъ чаянія?

Родители твои послѣ Бога суть величайшіе твои благодѣтели. Неутомимо и съ величайшимъ самоотверженіемъ они работаютъ для всесторонняго твоего блага и въ особенности для твоего умственнаго преуспѣянія и нравственнаго облагороженія. Они совершенно откровенно говорятъ тебѣ о твоихъ недостаткахъ и съ любовью обличаютъ тебя въ проступкахъ. Имъ можешь и самъ ты совершенно безбоязненно сообщать о сердечныхъ своихъ желаніяхъ и заявлять о своихъ нуждахъ. Чистѣйшей, благороднѣйшей любовью согрѣваются они въ своихъ отношеніяхъ къ тебѣ; пламеннѣйшее ихъ желаніе—чтобы ихъ духъ продолжалъ жить въ тебѣ.

Ты обязанъ родителямъ твоимъ сохраненіемъ этой твоей жизни отъ перваго часа твоего рожденія даже до настоящаго дня, ибо родители твои любили тебя еще прежде, чѣмъ ты родился на этотъ свѣтъ. Мѣсто тебѣ было уже приготовлено, когда ты вступилъ въ этотъ міръ. Когда ты родился, твоя жизнь могла быть уничтожена однимъ дуновеніемъ, быть погашенной какъ искорка; малѣйшій вѣтерокъ могъ изгладить ее. Но Божіе милосердіе поставило около тебя защищающую стѣну: ты не принесть въ этотъ міръ ничего,

и твоя бѣдность и нагота были твоимъ рекомендательнымъ письмомъ, такъ что сердце матери не могло отказаться отъ тебя и тебя оставить. Ея любовь призрела тебя и стала на стражѣ твоего младенчества; изъ груди матери сталъ пить ты свою жизнь. Какимъ лишеніямъ мать, она въ особенности, подвергала себя, лишь бы ты былъ здоровъ, лишь бы продолжалъ жить въ этомъ мірѣ при хорошо сформированномъ тѣлѣ и могъ бы и далѣе физически развиваться! Сколько и какой любви она проявила къ тебѣ, начиная съ перваго часа твоего бытія! Тебѣ жертвовала мать своимъ временемъ, своими силами и всѣмъ; ты былъ для нея радостью, ея утѣшеніемъ, ея заботой и печалью. Она не искала никакихъ другихъ удовольствій отъ мірѣ: колыбель твоя давала ей высшія. Если ты былъ благополученъ и росъ, тогда и мать твоя была счастлива; свое счастье уже и въ ту пору она не отдѣляла отъ твоего. Но если ты дѣлался боленъ: кровью обливалось ея бѣдное сердце. Съ какой достоудивительной заботливостью она ухаживала за тобой; отъ твоихъ болѣзней она страдала болѣе, чѣмъ ты самъ. При твоихъ болѣзняхъ одиноко она проводила безъ сна около тебя долгія и тоскливыя ночи, доставляя тебѣ всевозможныя облегченія; и когда отъ дремоты смыкались ея глаза и силы хотѣли ее оставить, тогда она взглядывала на тебя, на твои страданія, одушевлялась новою любовью къ тебѣ, переставала чувствовать слабость свою и утомленіе и усиливается была для новыхъ самоотверженныхъ подвиговъ. Тысячи разъ она молилась за тебя, когда полагала, что жизнь твоя въ опасности, когда ты былъ уже близокъ къ смерти, молилась, чтобы Богъ во второй разъ даровалъ ей вскормленника ея сердца. Тысячи разъ на ея молитву спускались съ неба ангелы Божіи и становились около твоей постели, проливая масло на лампу твоей угасающей жизни. Такую любовь проявила по отношенію къ тебѣ мать твоя въ томъ возрастѣ, о которомъ ты ничего не знаешь, который проведенъ былъ тобою въ объятіяхъ сна. Еще прежде чѣмъ ты научился лепетать ея имя, она сдѣлала уже для тебя столько незаконечно великаго, что цѣлая жизнь признательнѣйшаго почтенія была бы только незначительной расплатой за давнымъ давно полученныя благодѣянія. Словами трудно и изобразить всю иѣжность къ тебѣ материнской любви; ее можетъ чувствовать только ея же материнское сердце, а благодарнымъ лиятея эта любовь можетъ быть только предчувствуема и воображаема.

Когда твой духъ постепенно пробуждался изъ дремоты и ты

научился владѣть языкомъ, опять таки преимущественно мать развивала въ тебѣ первыя понятія и пробуждала въ тебѣ религіозныя чувства. Лono и грудь матери были первой твоей школой. Она это была, которая въ цвѣтѣ дерева, въ поляхъ цвѣтахъ, въ разноцвѣтныхъ бабочкахъ, въ усяянномъ звѣздами небесномъ сводѣ, въ пѣніи птицъ и въ раскатахъ грома учила познавать великаго, всемогущаго, въ высшей степени святаго небеснаго нашего Отца. Это мать твоя ежедневно благословляла тебя крестнымъ знаменіемъ и тебя учила тоже дѣлать, ибо это—знаменіе нашего спасенія. Это мать твоя впервые тебѣ говорила, что младенецъ Иисусъ началъ земную свою жизнь въ бѣдности и лишеніяхъ и окончилъ оную мучительной и позорной смертью на крестѣ, чтобы Отецъ небесный снова могъ принять насъ какъ своихъ дѣтей.

Какими горячими слезами она омывала себѣ свое лице и впоследствии, когда легкомысліе твое и искушенія позднѣйшихъ годовъ трогали ея материнское сердце до боли. Тысячи разъ въ часы твоихъ искушеній и когда ты былъ близокъ къ тому, чтобы поскользнуться, упасть, впасть въ грѣхъ, изъ котораго снова не всталъ бы, призываемые молитвами твоей матери, нисходили съ неба ангелы Божіи и становились около тебя, для тебя самого невѣдомо; они—то, небесные посланники, трогали твое сердце, поддерживали тебя, будили тебя изъ грѣховнаго усыпленія, чтобы ты позналъ своего врага: они предносили душевному твоему взору опасность; ты сторонился отъ пропасти, когда еще было время для того, и былъ спасаемъ какъ бы изъ пожарнаго огня, безъ всякой съ твоей стороны заслуги, единственно въ силу прензбыточествующаго благоволенія Божія къ твоимъ родителямъ.

И между тѣмъ какъ мать твоя столь всесторонне вліяла на твою жизнь, отецъ заботился преимущественно о ви́шнемъ твоёмъ благѣ; потому что его призваніе было иное. Онъ долженъ былъ трудиться ви́е дома и добывать ежедневный хлѣбъ для матери и дѣтей. Только вечернее время служебными занятіями дозволялось ему проводить въ кругу своихъ домашнихъ. Но вдвойнѣ пріятно и сладостно было для него это и вдвойнѣ онъ давалъ тебѣ чувствовать свою любовь, потому что цѣлый день онъ лишень былъ общенія со своими близкими. Тогда охотно продолжалъ онъ обученіе матери и строилъ далѣе на заложенныхъ ею основаніяхъ. Тогда родители учили тебя вечернимъ молитвамъ и славословить пресвятую Дѣву, чтобы ночью не испытывать тебѣ никакихъ беспокойствъ,

чтобы охранялъ твою постельку святой ангелъ хранитель и всевидящее око. Крестное знаменіе на твоёмъ челѣ и кропленіе святою водою были амулетами, съ которыми родители твои передавали тебя въ объятія сна, и тогда у тебя исчезало къ ночи всякое горе.

Нравственно серьезная любовь вашихъ матери и отца посредствовала вамъ и чувства Божественной къ вамъ любви и сдѣлала ваше сердце пріемлемымъ для него. Вѣрная забота родителей была для васъ, но и досель служить, отобразомъ и залогомъ безконечной любви къ вамъ и вѣрности и небеснаго нашего Отца.

Ты вступилъ потомъ въ возрастъ, въ которомъ должны были быть положены первые начатки всякаго образованія. И хотя у этой вѣрной любви твоихъ родителей не могло бы быть недостатка ни въ рѣшеніи продолжать ни въ желаніи окончить твое воспитаніе и образованіе, но имъ, раздѣляющимъ свое время между разнообразными занятіями, по большой части его уже не достаетъ на это. Отецъ занятъ дѣлами службы, время матери поглощается уходомъ за младшими дѣтьми, заботой о домѣ и хозяйствѣ. У родителей не стасть болѣе ни силъ, ни досуговъ, чтобы доставить дѣтямъ разностороннее обученіе и воспитаніе, ни научныхъ познаній, идущихъ впередъ: что знаетъ отецъ и мать, тоже скоро узнаетъ и сынъ; поэтому они отдали тебя въ школу, въ училище, и радовались, видя какъ въ изученіи полезнѣйшихъ и необходимѣйшихъ знаній ты шелъ впередъ. Съ какой охотой они вознаграждали твою ревность многочисленными удовольствіями, которыя исключительно для тебя ими придумывались. И такъ какъ ты во всѣхъ отношеніяхъ оказывалъ добрые успѣхи, то они пустили тебя по ученому пути, чтобы ты иѣкогда заявилъ о себѣ въ какомъ либо важномъ кругу дѣйствія, могъ снискать своему имени благословеніе твоихъ ближнихъ и быть благотворителемъ отечества. Они послали тебя наконецъ въ это учебное заведеніе, чтобы ты выработалъ здѣсь идею будущаго своего призванія. Съ этого момента любовь твоихъ родителей начала раскрываться величественнѣйшимъ образомъ, и если-бы возможно было выразить ее въ числахъ, то ты долженъ былъ-бы заниматься исчисленіемъ ее по днямъ въ день. Но оцѣнка эта даже и приблизительно невозможна. Однако же присмотримся къ любви твоихъ родителей, какъ она сказывается въ удовлетвореніи ежедневныхъ твоихъ потребностей. Исчисли, сколько стоишь ты имъ каждый годъ; приложи годы, которые ты уже провелъ въ этомъ учебномъ заведеніи; прими въ соображеніе незначительные доходы

твоих родителей и какъ мало остается у нихъ средствъ за вычетомъ издержекъ на тебя и твоихъ сестеръ: тогда ты будешь имѣть и численное доказательство самоотверженной любви къ тебѣ твоихъ родителей. И все—таки они не удовлетворяются этимъ. Любовь родителей вѣснѣе болѣе, чѣмъ сумма денегъ, какія они издерживаютъ на тебя. Взвѣсь, сколькихъ капель трудового пота стоятъ имъ расходы на твое содержаніе; обсуди, что они изъ за тебя отказываютъ себѣ не только во многихъ удовольствіяхъ, но и во многомъ необходимомъ, можетъ быть терпятъ даже нужду; прими въ соображеніе, что они эти жертвы приносятъ охотно, лишь бы онѣ были только оцѣнены съ твоей стороны и пошли тебѣ въ пользу; не забудь, что за твое благобытіе, за твое дальнѣйшее развитіе и облагороженіе ежедневно они возсылаютъ къ небу смиренныя молитвы; можетъ быть даже и въ позднюю полночь, между тѣмъ какъ ты уже давно лежишь въ спокойной и пріятной дремотѣ, родители твои еще работаютъ для тебя и молятся; подумай, что когда они раннимъ утромъ просыпаются, то первой мыслью ихъ бываетъ мысль о Богѣ и о тебѣ и чтобы снова начать обычное дѣло своихъ трудовъ для тебя; взвѣсь все это, тогда ты будешь имѣть, но и то очень невѣрный масштабъ неограниченной любви твоихъ родителей къ тебѣ; я говорю очень невѣрный, потому что любвеобильное сердце ихъ неизслѣдимо.

Да, родительская любовь есть глубочайшее и искреннѣйшее изъ чувствъ, оживляющихъ и волнующихъ человѣческую грудь. Въ совершенномъ samozабвеніи вѣрный отецъ и любящая мать находятъ свои радости только въ счастьи и благополучіи своихъ дѣтей. И въ настоящій часъ сердца какъ многихъ отцовъ и матерей наполняются радостно и благодарностию, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняются отъ заботъ о будущемъ любезнаго ихъ сына, который теперь снова отошелъ въ даль и смѣло выѣзжаетъ въ неизвѣстное ему море. Въ эту минуту это житейское море хотя и разстилается предъ вами свѣтлымъ и гладкимъ, какъ зеркало, но въ глубинахъ его спятъ бури и стоятъ какъ бы на караулѣ тайныя утесы; они-то грозятъ неопытному и безпечному карабельщику смертию и вредомъ. Моглали потому мать, отпуская вскормленника своего сердца за много верстъ, куда-то далеко и на долгое время, не отдаваться слезамъ. Какія тревоги постоянно она должна испытывать за жизнь и здоровье своего питомца, за направленіе его ума и сердца, за настроенность души его и духа? Я самъ знаю нѣсколькихъ набожныхъ матерей и

смирненных и благочестивыхъ отцовъ вашихъ, которые, отпуская семнадцатилѣтнихъ и восемнадцатилѣтнихъ своихъ сыночекъ изъ дому, каждый разъ вздыхаютъ отъ неувѣренности, въ богобоязливомъ ли христіанскомъ домѣ долженъ жить ихъ сынъ, тотъ же ли духъ царить около него въ квартирѣ, что господствуетъ и въ родительскомъ домѣ, возвратится ли любимый сынъ ихъ изъ школы здоровымъ по душѣ и по тѣлу? Эти и подобныя заботы живо трогаютъ отеческое и материнское сердце. Съ тоскливой боязливостью и безпокойствомъ ваши домашніе смотрятъ въ невѣрное будущее большей части изъ васъ. Много увлажненныхъ слезами глазъ, быть можетъ, и въ это мгновеніе обращаютъ на васъ озабоченный взоръ свой; и между тѣмъ какъ вы, не чувствуя надъ собой опеки своихъ родныхъ и не предчувствуя тоски ихъ по васъ, готовите себѣ на трудовыя ихъ средства только удовольствія и радости, изъ дружественно расположенныхъ къ вамъ и родственныхъ сердець возносится за васъ молитва къ небу, чтобы Всевышній принялъ васъ подъ свою защиту и охрану, чтобы не пришлось нѣкогда родительскому дому видѣть возвратъ въ него юношей легкомысленныхъ, испортившихся по уму, по сердцу и по тѣлу. Глаза какъ многихъ родителей обращаются въ эти минуты вверхъ къ Тому, кто повелѣваетъ вѣтрамъ и волнамъ, и изъ глубины сердца восходитъ горѣ пламенная молитва, чтобы Онъ самъ вступилъ на утлый челикъ и самъ правилъ бы кормиломъ его. Не найдется ни одного родительскаго и материнскаго сердца, которое въ мгновенія сборовъ сына въ школу не возсылало бы къ небу пристрашныхъ и неотступныхъ молитвъ о благѣ своего любимца, чтобы онъ въ состояніи былъ идти своимъ правымъ путемъ и управлять себя ко благу. И заведеніе это присоединяется къ этой молитвѣ, возносящейся изъ озабоченныхъ сердець. Оно раздѣляетъ съ вашими родными эту заботу о вашемъ будущемъ. Трудна, весьма трудна отвѣтственность принять въ свои стѣны дѣтей, удаляемыхъ отъ любви родительской; тѣмъ не менѣе школа беретъ ее на себя. Отецъ передаетъ школѣ любезное для него, съ боязливой и тоскливой заботливостью валежливное дитя, вращавшееся до того времени исключительно въ сферѣ искренняго домашняго обращенія, простодушна и отраднана и не для дѣтской только души приволья: ужели же отецъ не можетъ желать отъ школы, чтобы живущая въ сердцѣ его сына любовь, управляющія имъ простодушіе и откровенность не были подавлены холоднымъ и непривѣтливымъ обращеніемъ, чтобы не были

они потушены насмѣшкой и желчной раздражительной серьезностію, чтобы дѣтская душа не сбилась съ указанной ей разь дороги и чтобы отцу не пришлось встрѣчать въ своемъ смѣхѣ иного человѣка и худшаго въ нравственномъ отношеніи, нежели какимъ онъ передалъ его школѣ.

Не слышишь ли ты, какъ родители обращаются къ намъ учителямъ: «Вотъ, добрые наставники юношества, мы поставляемъ предъ вами наше дитя; доселѣ мы воспитывали его рачительно; изъ вашихъ рукъ именемъ Божиимъ мы снова будемъ искать его. Мы поручаемъ его вашей совѣсти, чтобы вы озаботились имъ какъ предписываетъ вамъ это обязанность и честь. Смотрите: это дитя важнѣйшее наше сокровище, наша радость; отъ него мы чаемъ утѣшенія себѣ въ старости. Грѣхъ вамъ будетъ, если въ этому нашему сокровищу дозволите погибнуть, эту радость нашу превратите въ печаль и сѣтованія, если эту опору нашей старости надломите. Смотрите за нимъ. Этимъ дѣтямъ своимъ мы даемъ трудомъ приобретаемая деньги; часто сами терпимъ недостатки и во многомъ отказываемъ себѣ, лишь бы сыновья наши тратили ихъ дѣйствительно на цѣли учебныя и лишь бы успѣхи ихъ соответствовали нашимъ затратамъ. Если же на эти трудовыя наши деньги сынъ нашъ становится испорченнымъ; если онъ возвратится къ намъ ничему не научившись, не проникшись благочестіемъ, безъ ревности, безъ любви: куда мы съ нимъ дѣнемся?» И школа не можетъ же сознательно не отвѣчать этимъ родительскимъ желаніямъ. Не должно ли наше сердце разрываться отъ такихъ просьбъ родителей? И лишь бы сами родители не дѣлали изъ своихъ дѣтей того, чѣмъ они станутъ нѣкогда, мы съ своей стороны стараемся утишить эти ихъ опасенія: такія и подобныя вложеннымъ ихъ рѣчи ужасны. Помогите намъ и вы съ своей стороны въ нашей задачѣ представить вашимъ родителямъ въ лицѣ вашемъ вѣрныхъ дѣтей. Сотни родителей довѣрили намъ лучшее, что они имѣли, свою величайшую драгоценность, свое дражайшее сокровище: дайте же намъ возможность соответствовать этому ихъ довѣрію и будьте этой школѣ послушны; безъ послушанія же какъ можемъ мы быть полезными для васъ?

Родители твои передали тебя намъ учителямъ; ихъ глазъ не видятъ васъ болѣе; ихъ рука не достигаетъ теперь до васъ; ихъ слово не достигаетъ вашего уха: только сердцемъ они часто помышляютъ о васъ, любезныхъ ихъ дѣтяхъ, часто мучатся заботами о

васъ, возсылають къ небу смиренныя молитвы за васъ; мѣсто же ихъ заступаемъ мы для васъ.

Ты дарншь вѣрность нашу къ тебѣ своей любовью; но учителя твои говорятъ тебѣ: «Слѣдуй за нами и за законами этой школы». Не всѣхъ ли насъ голосъ говорить къ каждому изъ васъ: «Друзья! На насъ возложена высокая, священная обязанность бодрствовать за васъ; вы довѣрены намъ отечествомъ, родителями, Богомъ, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ ихъ любви къ вамъ. Но для вашего счастья, для вашего благополучія во дни грядущіе мы рекомендуемъ вамъ почтеніе предъ учениемъ и добрыми правами». Ты питаешь въ своемъ сердцѣ любовь къ родителямъ; но вотъ они оглашаютъ тебя наставленіемъ: «Будь послушенъ». О, если бы это слово предостереженія и напоминанія, которое родителями еще разъ посылается во слѣдъ удаляющемуся отъ нихъ сыну, о, если бы оно продолжало еще звучать въ ушахъ вашихъ и тогда, когда родной голосъ тотъ уже давно замолкъ и, о, если бы въ серьезный часъ оно еще окликало васъ и въ отсутствіи родителей! И дѣйствительно, нѣтъ ли основаній для подобныхъ со стороны школы желаній? Потому что глаза уже какъ многихъ отцовъ смачивались слезами, когда открывалось, что похвала самому себѣ продувдаго сына оказывалась съ его стороны хитростью! Развѣ не видали вы столь многихъ отцовъ, на истомленномъ печалію лицѣ которыхъ ясными чертами написана скорбь о потерянномъ сынѣ? Юноши, сидѣвшіе, быть можетъ, на этихъ самыхъ мѣстахъ, въ своемъ легкомыслии возвращались домой нравственно, умственно и по тѣлу испорченными и извращенными. Многія семейства поражались скорбію и печалію о заблудшихъ своихъ сочленахъ и сердцамъ родителей и родственниковъ такими юношами наносились раны незаживляемыя. Велика, неизмѣрима печаль стоять при гробѣ любимаго дитяти; сердце родителей взрывается неизъяснимой горестію при гробѣ юнѣйшаго и невоспитаннаго дитяти; но еще большая, еще сильнѣйшая печаль объемлетъ внутренность ихъ и еще глубже въѣдается въ сердце, если приходится видѣть сына нравственно и духовно потеряннымъ. Не должно ли сердце родителей обливаться кровію, когда неумолимая тѣлесная смерть отнимаетъ жизнь у юноши, который уже самостоятельно могъ идти впередъ по пути духовнаго развитія и нравственнаго усовершенствованія, который уже близокъ былъ къ днямъ дѣятельности мужескаго возраста? Когда достигаетъ уха родителей свѣдѣніе, что отечество одержало побѣду

надъ непріятелемъ; но что любимецъ ихъ . сердца палъ въ битвѣ со врагомъ: скорбь и печаль требуютъ своихъ правъ, но онѣ не непреодолимы. Родигельское сердце тогда не подавляется великостію личной утраты; оно снова мощно возвышается мыслію, что между жертвами за высшія блага есть и ихъ драгоцѣннѣйшая. Слезы горести въ глазахъ матери смѣшиваются тогда со слезами возвышенной радости и отцовскій глазъ зреть черты любезнаго ему сына въ неувыдающей юности облитыми блескомъ всего человѣчески—великаго и прекраснаго. Совѣтъ иное дѣло, когда подававшего много надеждъ юношу, который вчера еще сіялъ полнотою силы и красоты, приносятъ въ родительскій домъ трупомъ—онъ умеръ въ товарищеской попойскѣ. Тутъ рушится все прекрасное, возвышающее; ничѣмъ не вызывается тутъ къ жертвѣ почтенія, и родительскій глазъ въ цѣломъ морѣ объемлющей его печали напрасно ищетъ твердаго пункта, къ которому можно было бы причалиться съ утѣшеніемъ.

Счастье твоихъ родителей такимъ образомъ въ твоихъ рукахъ; ты составляешь надежду ихъ, но ты же можешь быть и ужасомъ ихъ, ибо *сынъ премудръ вселитъ отца, сынъ же безуменъ печаль матери*, говоритъ премудрый Соломонъ (Притч. X, 1). Ты можешь избрать въ подруги себѣ добродѣтели и будешь опорой ихъ; они будутъ благословлять тебя еще и при послѣднихъ предсмертныхъ вздохахъ; но отъ тебя зависитъ подружиться и съ порокомъ и твоя мать раскаиваться будетъ, что тебя родила, а не камень; лучше бы съ дикими звѣрями позволить тебѣ жить, на утесахъ спать, кореньями питаться, чѣмъ воспитать тебя; со вздохомъ и стогономъ сойдетъ въ могилу послѣдній отецъ твой.—Выбирай!

Друзья! По окончаніи годичнаго времени предстоящихъ новыхъ учебныхъ работъ и этотъ учебный годъ мнуетъ безвозвратно и наступитъ опять радостныя лѣтнія каникулы, когда вамъ снова дозволено будетъ удалиться на довольно продолжительное время на родную сторону, чтобы вы здѣсь безъ числа наслаждались благородными радостями своего возраста. Тогда—то ваши дорогіе родители, любезные ваши братья и сестры, родственники и близкіе знакомые снова спросятъ и потребуютъ отъ васъ отчета: *«Дажь отвѣтъ, сыне, скажутъ родители: не безчестишь ли насъ, не клеймишь ли нашего честнаго имени позоромъ? Настолько ли старательно учишься, чтобы иѣкогда быть тебѣ въ состояніи сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ, честно исполняющимъ свой долгъ и дѣйствующимъ ко*

благу своихъ согражданъ? Не забываешь ли той нужды и лишеній, какія пзъ за тебя мы положили на себя, тѣхъ заботъ и безпокойствъ, какія мы имѣемъ о тебѣ и охотно, которымъ отдаемся, лишь бы собой ты не причинилъ намъ печали? Честно ли хранишь въ своемъ сердцѣ благочестивыя наставленія, которымъ внималъ ты изъ нашихъ устъ, которыя нами и въ письмахъ были напоминаемы тебѣ? Не пренебрегаешь ли ты и не оставляешь ли безъ исполненія тѣхъ добрыхъ правилъ, которыми мы, какъ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ, надѣлили тебя при отправленіи на чужбину? Такъ ли же благочестивъ ты, такъ ли богобоязливъ, столько ли же неповрежденнымъ, чистымъ и невнимнымъ остаешься ты и теперь, какимъ выбылъ впервые изъ дому родительскаго? *Даждь Antwortъ, сыне*. Такой голосъ чрезъ десять мѣсяцевъ снова раздастся изъ устъ вашихъ родителей. И что, если совѣтъ твой не найдетъ себя удовлетворенною, если ты долженъ будешь сознаться: «Къ сожалѣнію и этотъ годъ я провела бесполезно. При своей вѣтрености и непостоянствѣ часто я забывала о своихъ обязанностяхъ. Я не думала о лишеніяхъ, какимъ изъ за меня подвергаютъ себя мои добрые родители. Я непродуманно и даже постыднымъ образомъ надерживала ихъ деньги, съ трудомъ и въ потѣ лица ими приобретаемая для меня. Много доставляла я моимъ родителямъ совершенно бесполезныхъ хлопотъ, была причиной даже многихъ тяжелыхъ огорченій и теперь вновь опечалю ихъ тѣмъ, что потеряю изъ своей жизни еще годъ. Къ сожалѣнію я не внимала полезнымъ ихъ и благонамѣреннымъ наставленіямъ. Я уже не столь тверда, какъ прежде въ добрыхъ правилахъ, не столь невнимна, не богобоязлива такъ, какимъ была, когда оставляла отеческій домъ!» Если твой совѣтъ отвѣтитъ тебѣ такъ прискорбно, то прибытіе твое въ домъ родительскій конечно не будетъ для тебя радостно. Правда при твоёмъ возвращеніи потекутъ слезы, но это будутъ не слезы радости, а слезы горести, страданія и боли. Какой смыслъ не почувствуетъ при этомъ стыда и раскаянія, не только уменьшающихъ, но и совершенно стѣсняющихъ чувство радости о вышедшемъ на его долю отдыхѣ. Воспроизведите въ себѣ чувство, какъ вы, возвратясь домой, вступивши въ любезный вамъ кругъ своихъ близкихъ должны будете застыдиться и покраснѣть, потупить глаза внизъ; если при радостныхъ и певниныхъ поцѣлуяхъ своихъ сестеръ сознание шепчетъ вамъ на ухо: ты не достоинъ этой любви. Какъ тяжело будетъ такимъ съ краской стыда на щекахъ стать

предъ испытующимъ взоромъ отца, предъ вопросительными глазами матери и со стыдомъ сознаться: «Вы напоминали мнѣ исполнять мои обязанности, но я... забылъ объ этомъ; вы просили меня постоянно помнить вашу любовь, вашу вѣрность, вашу доброту... но я послушенъ былъ болѣе голосу соблазнителя, который отклонялъ меня отъ моей обязанности; вы молили меня: имѣй предъ очами и въ сердцѣ Бога. но я... разсудилъ слѣдовать лучше за тѣми, которые учили меня убивать время напрасно и исполнять прихоти моего сердца»...

Но позвольте мнѣ представить случай, — я увѣренъ только и надѣюсь на Бога, что случая этаго не встрѣтите съ вами, — но представимъ себѣ его возможность, что вы по своему легкомыслию своимъ поведеніемъ огорчили своихъ родителей, причинили имъ заботу, можетъ быть, сократили дни ихъ: какое ужасное бремя отяготѣло бы на васъ, котораго вы никогда, никогда, въ теченіе цѣлой своей жизни, не могли бы свалить съ себя, которое стало бы мучить васъ нѣкогда даже въ часъ смертный.

О, благо тѣмъ изъ васъ, которые, чувствуя себя въ большей или меньшей степени виновными предъ своими родителями, доколѣ есть еще время, сознаютъ свою виновность, серьезнымъ взглядомъ окинуть прошедшее и перейти къ улучшенію себя! Обратившись къ своимъ родителямъ пусть только скажутъ они подобно Исаву: *отче, ужели у тебя не осталось и для меня благословенія* (Быт. XXVII, 36), и будь увѣренъ, что благословляющія руки твоего отца будутъ подняты и на тебя, не работавшаго съ перваго часа. Счастливъ, трижды счастливъ ты, если безъ краски на лицѣ и безтрепетно можешь являться постоянно предъ лице твоихъ родителей и выдерживать ихъ испытаніе, если совѣтъ говорить тебѣ: «Я дѣлаю, что въ моихъ силахъ. Я не могу упрекнуть себя въ лѣности или въ легкомысліи. Часто приходилось мнѣ очень тяжело, было очень трудно; но постоянно при этомъ я сознавала, что мои трудолюбивые родители отъ ранняго утра до поздней ночи гораздо болѣе работаютъ, чѣмъ я, и все для меня. Я не сдѣлался хуже съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ мѣста, гдѣ стояла моя дѣтская колыбель. Я надѣюсь утѣшить въ этомъ случаѣ моихъ родителей». Счастливъ юноша, которому его совѣтъ подсказываетъ такое благоприятное сужденіе о себѣ. И какъ многіе изъ васъ дѣйствительно изъ году въ годъ могутъ озираеться на свое учебное время съ удовлетвореннымъ чувствомъ и постоянно съ радостнымъ сердцемъ возвращаются

въ нѣдра семействъ своихъ родителей и на родину! Примите отъ этаго заведенія сердечное сорадованіе вашей радости и научитесь изъ этаго радостнаго своего душевнаго состоянія пониманію того, какъ осчастливленнается человѣкъ сознаніемъ удовлетворенности своимъ обязанностямъ. Какъ много отеческихъ глазъ блестяло уже и увлаживалось слезой отъ радости объ успѣхахъ добраго сына и при похвалахъ ему! Достигайте и того и другаго ради своихъ родителей, ради всѣхъ своихъ родныхъ. Пусть образъ ихъ предносится душѣ вашей и пусть онъ предстасть предъ внутренней глазъ вашъ особенно въ тѣ мгновенія, когда колеблетесь вы на пути добромъ. Тогда не только на землѣ они будутъ благословлять васъ, но и изъ высшихъ странъ неба благословляя призирать на васъ. Если бы вы могли измѣрить глубину, все богатство любви, какое заключается въ родительскомъ и материнскомъ сердцѣ, если бы могли вообразить радость честныхъ родителей о счастьи добрыхъ дѣтей, ихъ заботу и печаль о несчастіи дѣтей испорченныхъ, то позаботились бы и о томъ, чтобы никогда не оскорблять эту вѣрную любовь своей виной.

И что можетъ быть естественнѣе для юноши взаимной любви къ родителямъ? Каждый добрый человѣкъ естественно чувствуетъ себя привлекаемымъ къ своему благодѣтелю. Съ какими удовольствіемъ онъ думаетъ о немъ, какую пріятность ему доставляетъ и какую отраду, если онъ можетъ остановиться на размышленіяхъ о немъ! Какъ охотно навсегда онъ остался бы около своего благодѣтеля, чтобы доставлять ему какія либо радости! Уже и малое дитя чувствуетъ себя на лонѣ своихъ родителей привольнѣе. Улыбаясь, онъ простираетъ свои руки къ дорогому отцу и милой матери и боязливо прячетъ свое лице, если приближается человѣкъ незнакомый. Еще прежде чѣмъ научилось лепетать имена отца и матери, дитя уже предчувствуетъ въ нихъ величайшихъ своихъ благодѣтелей и первые звуки, сознательно имъ воспроизведенные, суть фонетическое обозначеніе дражайшихъ лицъ, какія у него только есть въ этомъ мірѣ. Потому каждымъ дитятей переживается періодъ, когда ему кажется, какъ будто бы отецъ пользуется своею властію капризно, какъ будто бы отеческое сердце представляетъ смѣшеніе строгости и нѣжности. Только позднѣе оно понимаетъ, что и мнимая суровость была изліаніемъ любви и что отецъ постоянно дѣйствовалъ по правиламъ. Вы достигли уже такого возраста, оказываетесь настолько зрѣлыми и развитыми, что предъ вашимъ разумѣ-

нiемъ должно раскрываться удивительное величiе и глубина родительской любви. Постепенно развиваясь духовно, пора вамъ уже и размышлять о причинахъ этой взаимной склонности и достоянности родителей: вы можете уже понимать и цѣнить великiя жертвы, принесенныя вамъ родительской любовью, приносимыя и еще имѣющiя быть принесенными. Чтите ихъ въ теперешнемъ своемъ возрастѣ ипаче нежели какъ чтили въ дѣтскомъ; почитайте ихъ въ болѣе чистыхъ формахъ, отличающихся болѣе глубокимъ пониманiемъ дѣла, нежели какъ было это въ первую юность; прививайтесь къ нимъ еще крѣчайшимъ и сердечнѣйшимъ союзомъ любви; къ естественной любви въ высшемъ возрастѣ присоединяйте и личное высокое уваженiе къ родителямъ. Безъ сомнѣнiя вы сердечно любите ихъ, но кромѣ любви чествуйте ихъ, чтобы для васъ, вашихъ учителей, тѣмъ больше основанийъ было причислять васъ къ образованнымъ и благовоспитаннымъ людямъ и чтобы вы могли служить и въ этой добродѣтели образцомъ для другихъ. Докажите свою любовь къ родителямъ дѣятельнымъ образомъ. Конечно вы еще не можете дать своимъ родителямъ какихъ нибудь особенно величественныхъ доказательствъ своей любви къ нимъ. Родители отъ васъ и не желаютъ чего нибудь особеннаго. Они довольны, если вы въ развитiи свойствъ вашихъ, сыновнихъ и ученическихъ, въ вашихъ дѣйствiяхъ не остаетесь позади того, что разумъ и разумъ называютъ вамъ добрымъ и благороднымъ, если вы остаетесь честными, нравственными и прилежными учениками, если вы оказываете отрадные успѣхи въ наукахъ и если не изсякаетъ въ васъ благоговѣнiе предъ всѣмъ достопочтеннымъ и священнымъ, духъ молитвы и расположенность къ добродѣтели.

И честный ученикъ высоко цѣнитъ своихъ добрыхъ родителей; благодарностью, искреннѣйшей признательностию онъ платитъ имъ за безконечную любовь и услуги, какiя отъ нихъ испытываетъ; съ благодарностию признаетъ великость ихъ благодѣянiй и пользуется обнаруженiями ихъ любви къ себѣ добросовѣстно. Онъ искренно любитъ своихъ родителей и чествуетъ ихъ, постоянно остается покорнымъ и послушнымъ ихъ сыномъ и во всѣхъ отношенiяхъ старается осуществить ихъ надежды. Онъ старается доставлять своимъ родителямъ радости своими добрыми успѣхами въ ученiи, усвоенiемъ и собиранiемъ полезныхъ знанiй, любезной преданностию добродѣтели. Онъ остерегается огорчать своихъ родителей и если и незна-

чительнымъ какимъ промахомъ далъ имъ поводъ быть недовольнымъ собой, тотчасъ сожалѣть о томъ, старается, насколько то возможно, поспѣшнѣе загладить свою опрометчивость и примирить съ собой возмущенное чувство своихъ родителей. И вообще онъ очень огорчается униженіемъ своихъ родителей, желалъ бы согнать съ чела ихъ облака печали и молить небо, чтобы въ ихъ сердце ниспослано было утѣшеніе и радость свыше. И такъ какъ онъ признаетъ, что никогда не въ состояніи будетъ вполне и достойнымъ образомъ отплатить своимъ родителямъ за великія и за многія ихъ благодѣянія, никогда не въ состояніи будетъ оказать имъ того же, что они ему оказали, то проситъ небеснаго Раздателя всѣхъ совершенныхъ даровъ, чтобы Онъ самъ вознаградилъ родителей за тѣ безчисленныя благодѣянія, какія они ему оказали, и послалъ бы имъ свыше силы не утомляться и впредь оказывать ихъ. Наконецъ онъ ежедневно молить Бога, чтобы Онъ поддержалъ здоровье родителей еще на многіе дни, дабы въ престарѣломъ ихъ возрастѣ въ позднѣйшіе годы онъ могъ уплатить имъ хотя малую часть того долга, которымъ обязанъ имъ. Подъ старость руки вашихъ родителей утомятся отъ долгихъ дневныхъ трудовъ, которые они для васъ принимали; эти длани, нѣкогда васъ носившія, будутъ трястись; эти глаза, сторожившія нѣкогда вашу дремоту и пробужденіе, начнутъ темнѣть: безпомощный возрастъ. Тогда-то окажитесь по отношенію къ нему справедливыми. Припомните тогда о дняхъ, когда родители ваши для васъ всемъ были, о дняхъ, когда изъ этихъ рукъ вы все принимали; когда глазъ матери сторожилъ васъ на одрѣ болѣзни; когда ея попечительной любовью ты вырывася былъ изъ объятій смерти; когда ея мольбы спасали твою душу изъ опасности поврежденія: подумайте, что и сами вы со временемъ состарѣетесь, согнетесь и одряхлѣете и только отъ любви вашихъ дѣтей будете ждать улады своихъ дней; размыслите объ этомъ и вы будете радоваться и благодарить Бога за удивительную свою привиллегію чествованіемъ родителей обезпечивать по 5-й заповѣди собственное благо и долготѣіе на землѣ.

Но и словами добрый ученикъ и сынъ выражаетъ свою признательность родителямъ и дѣлаетъ это каждый разъ, какъ переступаетъ порогъ родительскаго дома. Такая открытая благодарность со стороны сына возвышаетъ радость родителей о немъ и тѣмъ болѣе усиливаетъ ихъ любовь къ нему.

Благородные, честные дѣти всегда считались прекраснѣйшимъ

украшеніемъ и высшимъ счастіемъ и родителей. «Смотри, моя милая, вотъ мои брилліанты», говорила благородная Корнелія, мать Граховъ, указывая на своихъ сыновей матронъ, которая съ кичливымъ самодовольствомъ хвасталась предъ ней своимъ нарядомъ. Сколько и другихъ славныхъ примѣровъ этой дѣтской любви, осчастливливающей родителей, представляютъ намъ Греки и Римляне! Троянецъ Эней на плечахъ вынесъ своего отца изъ взятаго врагами и пылающаго города. Когда Кимонъ время отъ времени успѣшно проходилъ Аоніями, всѣ знали, что это торопится онъ въ тюрьму къ своему несчастному отцу, чтобы облегчить хотя на нѣкоторое время его тяжелыя цѣпи. Антигонъ второй писалъ Селевкку собственноручное письмо, въ которомъ отказывался отъ царства и предлагалъ себя самого въ заложники, лишь бы освобожденъ былъ изъ плѣна отецъ его Дмитрій. Епампондъ говаривалъ, что изъ всего прекраснаго и добраго, испытаннаго имъ въ жизни, высшую радость доставляетъ ему то обстоятельство, что его отецъ и мать были еще живы, когда онъ одержалъ надъ Спартакцами побѣду при Левктрахъ. Молодой Римлянинъ Опійъ поль-Италію несъ на плечахъ престарѣлаго своего отца, осужденнаго врагами его на изгнаніе. Римлянинъ Коріолянъ, котораго не могли своими просьбами побудить къ снятію осады съ отечественнаго своего города патриціи, былъ смягченъ слезами матери. Съ какою раціональностью водилъ своего слѣпаго отца и ухаживалъ за нимъ Корнелій: его за это и называли Сципіономъ, т. е. посохомъ ослѣпшаго! Какъ трогательна церемонія, которой въ день новаго года чествуетъ свою мать Китайскій императоръ! Сколько примѣровъ дѣтской любви развертываютъ намъ священное Писаніе! Припомните Іосифа въ Египтѣ, который еще въ дѣтскіе свои годы былъ лучшимъ сыномъ своего отца. А когда онъ сдѣлался первымъ лицомъ въ Египтѣ, не стыдился своего стараго отца-пастуха. Первымъ его вопросомъ, когда онъ открылся своимъ братьямъ, былъ вопросъ: *Живъ ли еще отецъ мой?* Получивши же утвердительный отвѣтъ, добрый сынъ переходитъ къ заботамъ о любезномъ его сердцу старцѣ. Онъ посылаетъ ему въ гостинецъ все, что только можно было собрать и оказалось подъ рукой изъ даровъ египетской земли. Когда самъ отецъ прибылъ къ вельможному сыну, этотъ воздалъ почести ему предъ лицомъ всего народа, отвелъ ему мѣсто для поселенія въ плодороднѣйшей странѣ земли, вблизи отъ своей собственной резиденціи, чтобы можно было отцу подъ старость на

сына порадоваться и самому сыну удобнѣе было заботиться объ отцѣ. И не только отцомъ Иосифъ озаботился, а и все́мъ семействомъ его. Руоь изъ любви къ своей свекрови Неемини оставила отечество и содержала ее на чужой сторонѣ работой своихъ рукъ и колосьями, собиравшимися на полѣ Вооза. Когда Соломонъ однажды сидѣлъ на своемъ тронѣ и давалъ аудіенцію, пришла его мать. Тотчасъ, по восточному обычаю, онъ всталъ, пошелъ ей на встрѣчу, сдѣлалъ глубокій поклонъ, приказалъ поставить по правую сторону своего другой тронъ и пригласилъ ее занять это почетное мѣсто. Какую нѣжную любовь къ родителямъ обнаружилъ юный Товія, такъ что сама мать выразила ему прекраснѣйшую похвалу въ такихъ фразахъ: «Ты радость нашихъ очей, опора нашей старости, утѣха въ нашей жизни». Нарушеніе дѣтми почтительности къ родителямъ потому у все́хъ народовъ преслѣдуется строгими наказаніями и со стороны гражданскихъ законовъ. У все́хъ народовъ принято, что отъ развратнаго, неблагодарнаго сына родители могутъ отречься, а Греки и Римляне могли такого сына продавать въ рабство или передавать для наказанія ликтору; повиненіе же сына отцу, любовь его къ матери слыли у нихъ благочестіемъ; это было *pietas erga parente* *) Уже самое слово *pater* (отецъ) заключало въ себѣ понятие величаваго достоинства, потому что оно было синонимичнымъ со словами *rex* (правитель), *ἄναξ* (владыка), *βασιλεύς* (царь). Евреи, Магометане и Китайцы хвастаются, что между ними рѣдки случаи огорченія дѣтми старыхъ родителей. А эти народы вѣдь ничего не знаютъ о совершеннѣйшемъ примѣрѣ дѣтской любви къ родителямъ, какую показалъ самъ Христосъ, который былъ послушенъ имъ отъ первыхъ лѣтъ своего дѣтства и даже до тридцатилѣтняго своего возраста поддерживалъ своего воспитателя работой въ мастерской, въ послѣдній же часъ своей жизни заботился о любезнѣйшемъ, что оставлялъ Онъ на землѣ, о своей Матери, поручая Ее попеченію своего вѣрнаго ученика Іоанна. Сохрани Богъ, чтобы христіанскій юноша оказался въ этомъ отношеніи хуже язычниковъ! И мы, учителя ваши, раздѣляющіе вмѣстѣ съ родителями вашими надзоръ за вами и заботы о васъ, увѣрены, что любовь ваша и сама найдетъ безчислен-

*) «Благоговѣнное почтеніе къ родителю».

ныя, честныя и добросовѣстныя, средства и пути выразить себя по отношенію къ родителямъ, на будущее многихъ изъ васъ которые смотреть съ тяжелой заботой, плачуть о себѣ и о дѣтяхъ своихъ (Лк. XXIII, 28).

IV.

Р А Б О Т А

и ея благословенія.

Когда солдатъ ставится на извѣстномъ посту, то объявляется ему извѣстный пароль и лозунгъ. И вамъ, поставленнымъ на учебномъ посту, естественно съ нашей стороны сообщить этотъ лозунгъ, котораго вы никогда не должны забывать. Пусть этимъ словомъ будетъ старое положеніе, что весьма важное дѣло научиться работать. Учебное заведеніе и можетъ воспитывать своихъ питомцевъ только до умѣнья честно работать. Хорошая школа есть общество трудолюбивыхъ пчелъ, которыя каждое утро вылетаютъ изъ своего улья за медомъ и его собираютъ; школа лѣтителевъ была бы обществомъ ломовыхъ лошадей, идущихъ куда ихъ направить и ничѣмъ въ теченіе своей жизни не пользующихся изъ того, что на нихъ было навьючиваемо. Ученикъ долженъ выходить изъ школы со способностью правильно и цѣлесообразно работать, постоянно, усидчиво, одушевленно работать. Трудъ, друзья, есть неизбежное условіе, безъ котораго и способнѣйшіе изъ васъ не могутъ достигнуть цѣли.

Поэтому я могу и хочу обратиться къ вамъ не съ новыми какими либо истинами, а съ древними, за то имѣющими вѣковѣчную прочность, со старымъ приглашеніемъ-при посредствѣ стали трудолюбія продолжать высѣченіе искры изъ камня, или, говоря словами Апостола, *умолять васъ преуспѣвать еще болѣе и усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо, дѣлать свое дѣло и работать своими собственными руками* (1 Сол. IV; 10, 11). Discere disce, учиться

учись, съ этой фразой естественно учителю и постоянно обращаться къ ученикамъ, тѣмъ болѣе въ началѣ учебнаго года, когда каждаго добросовѣтнаго учителя тяготитъ одна изъ первыхъ и важнѣйшихъ его заботъ въ разсужденіи учениковъ—какъ научить ихъ работать. И уже не пора ли развиться въ влшемъ сердцѣ хотя предчувствію о значеніи труда? О, если бы при помощи Божіей предчувствіе это намъ удалось довести въ васъ до убѣжденія и славный законъ школы укоренить въ васъ въ качествѣ похвальной привычки, возвысивъ оную до ненарушимаго основнаго правила цѣлой жизни!

Работа—какое черствое, жесткое, суровое слово, скажете вы. Но, друзья, *благо мужу егда возметъ ярмо въ юности своей* (Плачъ Іерем. III, 27). Конечно ярмо носить не легкое дѣло. Съ понятіемъ ярма соединяется мысль о несамостоятельности, о неволѣ и рабствѣ. И все-же древній мудрецъ называетъ вещь драгоцѣнной, если кто привыкъ носить ярмо въ юности своей, слѣдовательно научился тому. Не потому ли пророкомъ такъ и сказано, что и мужъ возрастной долженъ бываетъ носить ярмо и что ношеніе это для него значительно облегчается, если онъ упражнялся въ томъ съ юности своей. Работа, хотя она иногда и бываетъ докучлива и обременительна, все-таки составляетъ обязанность пріятную и полезную.

Работа есть обязанность полезная.

Трудъ выгодно вліяетъ уже и на тѣлесный организмъ. Всѣмъ извѣстно, какъ живая дѣятельность идетъ ему на пользу, ибо она предохраняетъ его отъ скопленія и сгущенія соковъ и гніенія ихъ: текучая масса постоянно остается свѣжей, чистой и здоровой. Кровь трудящагося поддерживается въ постоянномъ волненіи и его нервы сохраняютъ свою упругость. Чрезъ упражненіе онъ сохраняетъ свои тѣлесныя силы и закаляетъ ихъ. И вообще трудъ приноситъ съ собою безцѣнное благо здоровья. Пріятно бываетъ доставить утомленнымъ работою членамъ успокоеніе и сладкаго сна.

Выгодно отзывается работа и на матеріальномъ благѣ какъ отдѣльныхъ людей, такъ и всего человѣчества. Гдѣ работаютъ, тамъ народъ во всемъ преуспѣваетъ, тамъ развиваются благосостояніе и процвѣтаніе, тамъ цвѣтутъ наука и искусство. Добросовѣтный работникъ всегда зарабатываетъ себѣ честное, хотя, можетъ быть, и скудное содержаніе; но онъ же можетъ добиться и великаго богатства, потому что *рукой прилежнаго создается богатство* (Притч. Сол. X, 4). Но даже если бы этого послѣдняго и не случилось,

можетъ онъ все-таки и при незначительной добычѣ считать себя богатымъ, особенно если онъ обладаетъ, къ сожалѣнію, столь рѣдкой въ настоящее время добродѣтелью умѣренности.

Но тамъ, гдѣ наше прилежаніе истекаетъ изъ побуждений чистѣйшихъ, условливается благородными побудительными причинами, тамъ труженикъ вознаграждается не только вещественной платой, но выпадаютъ на его долю и многія другія изъ завидныхъ благъ внѣшнихъ.

Прилежный пользуется отъ своихъ ближнихъ истинною честью и благопріобрѣтеннымъ уваженіемъ. Не въ богатствѣ счастье человѣка, какъ постоянно проповѣдуютъ иныя живые пророки. Достоинство человѣка основывается не на томъ, что онъ имѣетъ, не обуславливается оно и рожденіемъ въ той или другой средѣ или чиномъ, а зиждется только на томъ, что и какъ человѣкъ дѣлаетъ. Только дѣятельность есть то, по чему между людьми составляется мнѣніе и сужденіе о достоинствѣ человѣка. Царь возвышается надъ своими подданными величіемъ своего сана; простымъ смертнымъ дано достигать почестей прилежаніемъ ихъ рукъ. Работа по истинѣ жалуетъ человѣка грамотою на заслуженное дворянство; она служитъ украшеніемъ для гражданина, потому что, какъ говоритъ Лессингъ, «каждый можетъ хвастаться своимъ прилежаніемъ, и кто работаетъ, тотъ ничего на свѣтѣ не боится».

Видите, какія сокровища даже внѣшнихъ благъ приносить съ собой работа. Но еще выше цѣнить должно полноту и обиліе внутреннихъ обуславливаемыхъ ею благословеній.

Работа выгодно дѣйствуетъ и на духъ. Упражняя все душевныя силы трудъ есть то, чѣмъ духъ или, говоря метафорически, плужникъ его, рало духа предохраняется отъ ржавчины. Такъ сошникъ, часто проводящій борозды, постоянно остается чистымъ и блестящимъ, тогда какъ желѣзо долгое время лежащее на землѣ безъ употребленія ржавѣетъ. Дѣятельный, трудолюбивый юноша постоянно бываетъ ясенъ и доволенъ жизнью. Постоянно изощряя свои способности, хотя бы эти были и посредственныя, начинаеть онъ соображать быстрѣе, изученное удерживать въ памяти тверже; онъ проникаетъ въ науки все глубже и обнимаетъ опыа шире и въ благопріятныхъ результатахъ своихъ занятій находитъ побужденія къ новой дѣятельности. Благородная монета, переходящая изъ рукъ въ руки, остается свѣтлой; если же она бесполезно лежитъ многіе годы въ землѣ, то пристають къ ней разные осадки, она становит-

ся тогда безформеннымъ комкомъ грязи, на которомъ не лзя бывать различить ни изображенія ни подписи. На такую благородную монету походить и ваши таланты. Если вы не будете пользоваться ими, забросите ихъ, то первоначальный блескъ они потеряютъ. Засѣйте пшеницею поле, но если не предшествуетъ этому настойчивая работа пахаря и сѣятеля: можетъ ли оно порости густо множествомъ золотистыхъ колосевъ и волноваться подобно морю? *Neglectis urenda filix innascitur agris* (Horat. lib. I, Sat. 5 *). Вы знаете, какая жатва можетъ ожидать земледѣльца, который весной оставляетъ свое поле не вспаханнымъ и не засѣяннымъ. *«Прободилъ я, говоритъ премудрый Соломонъ, мимо поля человека лнвиваго и мимо виноградника человека скудоумнаго. И вотъ все это заросло терномъ; поверхность земли покрылась крапивою и каменная ограда обрушилась. Увидяъ это я принялъ къ сведѣнню, вдумался и извелъ такой урокъ отсюда: Немного постижь, немного подремлешь, немного, сложишь руки, ползжишь: и придетъ какъ проложий бѣдность твоя и какъ разбойникъ нужда твоя»* (Притч. Сол. XXIV, 30—34; VI, 10, 11). Смотрите: это участь недѣлательной юности. И ее въ такомъ случаѣ ожидаетъ только тернiе поздняго раскаянiя или волчцы жалкой, кое какъ и день за день тянущейся жизни. Какое жалкое зрѣлище представляеть изъ себя человѣкъ, жизненный челнъ котораго разбивается о подводные камни юношескаго бездѣйствiя! И когда жалкiе обломки этого корабля кружатся въ океанѣ жизни: онъ бѣднѣйшiй между бѣдными. Потому что какъ ни жалокъ онъ, но къ его бѣдствiю никто не имѣеть, да и не можетъ имѣть состраданиа. Такъ, стоячая вода начинаетъ гнить, распространять около себя дурной запахъ и всякiй отъ нея отвертывается. Духовныя силы юноши, остававшагося безъ серьезнаго дѣла, постепенно только притуплялись, слабѣли и тускнѣли. Напослѣдокъ и совершенно исчезаетъ образъ, наложенный на нихъ самимъ Богомъ и молодой человѣкъ становится безпомощнымъ. Въ области духа какъ и въ природѣ видимой плодоношенiю должны предшествовать работа, прилежанiе. Оно и во всякомъ возрастѣ необходимо, но особенно въ юности, потому что если эта проведена въ лѣности и ничегонедѣланiи, то напрасно и ожидать

*) «На занущенномъ полѣ вырастають сорныя травы, годныя лишь въ огонь»

дѣятельности отъ позднѣйшихъ годовъ жизни; *consuetudo quasi altera natura* *); въ юности привыкъ, въ старости привычка обратилась во вторую природу.

Ничего нѣтъ презрѣннѣе лѣности. Лѣность уже сама по себѣ составляетъ препятствіе къ развитію и доброму прохожденію жизненнаго призванія. Какъ бы тяжелая какая и неподвижная масса она препятствуетъ солнечному лучу истинно оживить и довести до развитія способные къ развитію здоровые зародыши внутренняго человѣческаго существа; вслѣдствіе свинцовой амальгамы, которую лѣнивый терпитъ на своей душѣ и еще поддерживаетъ, дѣлаются невозможными всякіе лучшіе порывы и пареніе къ высшему. Талантъ, дарованный ему отъ Бога, лѣнивый закапываетъ вмѣсто того чтобы приращеніе онаго поставить цѣлью своей жизни; естественная же склонность къ дѣятельности у незанятаго полезными вещами юноши принимаетъ ложное направленіе. Лѣнтякъ по истинѣ незнаетъ, какъ ему проводить свое время. Каждое серьезное занятіе ему противно. Онъ тратитъ свое время на занятія безполезныя и вредныя. Онъ гоняется за вѣшними удовольствіями, старается убить время въ разговорахъ, въ безсодержательной болтовнѣ. Но и разговоры скоро надобѣдаютъ ему, потому что они вызываются не дѣятельностью и напряженіемъ, а ничегонедѣланіемъ. Незанятый дѣломъ онъ скученъ, пресыщенъ, меланхоличенъ и пріписываетъ новыя развлеченія, которыя точно такъ же ему скоро надобѣдаютъ какъ и прежнія. Въ безтолковыхъ, можетъ быть даже опасныхъ играхъ, въ подозрительномъ обществѣ онъ дѣлается живымъ, чрезъ что развращаетъ свое чувство и прокладываетъ мостъ къ порокамъ, потому что праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Безумно такіе ничѣмъ незанятые люди издерживаютъ свои вещественныя средства, на послѣдокъ должны бывать тергѣты пужду и становятся для всѣхъ старательныхъ людей отвратительными и обременительными. *Празднѣй насытителъ нищетою*, говоритъ св. Писаніе (Притч. Сол. XXVIII, 19). Нѣтъ, какъ всѣмъ вообще людямъ, такъ и вамъ въ частности, необходимо старательность, сильнѣйшая и ревностнѣйшая напряженность, необходима работа.

Дѣятельность есть обязанность не только прибыльная, но и пріятная. Только работа даритъ насъ истинными удовольствіями и

*) «Привычка — вторая природа».

развивается въ насъ пониманіе истинныхъ радостей. Трудолюбивый постоянно бодръ и веселъ. Много потрудившись въ своемъ призваніи и перенесши тяготу и жаръ дневной, какъ доволенъ собой бываетъ онъ вечеромъ! Онъ не желаетъ шумныхъ разговоровъ; онъ довольствуется тихимъ обменомъ мыслей съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Если же это скромное желаніе почему либо не можетъ быть осуществлено, то довольно награжденъ онъ уже своею совѣстью, которая говоритъ ему: «Ты исполнилъ сего дня твою обязанность; для нея нынѣшній день не потерянь; снова ты занять былъ полезнымъ дѣломъ; еще на шагъ подвинулся ты къ своей великой цѣли». Но истиннѣе такое сознаніе есть сладостнѣйшая награда за тяготу и жаръ дня. Вещь довольно общезвѣстная, что работа составляетъ удовольствіе для художника, восхищеніе для создающаго свое произведеніе поэта, радость для ученаго и гордость гражданина. И какъ для Спасителя было пищей исполнять Божественное Его посольство, такъ и для души прилежнаго работа составляетъ самую вкусную пищу, — наслажденіе, предъ которымъ оказываются пусты всѣ удовольствія. Но и истинными радостями жизни можетъ наслаждаться только тотъ, кто работой купилъ себѣ право на она и чрезъ напряженіе сдѣлалъ себя достойнымъ ихъ, потому что корень работы горекъ, плодъ же ея сладокъ: *juvandi acti labores* *). За трудомъ слѣдуетъ трудъ. Но извѣстны ли тебѣ радости сладостнѣйшія тѣхъ, какія влекутъ за собой побужденная опасность или исполненная работа? И объ удовольствіяхъ и радостяхъ жизни можетъ быть сказано тоже, что говоритъ древній одинъ писатель вообще: ничего жизнь не даетъ смертному безъ великаго напряженія. Требуется долгое, строгое приученіе себя къ работѣ прежде нежели человекъ будетъ находить въ работѣ радость и удовольствіе. Способность радоваться работѣ пріобрѣтается только трудомъ, потому что только трудовая работа дѣльная работа. Только тотъ, кто проводилъ жизнь среди работъ и трудовъ, кто произвелъ что нибудь и создалъ соотвѣтственное своимъ силамъ, только тотъ, стоя нѣкогда у цѣли, съ удовольствіемъ можетъ озираться назадъ и со спокойной и радостной увѣренностью закрыть свои утомленные глаза. Да, дѣятельность дѣйствительно есть обязанность не только полезная, но и пріятная.

*) «Исполненная работы пріятна».

Работа есть лучшее предохранительное средство и против темныхъ силъ ада и самое дѣйствительное лекарство при внутреннихъ страданіяхъ. Работающій юноша почти и не попытываетъ искушеній. Онъ вовсе не имѣетъ времени думать о дурномъ, потому что всегда занятъ важными, полезными работами. Если же неожиданно и онъ соблазнется чѣмъ либо дурнымъ, то легко ему и побѣдить соблазнъ. Если грозитъ ему опасность быть увлеченнымъ бурей страсти, если захочетъ онъ оказать сопротивленіе соблазнамъ порочныхъ прихотей, противустоять припадкамъ дурныхъ влеченій, то въ серьезнѣйшихъ занятіяхъ находитъ наибѣрѣйшее оружіе для подавленія ихъ въ себѣ, потому что «работа есть бальзамъ крови». Если злой демонъ скуки со свинцовыми своими крыльями хочетъ опуститься на его душу, то энергическимъ возбужденіемъ ея силъ къ дѣятельности можетъ быть прогнано это чудовище назадъ въ далекое поле. Находитесь ли онъ въ опасности быть обольщеннымъ лобострастными образами сластолюбиваго воображенія: напряженіе силъ умственныхъ налагаетъ на разнузданную душу узду. Да, если вы приводитесь въ опьяненіе, упиваясь изъ чаши удовольствій, или если храму Духа Божественнаго, представляемому вашимъ тѣломъ, грозитъ опасность быть разрушеннымъ чрезъ постыдное страдоустріе; если на вашу душу набрасываетъ черную тѣнь и помрачаетъ забота, или если отрицаніе брызгаетъ въ лице вамъ и вливаетъ въ вашу душу свой ядъ: работа, сдерживая васъ и отрезвляя, очищая и освящая, развлекаетъ и развеселяетъ, ободряетъ и утѣшая, можетъ подать вамъ благовременную и всегда находящуюся подъ рукой и отъ васъ самихъ зависящую помощь. Такъ трудолюбивый юноша постоянно остается невиннымъ и добрымъ, его сердце благороднымъ. Да, кто еще въ пѣтной юности пріобрѣтъ похвальную привычку къ полезному времяпрепровожденію, тотъ гарантировалъ себя отъ опасностей, которымъ подвергается и отъ несчастій, которыя терпитъ лѣшникъ, тотъ сдѣлалъ въ высшей степени важное благопріобрѣтеніе для дѣятельности позднѣйшаго времени въ періодъ возмужалости.

Древность имѣла неодинаковыя съ нашимъ временемъ понятія о работѣ. Ремесленная дѣятельность и промышленная, въ позднѣйшія времена даже и земледѣльская возбуждали тогда презрѣніе къ себѣ; въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій образованнѣйшіе народы древняго міра находили эти роды дѣятельности недостойными свободнаго человѣка и унижающими его, относились къ

нимъ какъ къ постыдному и позорящему бремени, рѣдко считая такія работы за большее иѣчто проклятой муки. Непристойнымъ казался онѣ свободными Греку и Римлянину. Думали, что эти работы обезчещиваютъ людей, отвлекаютъ ихъ отъ упражненія въ добродѣтели и дѣлаютъ къ ней неспособными, потемняютъ ихъ разумъ. Главными занятіями, достойными свободного гражданина, считалось упражненіе въ военномъ искусствѣ и вышканіе въ государственныя дѣла, а такъ называвшіяся тогда «стада промышленнаго люда» осыпаны были насмѣшками и презрѣніемъ. Не стоитъ удивляться тому, что не всякая работа такъ долго считалась благородной, что столь многія работы еще и понынѣ считаются многими за пятнающія человѣка. Тѣ же самые виды дѣятельности, которые въ классической древности у общественнаго интеллигентнаго мнѣнія не пользовались уваженіемъ, не возбуждаютъ ли во многихъ и донинѣ нерасположенія къ себѣ, неудовольствія и отвращенія, поколику къ понятію работы и не древностію только присоединяется понятіе о страданіи и работа отождествляется съ трудомъ? Но понятіе трудности не необходимо связано съ понятіемъ работы. Это яснымъ дѣлается изъ недавняго даже и нашего прошлаго. Давно ли работа т. е. трудъ тяжелый былъ дѣломъ слуги, крѣпостнаго крестьянина, который злыми господами наказываемъ былъ барщиной; напротивъ термины, обозначавшіе дѣятельность ремесленную, уже болѣе ласкали слухъ? Многія изъ работъ, въ наши дни считающіяся почетнѣйшими, еще недавно, а тѣмъ паче въ древности, считались за недостойныя свободного человѣка и составляли работы рабовъ. Но когда дѣятельность низшихъ сословій освобождена была изъ подъ опеки и надзора другихъ высшихъ сословій, когда крестьянинъ сталъ работать не для другихъ, а для себя самаго и для собственныхъ своихъ выгодъ, понятіе трудности и тяжести отодвинулось на задній планъ, потому что свободная дѣятельность, служащая ко благу мнѣ самому, теряетъ свою отталкивающую и устрашающую силу и только грубое непониманіе дѣла можетъ еще жаловаться на тяжесть и трудность; теперь слово *работа* стало переноситься и на болѣе благородныя и легчайшія занятія; ближайшимъ образомъ стали обозначаться этимъ словомъ занятія мастеровыхъ, потомъ и болѣе тонкія произведенія художниковъ, скульпторовъ и женщинъ; наконецъ работами же стали называться и умственныя занятія. Такъ работа постепенно вошла въ честь; надлежащее пониманіе и отношеніе къ ней доставляетъ преимущества; и теперь стало уже грубой меч-

той и достойнымъ сожалѣнія заблужденіемъ, если бы подъ рабочими классами сталъ разумѣть кто прислугу, мастеровыхъ, крестьянъ и ремесленниковъ. Рабочими классами стали теперь люди всѣхъ состояній и родовъ службы; сѣтованіе Спасителя: *жатва многа, дѣлателей же мало*, должна находить все меньшее и слабѣйшее приложеніе къ Его обществу и имѣть все болѣе; воззрѣніе, что только трудомъ обезпечивается будущность, что только трудящійся долженъ пользоваться почестями, это воззрѣніе распространяется все далѣе и шире.

Работа не можетъ быть считаема ни наказаніемъ, ни несчастіемъ, ни проклятіемъ, какъ думаютъ люди, отказывающіе труду въ подобающемъ ему уваженіи. Если мы посоветуемся со священнымъ Писаніемъ, этимъ славнѣйшимъ рудникомъ вѣчныхъ истинъ, то что услышимъ? Тотчасъ по сотвореніи Адамъ введенъ былъ въ рай не для празднаго времяпрепровожденія, а чтобы хранить рай и водѣлывать (Быт. II, 15). Не для того конечно Богъ одарилъ человѣка и столь многими и прекрасными силами, чтобы онъ въ немъ дремали, но чтобы были упражняемы. Человѣкъ такъ же рожденъ для работы, какъ птицы для летанія, говоритъ Іовъ (V, 7). Дѣло въ томъ только, что работа служила для перваго человѣка удовольствіемъ и наслажденіемъ, а послѣ грѣха сдѣлалась неспособной мукой, трудомъ, трудностію. Священное Писаніе именно тому и учитъ насъ, что не работа есть слѣдствіе грѣхопаденія, а то что человѣкъ сталъ тяготиться работою, пренебрегать ей.

Особенно съ появленіемъ въ мірѣ христіанства всякая работа, за исключеніемъ вредящей душѣ и тѣлу, перестала быть позоромъ, вошла въ честь, вліяніемъ христіанства возвышена до почета. Благодаря христіанству работа стала дружественно благословляющимъ геніемъ жизни, закаляющимъ и укрѣпляющимъ тѣло и душу, охраняющимъ насъ отъ разслабленія и погруженія въ нравственную грязь. И христіанинъ, будетъ ли онъ знатнымъ или человѣкомъ нисшаго положенія, смотритъ на праздность съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ.

Уже Христосъ самъ не работалъ ли, не утомлялся ли, не назывался ли Онъ тектономъ и Онъ самъ не встрѣчалъ ли отъ людей древняго міра за это презрѣнія къ себѣ? Уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и юности былъ онъ дѣятеlemъ, частію поддерживалъ своего воспитателя въ плотничьей мастерской своею ручною рабо-

тою, частію со всею внимательностію прислушиваясь къ наставленіямъ учителей народа и чрезъ то и обыкновеннымъ путемъ умножая свои познанія. И послѣ того какъ выступилъ самъ учителемъ, вся жизнь Его до послѣдняго вздоха была работою, посвященною ученію и благотворенію. Неутомимо дѣятеленъ былъ Онъ въ своемъ возвышенномъ призваніи, проповѣдуя истину и разгоняя тьму невѣрія, лжевѣрія и суевѣрія. Къ возвышенію своего небеснаго ученія присоединялъ Онъ благодѣянія и чудеса. Онъ отыскивалъ бѣдность въ ея хижинахъ и творилъ добро непрощенный о томъ и невидимо отъ міра, какъ бы успокоивающою въ тихую ночь рососою падалъ на людей. Онъ утѣшалъ бѣдныхъ и грѣшниковъ, исцѣлялъ больныхъ, пробуждалъ къ жизни мертвыхъ. Часто ученики просили Его дать себѣ покой. Часто бывало, что солнце уже зашло, люди окончили свои дневныя дѣла и успокоились отъ своихъ работъ, а для Него еще не было покоя. Приносятся къ Нему болыные, одержимые различными болѣзнями стучатся къ Нему въ двери, сердца отягченныя и надорванныя ищутъ у Него мира. Каждого чѣмъ либо, что ему причиняло нужду, Онъ надѣляетъ отъ избытка своего благоволенія къ людямъ. То возлагаетъ Онъ руки, то утѣшаетъ, то исцѣляетъ, то наказываетъ; и вотъ болыные выздоравливаютъ, прокаженные исцѣляются, злые духи по Его слову оставляютъ человѣка. И когда эти дневныя дѣла свободной любви оканчиваются, когда никто болѣе Его не ищетъ, никто болѣе не испрашиваетъ у Него помощи, тогда удаляется Онъ въ пустыню, празднуетъ здѣсь и проводитъ тихую священную субботу. Тамъ размышляетъ Онъ надъ разрѣшеніемъ своей великой задачи, тамъ испрашиваетъ Онъ для нея силы у Отца; въ эти тихіе часы нараждается работа грядущаго дня; тамъ пробуждаются мысли для сильно дѣйствующей проповѣди; тамъ возникаютъ движущія силы, побужденія къ чудесамъ Его всемогущей любви. Мы незнаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться, многообъемлемости ли этой дѣятельности или ея разнообразію или терпѣнію и постоянству или неутомимой готовности этой любви, и дремоты недопускающей, гдѣ представляется случай къ новой дѣятельности, отказывающейся и отъ праздничнаго часа молитвеннаго покоя, гдѣ нужды человѣческой жизни требовали нарушенія его. Потому послѣ такой благословенной дѣятельности могъ Онъ и сказать при концѣ своихъ дней: *Отче, дѣло еже дамъ еси мнѣ, да сотворю, совершиши* (Іоан. XVII, 4).—И если Христосъ, доколѣ былъ день, долженъ былъ творить дѣло Того, Кто Его по-

слава въ міръ, то не должны ли этимъ возвышеннымъ примѣромъ и мы вдохновляться?

Ручной работой спискивала себѣ необходимое жизненное пропитаніе въ тихой горницѣ Назаретской и пресвятая Дѣва Марія, блистая трудолюбіемъ и другими бывшими возможными въ ея положеніи добродѣтелями — Не изъ старательныхъ ли въ своемъ промыслѣ труженниковъ, не изъ рыбаей ли набраны были Христомъ и Его Апостолы, оказавшіеся потомъ неутомимо дѣятельными и въ расширеніи Евангелія?—И не представляетъ ли собою одинъ изъ нихъ, великій Павелъ, величественнаго образа работающаго христіанина, который могъ о себѣ достопадно свидѣтельствовать: *Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи* (Дѣян. XX, 33). И въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: *День и ночь работаемъ мы, чтобы никому изъ васъ не быть въ тягость* (1 Сол. III, 8). Днемъ Апостолъ неутомимо проповѣдывалъ Евангеліе своего Господа среди страданій, самоотреченія и преслѣдованій, а ночью онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ выдѣлываніемъ палаточнаго холста. Въ путешествіяхъ по различнымъ странамъ и мѣстностямъ Греціи встрѣчаясь съ чувственными наслажденіями, роскошью въ ужасающихъ размѣрахъ и праздною, Апостолъ имѣлъ возможность на многочисленныхъ случаяхъ наблюдать и то, какъ праздность служитъ матерью всѣхъ пороковъ, грозившей отравить собою даже христіанскія общины, и потому нашелъ себя вынужденнымъ настойчиво и строго писать къ своимъ Солуныямъ (2 Сол. III, 10—12): *Когда мы были у васъ, то завѣщевали вамъ сіе: если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣсть. Но слышимъ, что некоторые у васъ поступаютъ безчинно, ничего не платятъ, и суетятся. Таковыхъ увѣщеваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они работая въ безмолвіи ѣли свой хлѣбъ.* Съ христіанствомъ такимъ образомъ излился въ человечество новый духъ старательности и расположенности къ работѣ и оно должно было представить собою дружески располагающій къ себѣ образъ старательнаго семейства, работающаго, прилежнаго народа, которые свой страхъ Божій подтверждали бы и дѣятельно честнымъ образомъ жизни, добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей званія. Никакая работа не стала внушать къ себѣ презрѣнія. Изъ положенія: *кто не работаетъ, тотъ не долженъ и ѣсть* (2 Сол. III, 10) развился новый міръ. Любовью свыше обновлены были люди и народы.

Въ притчѣ о домохозяинѣ, въ различные часы дня выходившемъ на рынокъ для найма рабочихъ въ свой виноградникъ, Христосъ научилъ насъ, что никто не освобожденъ отъ общей повинности работы. Сколько разъ въ различные часы дня ни выходилъ домохозяинъ, каждый разъ встрѣчалъ нѣсколькихъ работниковъ, стоящихъ праздно. Онъ приглашалъ всѣхъ на работу и посылалъ въ свой виноградникъ съ обещаніемъ заплатить что слѣдуетъ. Подъ различными часами дня здѣсь можемъ мы разумѣть различные возрасты человеческой жизни. Призывается Богомъ къ дѣятельности уже въ раннее утро его жизни малое дитя и юноша; въ жаркій полдень жизни приглашаетъ Онъ къ ней мужа; зоветъ Онъ къ ней и въ вечеръ жизни старца. Домовладыка терпѣть не можетъ праздныхъ, потому всѣмъ доставилъ работу въ своемъ виноградникѣ. Не исключенъ изъ этой всеобщей повинности ни одинъ возрастъ человеческой жизни. Недѣятельный—аномалія въ домостроительствѣ Божиемъ. Работа есть всеобщая обязанность всѣхъ земнородныхъ; каждый человекъ по мѣрѣ силъ своихъ долженъ нести какой либо трудъ; никакое званіе, никакое состояніе не освобождено отъ этого долга работать: ни сословіе ремесленниковъ, ни военное, ни ученое, ни управляющіе, ни управляемые, ни господа, ни слуги, ни достаточные и богатые, ни бѣдные и неимѣющіе, ни земледѣлецъ, ни самъ царь: всѣ должны состоять на службѣ у небснаго Раздаятеля работъ. Развивать при посредствѣ неутомимой самодѣятельности прирожденные силы, составляющія не частную собственность, а общественное имущество, умножать ввѣренный Творцомъ талантъ есть высокая обязанность всѣхъ и каждаго. Можетъ человекъ жить и въ низкомъ состояніи, можетъ онъ работать руками или умомъ, это будетъ равно достопочтенно, ибо въ этомъ случаѣ онъ исполняетъ долгъ своего званія, свои человеческія обязанности и христіанскія. Земледѣлецъ, ухаживающій за клочкомъ земли, чтобы добыть себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, есть такой же работникъ въ виноградникѣ Домовладыки какъ и ученый, добрую половину ночи просиживающій при мерцаніи лампы за письмомъ, чтобы споспѣшествовать духовному благу своихъ собратьевъ, образованности ихъ и просвѣщенности; не ниже этихъ труженниковъ, но и не выше стоитъ и посвятившій себя руководству душъ на пути къ ихъ истинному счастью, къ ихъ вѣчной цѣли. Кто не поставленъ въ необходимость работать для удовлетворенія ежедневныхъ физическихъ потребностей, тотъ тѣмъ болѣе имѣетъ времени и случаевъ къ развитію

своихъ духовныхъ способностей, къ работамъ надъ своимъ духовнымъ самоусовершенствованіемъ и надъ споспѣшествованіемъ и устроеніемъ тѣлеснаго, умственнаго и душевнаго блага своихъ ближнихъ. Только празднлюбѣць омерзительнѣе предъ Богомъ и отвратительнѣе для всѣхъ лучшихъ его людей, хотя бы онъ былъ и богатъ и почетенъ въ глазахъ этого міра.

И Богъ самъ и доселѣ не проявляетъ ли предъ нами ежедневно чуда своихъ дѣлъ и не представляетъ ли намъ чрезъ это величественнѣйшаго примѣра, которому мы должны слѣдовать? Озритесь около себя. Не все ли въ окружающей природѣ приглашаетъ насъ къ дѣятельности и бодрости? Солнце неустанно изо дня въ день ходитъ по небу; никогда не перестаютъ плескаться и течь волны. Наблюдаль ли ты волну ударившуюся въ берегъ? Смотри! Вотъ уже катится искрясь и пѣнясь другая; поднимается тотчасъ за ними и третья; напрасно ты ждешь, чтобы у ногъ твоихъ спокойно легла послѣдняя.

Прислушайся, какъ гармонично, безъ перерыва звучитъ весь гимнъ творенія.

Никогда не замедляетъ пускать ростки маленькое сѣмечко;
Никогда не мѣшкаютъ раскрывать, какъ бы сердце, свою
внутренность розы,

Доколѣ вы не навѣете изъ нихъ, уже совершенно раскрывшихся, вѣнковъ себѣ.

Благословеніе дождятъ облака, падеть ли оно на сырыя
глыбы земли или на душистые цвѣты или
на ползучихъ червячковъ, строящихъ коралловый городъ.

Посмотри, какимъ образцомъ прилежанія можетъ служить тебѣ пчела. Довольно вѣдомо всѣмъ трудолюбіе муравья. Стоятъ присмотрѣться къ ихъ образу жизни и поучиться у нихъ. Есть у нихъ и князья, и господа, и надзиратели; лѣтомъ заготавливаютъ они себѣ хлѣбъ и во время жатвы собираютъ себѣ пищу не только для настоящаго, но и для будущаго. И какъ вѣчный Духъ творитъ неутомимо и никогда не остается недѣятельнымъ: такъ и человѣку уже прирождено быть дѣятельнымъ; уже съ самаго дѣтства человѣческая природа напрашивается на упражненія; уже и малое дѣтя ни на минуту не остается безъ дѣла и въ играхъ сказывается его склонность къ дѣятельности. Посмотри на молодую кровь нисшихъ классовъ, какъ охотно и радостно она

заявляеть себя въ играхъ юношескаго возраста. Бѣгать и скакать для нихъ удовольствіе; ничего почти для нихъ нѣтъ несноснѣе сидѣнія; это какъ будто стая птицъ, которымъ недостаетъ только крыльевъ. Подумай, почему Творецъ вложилъ въ грудь юноши эту живость, эту неутомимую дѣятельность, но и эту старательность и эту ненасытную любознательность? Не для иной какой цѣли конечно, какъ чтобы онъ упражнялся, чтобы всѣ свои силы развивалъ. Для этаго въ нашей богатой и превосходной организаціи сосредоточены и подвижность глазъ, ногъ, рукъ, языка, усть, чертъ лица; для упражненій имѣемъ мы и пальцы, оказывающіеся посредниками въ созданіи каждаго почти изъ искусствъ и многихъ удобствъ жизни; для упражненій и работъ устроено все наше тѣло; на необходимость же упражненія душевныхъ силъ и развитія ихъ трудомъ и работою указываютъ тѣ или другія дѣтскія и юношескія склонности. Для здороваго дитяти и мальчика, для радостнаго и образованнаго юноши ничего нѣтъ ненавистнѣе неподвижности и покоя; жизнь безъ занятій для нихъ смерть; бодрое же, хотябы и тяжелое, занятіе доставляетъ имъ радость, приноситъ съ собою здоровье.

Такъ трудъ есть Божественное установленіе. Какую слышимъ мы на первыхъ же строкахъ священнаго Писанія на этотъ счетъ заповѣдь Божию? *Въ потѣ лица твоего съищи хлѣбъ твой* (Быт. III, 19). Тутъ и толковать не о чемъ: слово Божіе и понудительнѣйшіе примѣры учатъ насъ, что человѣкъ и созданъ и призванъ на трудъ; потому кто не работаетъ, тотъ посягаетъ противъ Божественнаго міропорядка.

Вѣрно конечно то, что развивающійся человѣкъ въ нѣкоторомъ отношеніи долженъ быть похожъ на полевою лилію, которая растетъ не трудясь, въ силу естественныхъ процессовъ и внутренней работы. Подобно этому и въ юношѣ повидимому сами собою совершаются нѣкоторыя работы. Юношество въ этомъ случаѣ походитъ на заквашиваемое тѣсто и другія закисающія вещества, о которыхъ можно сказать, что въ нихъ происходитъ внутренняя, невидимая въ большей своей части, работа прежде, чѣмъ подвергшійся броженію матеріалъ успокоится и изъ него выработается нѣчто Такъ напримѣръ вино образуется только послѣ того, какъ окисляющимъ броженіемъ осилваются самые обыкновенные матеріалы; только послѣ того преобразуется оно въ согрѣвающій и оживляющій напитокъ. Подобно этому и внутреннее существо каждаго здороваго юноши испытываетъ превращенія; нѣкоторымъ образомъ органически

происходить во внутренности его тихое очищение. Но трудъ чело-
вѣческій и работы суть нѣчто большее нежели естественный про-
цессъ, нѣчто большее чѣмъ и механизмъ, такъ какъ говорятъ о ра-
ботающихъ машинахъ, о занятыхъ телеграфахъ. Это состояніе, ког-
да побужденіе, козвивъ къ дѣятельности управляетъ нами въ каче-
ствѣ естественной силы природы, есть только низшая ступень чело-
вѣческаго трудолюбія. Есть высшая степень его, когда движетъ
и управляетъ нами интересъ къ дѣлу, когда самый предметъ труда
приковываетъ насъ къ себѣ и непреодолимо влечетъ въ свои глуби-
ны. На этой ступени работа теряетъ всю свою тяжесть и прину-
жденіе; здѣсь она облекается прелестью и очаровательностью высшаго
духовнаго наслажденія. Но какъ ни возвышенными кажутся намъ
мыслящіе художникъ, изобрѣтатель, ученый, забывающіе среди
своихъ занятій время и міръ, есть еще высшая степень чело-
вѣческаго труда и человѣческой дѣятельности. Эту высшую фор-
му представляетъ намъ дѣятельность челоѣвка, съ яснымъ созна-
ніемъ въ облагороженіи и усовершенствованіи своей личности
поставляющаго цѣль своей жизни, когда онъ неотступно работаетъ
надъ искорененіемъ своихъ недостатковъ и надъ умноженіемъ сво-
ихъ добродѣтелей, когда онъ неутомимо стремится къ обогащенію
себя знаніями и нравственной солидностью, чтобы свои обя-
занности исполнять тѣмъ содержательнѣе и чтобы имѣть возмож-
ность предлагать чрезъ то своимъ ближнимъ тѣмъ болѣе. На
этой ступени работа становится спокойной, тихой собранностью ду-
ха, всецѣльнымъ погруженіемъ въ Божественное и вѣчное, молитвой
и благочестіемъ; она получаетъ освященіе религіозное, она стано-
вится Богослуженіемъ и нравственнымъ дѣйствіемъ. Испытай теперь
себя каждый, на какой изъ этихъ трехъ ступеней стоишь ты, и
никто не позволяй себѣ ослабѣвать въ старательности и напряженіи,
доколь не достигъ высшей изъ этихъ трехъ ступеней. Если кому
удалось сдѣлать и произвестъ нѣчто великое, благодарное помомство
скажетъ о томъ: онъ былъ вѣрнымъ слугою въ виноградникѣ Дому-
ладыки, онъ былъ благодѣтелемъ челоѣчества, ибо, какъ говорить
у Софокла царь Эдипъ:

ἀνδρα ὁ ὠφελεῖν, ἀφ' ὧν

"Ἔχου τε καὶ δύνατο, καλλίστος πόνων (Soph. Oed tyr. 314).
т. е. тотъ трудъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ, которымъ трудящійся
имѣетъ въ виду и умѣетъ приписать пользу.

Что же касается полезности чьей либо дѣятельности, упроче-

нія за своимъ именемъ благословеній ему и распространенности ихъ, то это есть уже нѣчто такое, что человекъ не можетъ дать самъ себѣ. Благословеніе труда результатами есть награда за оный. Успѣхъ труда не отъ насъ зависитъ; успѣхомъ вѣнчаются наши труды только съ неба; благословеніе труда успѣхомъ исходитъ отъ Бога. Съ чела твоего долженъ канать потъ отъ труда, говоритъ поэтъ, сама работа должна хвалить своего производителя, благословеніе же за нее исходитъ свыше. Трудодолжнъ ты долженъ работать, вѣрно и добросовѣстно исполнять свой долгъ, это твое дѣло; увѣнчать же твои работы успѣхомъ, пользою и благословеніемъ, это будетъ уже Божиимъ дѣломъ: на это ты долженъ только надѣяться, ожидать этого, и вслѣдствіе благоволенія къ тебѣ свыше это дѣйствительно можетъ выпасть на твою долю за твой трудъ. Въ благословеніи, какимъ увѣнчиваются свыше работы человека, въ благоуспѣшности ихъ и полезности для ближнихъ состоитъ счастье человека, отсюда истекаетъ, здѣсь живетъ оно. Счастливы только тотъ человекъ, кто можетъ сказать о себѣ: я работалъ честно, согласно съ наилучшими моими убѣжденіями и съ напряженіемъ всѣхъ силъ и Богъ выискалъ меня своєю благодатію, такъ что я видѣлъ плоды моего дѣланія.

Есть впрочемъ и отъ насъ зависящія нѣкоторыя условія, при которыхъ нашъ трудъ увѣнчивается этой прекраснѣйшей наградой.

Первое изъ этихъ условій, это забота о цѣлесообразности нашихъ работъ, развитіе въ себѣ толковитости въ работахъ, потомъ пониманіе, какъ примѣнить свой трудъ къ жизни, извлеченіе изъ своихъ работъ пользы для жизни, я разумѣю нравственной пользы и умственной, а отнюдь не о барышахъ говорю, ибо пошлымъ мздоимствомъ и самыя высокія работы унижаются до занятія пощенщиной.

Но есть еще нѣчто другое, чѣмъ обуславливается дѣльность работы, что повидному само собою понятно, но что очень подлежитъ при этомъ сомнѣнію. Дѣло касается мужественнаго постоянства въ работѣ. Чтобы достигнуть знанія и смысленности въ трудѣ, для этого необходима работа, вѣрная, неотступная работа. Не думайте, что это даръ частой. Столькихъ видѣло юношей и это заведеніе, которые вслѣдствіе прилежанія и бодрости двинулись—было впередъ, но потомъ, отдаваясь продолжительное время праздности и нечегонедѣланію, останавливались въ развитіи и двигались снова назадъ. Много юношей, владѣвшихъ способностію усидчиво работать

въ школъ, владѣвшихъ ею можетъ быть даже въ высокой степени, теряли эту способность въ послѣдующей жизни. Она утрачивается очень легко, и чѣмъ долѣе продолжается сладостный и не для однихъ только итальянцевъ *far niente*, тѣмъ труднѣе для того снова укрѣпить въ себѣ способность работать. Такъ, много юношей потомъ никогда ея не достигаютъ вслѣдствіе страсти къ развлечениямъ, пріятности разсѣянія и удовольствій, наконецъ вслѣдствіе тѣлесной или духовной вялости, недостатковъ, которые особенно къ юношеству нашихъ дней, къ сожалѣнію, такъ легко подкрадываются. Кто отдается имъ, кто не старается серьезно бороться противъ нихъ, тотъ никогда не будетъ дѣльнымъ работникомъ въ виноградникѣ Домовладыки, но останется по большей части только бесполезнымъ слугою. И однакоже привычка и способность работать безусловно необходима для каждаго, что хочетъ нѣкогда,—будетъ ли онъ служить государству, церкви или школъ,—проходить жизненное свое призваніе съ достоинствомъ, съ пользою для своихъ ближнихъ. съ удовольствіемъ для себя самаго. Каждому, кто хочетъ достигнуть чего либо великаго, необходимо сжиться, свыкнуться съ трудомъ. Τῆς δ' ἀρετῆς, говоритъ Гезіодъ (Erg. 289, 290) ἰδρωτὰ θεοὶ προπάρσιθεν ἔθλησαν ἄθ' ἀνάτοι (Сі. Xen. Mem. II, 1, 20 *). Кто не можетъ работать съ упорствомъ, съ горячностью и охотой, тотъ ни въ какомъ дѣлѣ не можетъ ни отличиться, ни принести пользы, всего менѣе въ наукѣ. «Боги, говоритъ Эпихармъ, ничего не даютъ смертному безъ труда; τῶν πόνων πωλοῦσιν ἡμῖν πάντα τ' ἀγαθὰ θεοί; особенно благороднѣйшихъ своихъ даровъ, каковы дары науки, они не расточаютъ даромъ. И отраднымъ и радостнымъ трудъ дѣлается только вслѣдствіе привычки къ нему. Только неусыпная энергія, отдающаяся дѣлу съ чистою, безкорыстною ревностью и вызывающая наружу всѣ силы духа доставляетъ нашей дѣятельности успѣхъ: τὸ σύνεχες ἔργον πάντ' εὕρισκει τέλος ***). говоритъ Еврипидъ. Только на работу искренно трудящагося Богъ призываетъ: Τῷ γὰρ ποιοῦντι καὶ θεὸς συλλαμβάνει ****), говоритъ тотъ же Еврипидъ.

*) «Добродѣтели безсмертные боги преднослали ноть».

**) «Всѣ блага боги продаютъ намъ за труды».

***) «Упорная дѣятельность постоянно достигаетъ цѣли».

****) «Ибо трудящемуся и Богъ помогаетъ».

Для уразумѣнія значенія труда и толковитости въ немъ необходима потому наша собственная склонность къ публичнаго рода работамъ, пониманіе внутренняго своего призванія; къ правильной работѣ относится любовь къ труду, любовь къ работамъ призванія. Укоренить въ себѣ потому должно убѣжденіе, что только работы, ставимыя предъ нами нашимъ призваніемъ и вѣрная любовь къ нимъ создаютъ удовлетвореніе; помнить должно, что ниспосланное на нихъ свыше благословеніе можетъ сдѣлать ихъ полезными для нашихъ ближнихъ и спасительными, а чрезъ это и собственныя наши старанія и стремленія увѣнчать прекраснѣйшей наградой. Трудиться по наилучшему разумѣнію для блага людей съ напряженіемъ всѣхъ силъ и видѣть въ результатѣ, что работу, надлежащимъ образомъ начатую, продолженную и оконченную, Богъ сверхъ надежды и ожиданія благословилъ богато, да, это трудъ пріятнѣйшій, награда неизмѣримо прекрасная. Если Богъ благословилъ твою работу, если ты увидишь плоды твоей дѣятельности, тогда значитъ всѣ твои старанія были прекрасны, тогда ты получишь прекраснѣйшее за то возмездіе. «*Ἄνθρα ὁ ὠφελεῖν, ἀφ' ὧν ἔργα τε καὶ δύναιτο, κάλλιστος πόνος* *). Эту истину всегда должно носить намъ въ сердцахъ и никогда на жизненныхъ путяхъ своихъ не опускать ея изъ глазъ.

Но горе человѣку, если всѣ свои работы онъ производитъ разсѣянно или ворчливо и съ ропотомъ или съ расположеніемъ притворнымъ. Какъ въ увѣнчаніи работы благословеніемъ состоитъ высшая награда за трудъ, такъ въ противоположность этому въ безплодности труда состоитъ и самое страшное наказаніе: *ut quisque est meritis, praemium ferat* **). Въ благоусишнѣйшемъ трудѣ уже древность находила высшее счастье, подобно тому какъ въ трудѣ напрасномъ тяжчайшее несчастье. Это было смысломъ, какой позднѣйшая древность вложила въ многознаменательную сагу о Сизифѣ и Данадахъ. За тяжкія преступленія, въ какихъ они провинились живя на этой землѣ, въ подземномъ мірѣ положено было на нихъ самое суровое наказаніе—постоянно, но безу-

*) «Лучшій изъ трудовъ тотъ, которымъ человѣкъ (трудящійся) имѣетъ плъ лиду и увѣсть приноситъ пользу».

***) «Какова работа, такова и награда».

сиѣшно работать. Сизифъ долженъ былъ вскапывать на верхъ тяжелую каменную глыбу, и когда онъ при чрезвычайномъ и невыразимомъ напряженіи силъ исполнялъ это, коварный камень снова скатывался у него и принуждалъ его сънова начинать ту же самую трудную работу.—Дананды должны были безпрестанно наливать воду въ дырявые сосуды и такимъ образомъ ежеминутно быть свидѣтелями тщетности своихъ усилій и видѣть плодъ своихъ трудовъ погибающимъ.

Такимъ образомъ какъ ни велико въ возрѣніяхъ на трудъ различіе между древностію и нашимъ временемъ, изъ только что сказаннаго ясно, что трудъ все-таки и сю вообще цѣнился высоко, праздность же и лѣность уже и тогда презирались и осуждались, et potiores говорить, Ювеналь, *Herculis aegumnas saevosque labores pl umis Sardanapali (Satyr V, v. 319—321 *)*. Посему работай, другъ. Твой возрастъ и созданъ для разнообразныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ упражненій. Какъ тѣлесные члены въ юношескомъ возрастѣ бываютъ еще гибки, такъ и душевныя силы отличаются иѣжностію, эластичностію и способностію подобно воску принять пластическую форму. Твой возрастъ кипитъ избыткомъ доброй воли: нужна только рѣшимость выполнять ея предначертанія. Пробуй свои силы и упражняй ихъ: общій опытъ показываетъ, что въ твоёмъ жизненномъ возрастѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней человекъ двигается далѣе нежели въ продолженіе годовъ; изученное теперь, занятія, упражненія, съ которыми свыкнешься, никогда не забудутся; на каждомъ здоровомъ упражненіи, какому ты отдашь въ настоящую пору твоего возраста, получишь такъ сказать форма, по которой по смерти твою будутъ отливаться другія; позднѣйшія мысли, силы, занятія, дѣятельность всегда формируются только по той модели, по какой дѣйствовали мы во время нашей юности и по какой дѣйствовали другіе люди, наблюдавшіеся намъ въ это время.—Работай, другъ. Ты не одинъ, дѣятельный юноша, въ твоей одинокой комнаткѣ. Твой духъ обращается среди великихъ умовъ, трудившихся для блага современниковъ и влиявшихъ на потомство. Ты мыслишь вмѣстѣ съ ними, ты слышишь еще голосъ ихъ въ ихъ твореніяхъ: учишься отъ нихъ; это доставитъ тебѣ благородное наслажденіе. Такое обраще-

*) «Лучше огорченіи и тяжкіе труды Геракла, чѣмъ пуховики Сарданапала».

ніе съ великими умами древности съ выгодой замѣнить тебѣ обыкновенное общество. *Diligentia*, говоритъ одинъ изъ такихъ мужей, *omnibus in rebus plurimum valet*. *Haec praecipue colenda est nobis, haec semper adhibenda, haec nihil est quod non assequatur* (Cic de or. II, 35, 148 *).—Работай, чтобы воспользоваться непосланными тебѣ свыше дарами духа и тѣла; ими ссудило тебя небо не для того, чтобы ты оставилъ ихъ какъ истощенное поле подъ паромъ, но чтобы ты развилъ ихъ и употребилъ въ пользу для блага своихъ ближнихъ.—Работай, чтобы не блуждать тебѣ при прохожденіи твоего призванія. Уже и по сю пору многіе, весьма многіе изъ васъ оказываются вѣрными и рачительными работниками и съ добросовѣтною ревностью трудятся надъ развитіемъ своего духа, съ серьезными стремленіями стараются проникнуть въ святилище наукъ. Вы неоднократно давали мнѣ свидѣтельство того, что можете быть прилежными, что съ напряженіемъ можете стремиться къ достиженію цѣли: впоследствии вы должны будете также работать; по своимъ работамъ, свою выработанную въ школѣ способность къ труду направите къ ширшей цѣли. Здѣсь, въ школѣ, вы учитесь работать. теперь вы должны быть прилежными учениками, а когда кончите ученіе, должны стать прилежными работниками. Жизнь поставитъ предъ вами новыя работы, новыя цѣли: и жизненные эти задачи и цѣли вы можете преодолѣть не иными средствами какъ тѣми же, что практикуются вами и здѣсь, въ школѣ, т. е. трудомъ и стараніемъ, потому что ничто дѣльное не достигается безъ труда. Серьезнаго образа мыслей безъ серьезной работы быть не можетъ. Нужна для этого дѣйствительно энергическая умственная работа. Но кто хотя разъ испыталъ всю прелесть и сладость напряженной, благоуспѣшной дѣятельности, тотъ въ состояніи усвоить и серьезный образъ мыслей и желаній, достойный человѣка съ характеромъ. Но тотъ и ежедневно будетъ готовить себѣ это благородное наслажденіе и отдаваться ему безраздѣльно, ибо что менѣе всего стоитъ труда, то и ничѣмъ не вознаграждается. Никогда ни на одну минуту ты не долженъ забывать, что жизнь наша должна быть трудомъ и работой, если ты хочешь сдѣлать ее содержательной и насъ самихъ

*) «Старательность всюду пригодна. Она пользуется преимущественнымъ почетомъ; она никогда намъ не замѣняется; все ей покорно».

утѣшающей, что ничего великаго ни происходило въ мірѣ, ни произойти можетъ безъ работы и напряженія, что человѣческое общество не могло бы и существовать безъ напряженной, усиленной работы каждаго изъ своихъ членовъ.—Работай, чтобы отвѣдать тебѣ дѣйствительнаго счастья, надлежащимъ образомъ воспользоваться жизнью и истинно насладиться ею, потому что только тотъ можетъ быть и можетъ назваться истинно счастливымъ, кто неотступно дѣятеленъ былъ для блага своихъ ближнихъ и работалъ доколѣ былъ день, а не тотъ кто какъ бы ошупью бродилъ по землѣ съ тяжелымъ сознаніемъ, что онъ только рабъ лѣнивый и ни на что непригоденъ.—Работай, чтобы не стыдиться тебѣ предъ своими ближними, видя какъ они бодро и дѣятельно, по собственному начинанію работаютъ и для себя и для другихъ, чтобы не лакомиться тебѣ какъ шмелю только чужимъ медомъ или чтобы не оказаться тебѣ въ качествѣ лѣнтяя только на то способнымъ, чтобы пожирать плоды чужаго поля.—Работай, и я увѣренъ, что этотъ зовъ къ вамъ не будетъ съ моей стороны напраснымъ. По истинѣ уже изъ за виѣшнихъ вашихъ выгодъ вы имѣете всѣ побужденія къ такого рода дѣятельности и труду. Вѣрить потому хотѣлось бы въ васъ и въ серьезность вашихъ стремленій, въ то что приглашеніе «работай» поймете вы и примете къ сердцу во всемъ его объемѣ, въ полномъ его значеніи, что вы не по временамъ только, не съ перерывами, не вяло только и кое какъ, но что вы будете работать постоянно, энергично, притомъ здраво и основательно. Подобно тому какъ въ жизни человѣка никогда не наступаетъ такого момента, когда онъ могъ бы успокоиться на чемъ либо, хотя бы какая либо цѣль и была достигнута: снова при этомъ энергіей его духа ставятся предъ нимъ высшія и ширшія цѣли и къ достиженію ихъ онъ снова начинаетъ стремиться, соответственно этому и работа должна быть постояннымъ спутникомъ человѣка, а вмѣстѣ и лучшимъ утѣшеніемъ за многія обманываемыя надежды, за потери многихъ другихъ спутниковъ жизни. Изъ цѣлой шумной толпы спутниковъ, какая окружаетъ юношу вступающаго въ міръ, одни исчезаютъ, нарушивъ вѣрность ему, другіе не доставляютъ желанной и ожидаемой отъ нихъ опоры, мирный же трудъ, никогда не утомляющійся, болѣе всѣхъ способенъ утишить душевныя бури. Работа, благородный даръ неба, созданная для блага людей, говорить поэтъ, никогда не оставляетъ безъ утѣшенія и освѣженія того, кто присягнулъ на служе-

ніе ей. Изъ нея протскаеть оживленіе челоѣка, посвятившаго
себя наукѣ, и бѣгутъ отъ нея только безумцы: не опираясь на ея
посохъ какъ часто мы терлемся! О, позволь же, благородная дщерь
неба, сохранить вѣрность тебѣ даже до гроба!

V.

Наука и научное чувство.

Истинно и многозначуще слово великаго Платона, что началом всякаго знанія служить удивленіе. Возбуждая и оживляя мыслительныя процессы, оно въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно какъ помогаетъ проникать въ матеріалъ изслѣдованія. Потому и мы, открывая своимъ урокомъ начало ученія и рекомендуя вамъ усердіе въ вашихъ научныхъ занятіяхъ, исходимъ въ первомъ нашемъ словѣ къ вамъ изъ чувства удивленія предъ наукой вообще.

Изумительны научныя благопріобрѣтенія людей; по истинѣ человѣкъ оказалъ великое. Со своей наукой онъ воспаряетъ высоко, въ безграничное міровое пространство, измѣряетъ здѣсь величину звѣздъ, вычисляетъ ихъ пути и въ состояніи предсказать мѣсто нахожденія ихъ противъ даннаго созвѣздія изъ минуты въ минуту. Наука осмѣливается въ глубинахъ и на днѣ моря зрѣть то, что, казалось бы, должно оставаться покрытымъ вѣчною ночью и повидимому навсегда ограждено было отъ изслѣдованій ужасомъ. Наука изслѣдуетъ въ глубинахъ земли и на высотахъ горъ поверхность нашей планеты. Наука вынуждаетъ къ служенію себѣ стихій, такъ что вслѣдствіе новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній мы и съ отдаленнѣйшими народами, живущими разсѣянно по всей корѣ земной, сносимся съ быстротою мысли, граничащею съ волшебствомъ. По истинѣ небесный свѣтъ и искра Божества духъ человѣческій. Оглянитесь назадъ, на протекшія столѣтія и вы увидите, какіе великіе успѣхи въ различныхъ областяхъ жизни и знанія оказало человечество. И чѣмъ далѣе простираются научныя изслѣдованія, тѣмъ все болѣе наука совершенствуется. Потому что безконечно число проблемъ еще предносящихся наукъ, безпредѣльно глубоки и многочисленны темныя глубины шахтъ, въ которыя наука еще не спу-

скалась, которыхъ никогда еще не освѣщать факель научнаго изслѣдованія; есть пропасти, въ которыя пылливый человѣческій духъ никогда еще не спускался, которыхъ онъ никогда еще не изслѣдовалъ, и безднъ этихъ безконечно много. И донинѣ наукѣ не удалось еще устранишь все заблужденія, волюнѣ освободить духъ отъ невѣдѣнія и отъ всехъ суевѣрій. Есть еще безчисленныя заблужденія и ошибки въ жизни и въ наукѣ; много ихъ производитъ самая наука какъ продуктъ хотя и безконечнаго, но ограниченнаго духа.

Не должно однакоже смущаться безконечною научныхъ задачъ и порицать науку за неоконченность или охладѣвать изъ за того къ ней. Наука какъ такая никогда даже и не можетъ быть изучена; она вѣдь и стремится къ цѣли безъ надежды на окончательный успѣхъ. Если-бы наукѣ удалось окончательно найти истину, тогда она достигла бы предѣла и прекратилось бы и самое ея существованіе. Истинная природа науки состоитъ въ постоянномъ изслѣдованіи: всегда останется она процессомъ, актомъ дѣятельности духа, не вталкиваемымъ въ него, но въ духѣ самомъ получающимся начало, завершающимся и снова возобновляющимся; къ знанію духъ только возбуждается, знаніемъ духъ только очаровывается и плѣняется; постоянно онъ есть и останется развѣдывающимъ объ истинѣ и никогда не успокоивающимся, ибо ему прирождена жажда къ знанію, влеченіе приближаться къ истинѣ, искать ея и познавать: духъ долженъ быть вѣдущимъ, потому что природа его есть природа свѣта. Вѣчно изслѣдовать истину и стремиться къ этой цѣли, никогда не успокоиваться—въ этомъ вѣдь и состоитъ сущность науки. Искусство можетъ оканчивать свои идеалы, хотя и въ формѣ конечной, высшая же и послѣдняя цѣль науки—достиженіе познанія истины абсолютной—невозможно; въ наивной своей непосредственности она постигается только религіозной вѣрой. Истина, искомая наукой, походитъ на скрытое за покрываломъ изображеніе стоявшее въ Сандѣ, котораго ни одинъ смертный не видалъ, ни видѣть могъ когда либо, пелены съ котораго, какъ возвѣстилъ, предостерегая любознательнаго юношу, египетскій гіерофантъ, ни одинъ смертный не можетъ поднять не имѣющей на то права рукой. И однакоже самое это стремленіе къ знанію какъ къ цѣли безконечной и никогда недостижимой, вложенное Богомъ въ грудь человѣка, есть одно изъ средствъ воспитанія человѣческаго рода, потому что не только достиженіе дѣла имѣеть свое достоинство, важное значеніе имѣеть и путь, который ведетъ къ цѣли, хотя бы движе-

ніе по нему тому или другому изъ путешественниковъ и внушало болѣе или менѣе живое и ясное сознаніе ограниченности знаній.

Наука есть чистый, въ себѣ самомъ находящій себѣ поддержку, свѣтъ;—свободный, развитой, самъ собою овладѣвшій духъ и самъ для себя ставшій яснымъ. Наукой разрывается и разлагается пошрое и мертвое, обыденное; она вноситъ раздвоеніе въ душу, такъ что эта, углубляясь въ саму себя, ищетъ здѣсь пункта высшаго, вѣчнаго равновѣсія; наука есть первый рычагъ, которымъ поднимается мертвая масса и которымъ вносятся въ нее движеніе жизни; наука есть соль души и воспитательница этой. Очень покойно и по видимому удобно движется человекъ въ обыкновенномъ кругу возрѣній и безъ мысли бредеть далѣе широко разстилающимся впереди путемъ; наука толкаетъ его, вдругъ пробуждаетъ отъ сна, который сопровождался такими пріятными грезами; пробужденіе очень неудобно и обременительно, сопряжено съ хлопотами по измѣненію образа дѣйствій, который въ силу долговременной привычки сдѣлался для насъ дорогъ. Потому косность и вялость духа часто пугаются и уклоняются отъ докучливой работы изслѣдованія; часто чувство людское остается равнодушнымъ къ истинѣ, будучи обращено исключительно къ земному и преходящему, грубому и чувственно пріятному, чувствуя себя довольнымъ, лишь бы только не было у него отнимаемо то, что имѣетъ соотношеніе съ питаніемъ тѣла и удовлетвореніемъ грубыхъ житейскихъ потребностей, или же оно утопаетъ въ тонкихъ удовольствіяхъ жизни и совершенно распускается въ дѣлахъ и стремленіяхъ повседневности ея, во вѣщности и ничтожествѣ общежитейскомъ, не въ состояніи будучи проникнуться никакимъ высшимъ интересомъ, оказываясь неспособнымъ къ серьезному домогательству истины. Это—тотъ самый образъ мыслей и расположеній, исходя изъ котораго римскій намѣстникъ Іудей Пилать, противуется Христу, царю истины, пожимая плечами, сказалъ тономъ равнодушія: *Что есть истина..* Но истина, хотя она и не можетъ быть Протеємъ, принимающимъ тысячу видовъ, мало по малу и сама собою всеже легко утверждается въ умахъ. Человѣческій духъ и истинная наука, въ теченіе нѣкотораго времени хотя и могутъ быть тормозимы и подавляемы, но не могутъ быть сдерживаемы вѣчно, и заблужденіе, самый опасный врагъ новой истины, которое можетъ быть и по сего дни считается еще за самую истину, по исполненіи болѣе или менѣе короткаго или продолжительнаго времени, будетъ признавать-

ся за то, чѣмъ оно и есть на самомъ дѣлѣ т. е. за ложь. Сила свѣта истины разрушаетъ все препятствія, которыми вооруженная и одѣтая въ латы ложь ее насильно сковывала. Ею истина можетъ быть пригвождена ко кресту, но ложь не можетъ воспринять славнаго воскресенію истины. Истина продолжаетъ расти и усиливаться и во гробѣ и наконецъ разрываются ею узы самого гроба. Небесныхъ силъ рукою отваливается тяжелый камень отъ двери, и стражи гроба падаютъ ошеломленные ужасомъ и ослѣпленные небеснымъ блескомъ. Въ чью душу потомъ истина тихо входитъ, тотъ проникается первобытной силой. Ни одно слово, выражающее истину, не умираетъ; пусть слухъ о ней быстро будетъ разсѣянъ вѣтромъ, содержаніе будетъ звучать въ теченіе столѣтій и подкопаетъ зданіе заблужденій, съ которыми истина никогда не мирится. Каждая истинная мысль есть искра Божественнаго огня, вѣчна какъ вѣчень Богъ; силу пребывать вѣчно такая истина пмѣетъ отъ Бога, во все времена и во всехъ мѣстахъ возжигая происходящую отъ Него жизнь. Подобно тому какъ свѣтъ въ природѣ, подобно этому и истина, находя пріемлющую ее душу, возбуждаетъ эту къ жизни, будутъ ли касаться такіа жизненные проявленія истины лучшаго пониманія какого либо дѣла и выражаться научными изысканіями или же разцвѣтатъ на полѣ добра дѣломъ и дѣятельностью.

Только суевѣріе страшится предстать предъ строгимъ ликомъ истины, и это-то и дѣлаетъ его суевѣріемъ. Невѣріе отвергаетъ истину безъ изслѣдованія и считаетъ ее недостижимой, и это налагаетъ на него печать невѣрія. Содержанія у обоихъ нѣтъ никакого и они суть только противоположныя стороны одного и того же ничтожества; потому-то невѣріе и полагаетъ много значенія въ своемъ пониманіи, что ничего настоящимъ образомъ не понимаетъ; потому-то суевѣріе и кичится своею собственностію, что оно ничѣмъ не владѣетъ; но и невѣріе и суевѣріе—заблужденія. Постоянно обращаются они другъ къ другу, враждебно вызываютъ другъ друга. Суевѣріемъ во все времена порождальсь невѣріе, этимъ же снова суевѣріе. Ибо суевѣріе, держась того, что вовсе и не существуетъ и сущности чего оно не знаетъ и не обсуждаетъ, приводитъ многихъ къ безразсудному отверженію всего. Поелику невѣріе желало бы все растоптать, приводитъ оно невѣжественныхъ къ тому, что для нихъ обыкновенное и случайное день ото дня становится священіе, доколѣ для нихъ не останется существующимъ

только это. Оба враждебны внутреннѣйшей человѣческой природѣ и каждое изъ нихъ истребляется въ другомъ; вѣчно перевѣшиваютъ крайности одна другую: таковы уже мудрый порядокъ Правителя всѣхъ вещей.

Наука есть содержаніе всего того, что собрано мыслительной работой тысячелѣтій, что умножено изслѣдованіями даровитѣйшихъ умовъ всѣхъ націй, до чего проникли они во всѣхъ направленіяхъ и отношеніяхъ жизни, мышленія и творчества не только въ глубину, но и въ широту. Наука есть свѣтъ для государственнаго чело- вѣка и правителя, глазъ для полководца, наставница пресвитера и врача, образовательница художника; она облагораживаетъ нравы, она есть живая душа и пружина всего вѣчно великаго и достойна- го для человѣчества, спасительнаго, обнимающаго вѣка и поколѣ- нія и возвышающаго дѣятельность; ею все это держится и управ- ляется. Колоссальные и завоевательные народы и государства древно- сти были малы по объему занимавшихся ими территорій, но вели- ки и сильны наукою, и по духовному своему развитію блестяли яркою славою, потемнили ею славу другихъ народовъ, осиливали ихъ и наконецъ достигали господства надъ ними; и изъ среды самихъ образованныхъ народовъ этихъ люди, одушевлявшіе ихъ ко всему великому, не остаются-ли эти люди и не продолжаютъ-ли они дѣй- ствовать изъ рода въ родъ въ качествѣ учителей и воспроизводи- телей науки? Царство Грековъ и Римлянъ исчезло съ лица земли, всемірно завоевательный мечъ послѣднихъ давнымъ давно источенъ ржавчиною; величественнѣйшіе памятники вѣчнаго Рима обращены процессомъ вывѣтриванія въ развалины и разложились почти до неузнаваемыхъ останковъ: и однакоже Платонъ, Цицеронъ и многіе другіе не живы ли еще? Постоянно они у всѣхъ образованныхъ на- родовъ, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, вездѣ, гдѣ и доколѣ будетъ развиваться духовное образованіе, остаются учителями и образ- цами въ дѣлѣ знанія, примѣрами чистаго благороднаго вкуса. Ибо нѣтъ ничего надежнѣе науки. Земное имѣніе подвержено разнымъ слу- чайностямъ счастья, но что стало собственностію духа, то становит- ся неистощимымъ капиталомъ, который постоянно приноситъ бога- тые проценты. Никакой огонь не можетъ истребить такого имуще- ства, никакое наводненіе—затопить его, никакой тать не украдетъ его. «*Omnia mea bona mecum porto*» *), говорилъ Віасъ, когда со-

*) «Все добро мое ношу съ собой».

граждане напоминали ему, чтобы онъ спасалъ свои пожитки отъ приближающагося врага. И философъ Стильпонъ на вопросъ Димитрія Полоркета: какой убытокъ потерялъ оны при разграбленіи Мегары, отвѣчалъ ему: «Совершенно никакого, потому что мудрости нельзя отнять». Можетъ ли посему какое либо имущество и занятіе и быть благороднѣе научнаго и славнѣе?—Какое великое счастье и рано и поздно быть занятымъ тѣмъ, что питаетъ духъ и развиваетъ, чѣмъ сердце очищается и возвышается, чѣмъ чувство углубляется и облагороживается! Какой прекрасный жребій—ежедневно предносить своему духу проблемы, обращаться къ разуму съ вопросами, вызывающими насъ на возбужденное исканіе истины и нахожденіе ея и въ этомъ ежедневномъ отыскиваніи истины испытывать радость, чувствуемую каждымъ неповрежденнымъ чувствомъ при самостоятельномъ открытіи истины, возбуждаться любовью къ ней и снова жаждать ея, постоянно черпать изъ неиссякающаго источника науки, отыскивать таинственные родники истины, заниматься наукой не только изъ за выгоды, изъ за хлѣба, но побуждаясь и чистой ревностью! Какое благородное призваніе—все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ лучей истины и съ себя и съ другихъ счищать чешую заблужденій, разбивать и на себѣ и на ближнихъ своихъ оковы и путы суевѣрія и ложныхъ мнѣній, служить наукѣ, этой могущественной царицѣ и владычицѣ, власть которой и вліяніе распространяется все далѣе и шире, которая непрерывно одну за другою одерживаетъ побѣды надъ невѣжествомъ, заблужденіемъ и суевѣріемъ;—на сколько то позволено и возможно и съ своей стороны помогать человѣческому духу, работающему и изслѣдующему неутомимо, въ постоянныхъ его домогательствахъ и стремленіи къ истинѣ!—Безчисленны преимущества и дары, которыхъ и вы удостоиваетесь сравнительно со многими тысячами вашихъ ровѣстниковъ по возрасту и вообще сравнительно со всѣми, не имѣющими возможности получить такого образованія, какъ вы. Между тѣмъ какъ другіе ваши сверстники по возрасту роются въ землѣ, трудятся въ мастерскихъ, проводятъ день за днемъ въ механическихъ работахъ, трудясь съ ранняго утра и до поздняго вечера, влача жизнь среди скучнаго однообразія занятій, лишь бы, приобрѣтши навѣкъ въ работахъ, жить добыткомъ своихъ рукъ, зарабатывать и обезпечить себѣ на будущее время въ собственномъ смыслѣ только насущный кусокъ хлѣба и никогда не имѣть ни позволенія ни возможности подняться надъ обыкновенными ничтожными стремленіями жизни,—человѣкъ научно образованный обыкно-

венно испытываетъ высшія духовныя наслажденія, которыя наука способна доставлять уже сама въ себѣ. Сравнительно только немногимъ милосердый Богъ даетъ возможность при посредствѣ науки подняться выше и расширить при посредствѣ образованія свой умственный горизонтъ. Поэтому конечно славнымъ преимуществомъ вашимъ нужно назвать, когда вамъ даютъ возможность глубже проникнуть въ священную землю религіи и ближе ознакомиться съ ея путями, сознать тайну нравственнаго міропорядка и Божественнаго промысленія о судьбахъ людей и народовъ.—Это конечно славное преимущество быть посвященнымъ въ вѣчные законы природы, получить обстоятельныя свѣдѣнія о звѣздномъ мірѣ раскинутомъ надъ нашею головою, о вселенной и ея устройствѣ, имѣть свѣдѣнія о землѣ какъ планетѣ между другими небесными тѣлами и знать объ естественныхъ свойствахъ ея поверхности и о глубинахъ ея находящихся подъ погами.—Это конечно славное преимущество знать природу въ ея разнообразныхъ формахъ, силахъ и явленіяхъ, въ состояніи быть объяснить причины этихъ явленій, связь ихъ и взаимодействие и обращать силы и явленія природы въ свою пользу.—Это конечно славное преимущество ознакомиться съ землей и какъ съ мѣстомъ жительства людей, знать, что за предѣлами мѣста рожденія и за границами отечества есть еще земли и люди, какъ они живутъ тамъ и трудятся, къ чему стремятся, что за правы у нихъ и обычаи, что тамъ за языки и правленія, какъ широко разлито образованіе и источники доходовъ.—Это конечно славное преимущество ходить и быть видимымъ по полямъ не только пространства, но и времени, имѣть свѣдѣнія не только о настоящемъ, но и о прошедшемъ, знакомиться съ историческими судьбами государствъ и народовъ, знать какіе народы и націи жили на земномъ шарѣ въ древности, какая была ихъ судьба, откуда они пришли, какъ усилились и достигли значительнаго могущества, что сдѣлали и создали ихъ великіе люди и какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ народы эти потомъ пали.—Это конечно славное преимущество изучать языки мертвые и живые, понимать классическіе языки образованнѣйшихъ изъ націй, заставить великихъ людей древности и другихъ народовъ говорить къ намъ на ихъ отечественныхъ языкахъ, славнѣйшіе образцы словеснаго искусства, составляющіе для всѣхъ временъ непревосходимые примѣры, видѣть раскрывающимися предъ своими глазами и духомъ, получающими жизнь и форму, по литературнымъ памятникамъ древнихъ слѣдить трудами приобрѣ-

тенную ими жизненную мудрость, ихъ характеръ, ихъ образованность и, пользуясь знаніемъ новыхъ языковъ, быть знакомымъ съ культурою чужихъ краевъ и съ благороднѣйшими сокровищами ихъ литературы; изъ тѣхъ и другихъ внести въ свою душу множество мыслей и нравственныхъ идей, дѣйствующихъ на насъ оживляющимъ и оплодотворяющимъ образомъ.—Это конечно преимущество научнымъ образомъ изучать и свой отечественный языкъ, родить его съ наукой, ставить оный во внутреннѣйшее съ ней общеніе, дѣлать его истолкователемъ высшихъ и святѣйшихъ ея результатовъ и такимъ образомъ утверждать науку на этой отечественной почвѣ. Это конечно преимущество.... Но за чѣмъ мнѣ перечислять все, чѣмъ даритъ наука человѣка истинно образованнаго. Этой возвышенной точки зрѣнія, съ которой открывается свободный взглядъ на все окружающее, можетъ достигнуть только человѣкъ занимающійся наукою. Скажите мнѣ, не есть-ли это счастье, не есть ли это преимущество?

Какое счастье слѣдовательно имѣть право искать и находить въ наукѣ вѣрную подругу жизни и посвятить научнымъ занятіямъ всю свою жизнь, занятіямъ, о которыхъ Цицеронъ сколько прекрасно, столько же и вѣрно говоритъ такъ: «*Studia adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundans res ornant, in adversis perfugium ac solatium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur*» (Pro Arch. Poet. с. VII), что не менѣе славно нашъ Ломоносовъ переводитъ такъ:

Науки юношей питають,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ.
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуют вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Но, друзья мои, чѣмъ большее счастье быть питомцемъ науки, тѣмъ важнѣйшая лежитъ на томъ и обязанность оказываться вѣрнымъ въ служеніи ей. Безъ этой вѣрности никто не можетъ проникнуть далѣе какъ въ преддверія, ничего не произведетъ кромѣ достойной сожалѣнія посредственности. А вѣрность служенія наукѣ

обусловливается нешуточной, искренней серьезностью расположений; наука требует серьезнаго изученія; она требует от своихъ учениковъ полной преданности, работы строгой, серьезной, прилежанія продолжительнаго; должно быть ревностными въ нашихъ усиліяхъ развѣдыванія истины; истины должно искать, сама она не приходитъ; кто хочетъ быть истиннымъ ея ученикомъ, кто знаетъ и цѣнить истинное ея достоинство, тотъ долженъ посвящать ей часы серьезной работы, серьезныхъ усилій. Только усердіе, не блѣднѣющее ни предъ какимъ трудомъ, опускается до дна глубокаго колодца, гдѣ скрыта истина; только глубокое проникновеніе, всестороннее постиженіе испытуемаго предмета пособляетъ и споспѣшествуетъ знанію и только грудь ревностнаго труженика науки орошается освѣжающей ея влагой. Только посредствомъ постоянства познавательной дѣятельности, напряженности ея и пламенной ревности наука усвоится духомъ и претворяется имъ въ себя и только уже потомъ она снова порождается въ немъ и развивается. Вы могли бы провѣрить истинность сказаннаго на безконечномъ множествѣ примѣровъ. Или назовите мнѣ человѣка, который достоинъ былъ бы того, чтобы считаться образцомъ въ какомъ либо дѣлѣ и однакоже не проникъ личнымъ трудомъ въ глубины науки? Не любящей ли преданностью, не среди ли тяжелыхъ трудовъ и напряженій, не при посредствѣ ли чрезвычайной духовной силы великіе мужи всѣхъ временъ находили и открывали истины, для человѣчества сопровождавшіяся несмѣтными послѣдствіями? Путь ведущій къ истинѣ не легокъ. Онъ пролегаетъ полями труда и работы, бодрствованія и все новыхъ и страстнѣйшихъ желаній. Но кто не отдается такъ восприняющему вліянію науки, тотъ вѣчно останется несовершеннѣйшимъ въ ней и дитяемъ.

Служителемъ науки дагѣе человѣка дѣлаетъ только здравое научное чувство, не каждымъ тотчасъ примѣчаемое, которому однакоже должно быть усвоено высшее значеніе. А это чувство науки состоитъ въ пламенной, одушевленной любви къ наукѣ, въ истинной, искренней, сердечной преданности ей, въ занятіяхъ ей ради правдивой приносимой ею пользы. Кто еще не обладаетъ этимъ чувствомъ науки, этимъ чистымъ одушевленіемъ для науки, для величественнаго въ ней и благороднаго, кто видитъ въ ней не высокую небесную богиню, а только средство иѣкогда пріобрѣтать ею себѣ хлѣбъ, доставлять себѣ пропитаніе или барышничать ею, кому занятія наукой ради возвышенности ея самой не доставляютъ радостей, кто въ случаѣ успѣха

своей научной работы, вследствие разрѣшенія какой либо научной проблемы не чувствует себя веселымъ и счастливымъ: тотъ не можетъ быть признанъ зрѣлымъ для науки. Не находящій никакого удовольствія въ глубинахъ и высотахъ науки или не обладающій способностью спускаться до послѣднихъ и восходить до первыхъ ясно обнаруживаетъ чрезъ то, что онъ не созданъ для науки. или же обладаетъ способностями для нея только въ ограниченной степени. Но подобно тому какъ безъ одушевленія идеаломъ красоты, носимымъ въ груди, нельзя быть истиннымъ художникомъ, такъ и безъ одушевленного стремленія къ истинѣ нельзя быть истиннымъ ученикомъ ея. Истинный ученикъ науки имѣетъ это чувство науки, обладаетъ имъ, носитъ въ своемъ сердцѣ любовь къ ней, чтитъ истину и въ стремленіи къ ней признаетъ свою славу и свою честь; для того и во всѣхъ его дѣйствіяхъ истина выше всего. Гдѣ бы, отъ кого бы, какъ бы ни была она ему предложена, онъ узнаетъ ее, принимаетъ въ свое сердце съ радостью и не спрашиваетъ о томъ, самъ ли онъ нашелъ ее.

Къ сожалѣнію даже обрабатывающіе поле науки не всегда проникнуты бываютъ этимъ чувствомъ: часто съ ревностью достойной лучшаго дѣла преслѣдуютъ они ложныя цѣли. Многие въ этомъ отношеніи идутъ ложнымъ путемъ и дорогами окольными и они или вовсе не выходятъ на прямую дорогу, или если и выходятъ, то только послѣ того какъ пережили ночь невѣднія или прошли чрезъ тернистый кустарникъ сомнѣній и изранили себя въ немъ. Есть люди страстно желающіе учиться и жаждущіе науки съ цѣлію изучать ее—любопытство постыдное. Есть желающіе заниматься наукою, чтобы о нихъ говорили—тщеславіе постыдное. Есть ищущіе ученія, стремищеся къ изученію науки, чтобы потомъ продавать свои знанія за деньги—корыстолюбіе постыдное. Но есть и такіе, которые алчутъ и жаждутъ науки, чтобы созидать ее, и это—то христіанское отношеніе къ ней *et charitas est*. Первые всѣ вредятъ наукѣ, только послѣдніе служатъ ей съ честію. Они посвящаютъ себя наукѣ не для обезпеченія за собой вышнихъ выгодъ, но ради ея самой; на себя самихъ смотрятъ не какъ на кредитора науки, какъ это происходитъ нынѣ столь часто, а скорѣе какъ на должника ея; даже и въ томъ благопріятнѣйшемъ случаѣ, если наука въ такой степени вознаграждаетъ ихъ, въ какой они входятъ для нея въ издержки, затрачиваютъ на нее время и трудъ, они не считаютъ себя поквитавшимися съ нею. И только такой взглядъ

на науку потомъ дѣлать адентовъ науки способными побѣдоносно удерживать за собою высокій постъ, обыкновенно предоставляемый имъ, и только онъ снабжаетъ ихъ оружіемъ духа и характера необходимымъ для охраненія всѣхъ благопріобрѣтеній раннихъ родовъ.

Чтобы имѣть дѣло съ истиной, а не съ другимъ чѣмъ либо, далѣе должно отдаваться изслѣдованію ея неустрашимо, безъ предзанятаго мнѣнія, не спрашивая, горькое иѣчто или сладкое она представитъ намъ собою. Сущность глупости въ томъ вѣдь и состоитъ, что она остается при томъ, чѣмъ есть, глухою къ опыту и внушеніямъ разума и прежде всего замыкаетъ глаза предъ всякой истиной. По этому-то люди пристрастные къ старымъ заблужденіямъ въ слѣпой, фанатической по нимъ ревности и противились столь часто великимъ мужамъ, открывавшимъ и сообщавшимъ новую истину и желавшимъ стать чрезъ нее благодѣтелями человѣчества. Какъ многіе изъ нихъ потерпѣли отъ фанатиковъ пытки, муки и даже смерть, и все—таки постоянно боролись они съ заблужденіемъ. Не позволяйте себѣ и вы ослѣпляться блескомъ мнимой мудрости и сбиваться съ толку отъ криковъ научной черни. Иначе какимъ же образомъ истина, которой наука ищетъ и которую находитъ, какимъ же образомъ она въ состояніи будетъ и развить вашъ духъ, освободить оный отъ невѣжественнаго незнанія, отъ заблужденія и грѣха, отъ оковъ суевѣрія и невѣрія, предупредить ваши ошибки? Стремитесь какъ передъ Богомъ и по совѣсти къ истинной мудрости, которой не найдешь на улицахъ и въ переулкахъ. Вступите въ союзъ съ наукой, чувствуйте въ ней то, чего еще не понимаете. Наука изощритъ вашъ умъ до дѣльности изслѣдованія и до способности различать самые тонкіе оттѣнки добраго и худаго, отдѣлять ложное отъ дѣйствительнаго, измѣрять собственныя силы и выбирать вѣрныя средства, ведущія къ цѣли. Она познакомитъ васъ не съ поверхностію только вещей, но дастъ вамъ возможность познать вещи во внутренней ихъ связи и въ ихъ основаніяхъ; она не оставитъ и частности въ вашей головѣ въ положеніи изолированномъ, но покажетъ, что каждая часть, каждое отдѣльное свѣдѣніе есть органический членъ въ великомъ цѣломъ ея, надъ которымъ работаетъ все человѣчество. Ясность же познанія произведетъ успокоивающее и очищающее дѣйствіе на духъ вашъ; умственный взоръ вашъ, изощренный долгимъ обученіемъ, сдѣлается ясно-видящимъ, вникающимъ въ сущность предметовъ и дальновиднымъ и такимъ образомъ существенно обусловится этимъ ваша рассуди-

тельность. *Истина свободитъ вы*, говоритъ Писаніе: а къ чему же другому наука и стремится какъ не къ истинѣ? Подъ руководствомъ науки въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій человѣческой духъ развивался и вслѣдствіе отысканія истины какъ самъ дѣлался все свободнѣе и свободнѣе, такъ и человѣческія общества надѣлялись тѣмъ большей свободой, этимъ прекраснѣйшимъ ихъ украшеніемъ. Да и возможно ли, чтобы духъ вашъ, ежедневно обогащаемый важнѣйшими и благороднѣйшими истинами, не получилъ интереса вообще къ истинѣ? Жажда къ знанію и влеченіе къ истинѣ врождены каждому человѣку природой. Одушевленіе для истины потому должно имѣть себѣ тронъ въ вашихъ сердцахъ и всей душой вашей вы должны жаждать принятія ея въ себя, когда мы вводимъ васъ въ науку, питаемъ васъ ею, стараемся заинтересовывать и плѣнять васъ научными истинами, освобождая чрезъ то духъ вашъ отъ узъ невѣдѣнія и заблужденія. Неутомимое стремленіе познавать истину и васъ двинетъ впередъ. Истинная наука заставитъ васъ и на собственную вашу личность и дѣятельность посмотреть выше; тогда вы поймете и значеніе науки въ человѣческой жизни и усвоена будетъ вами главная составная часть истиннаго образованія. Да, расположенный къ наукѣ и научно мыслящій человѣкъ и юноша должны искать истины, должны ее чтить и превозносить, видѣть въ ней цѣль своихъ стремленій. О, съ какимъ ликованіемъ, съ какой жаждой знанія предпримчивый юноша идетъ на встрѣчу наукѣ, которая должна доставить ему возможность совершенно и вполне предаться изслѣдованію истины, купать свою грудь въ родникахъ науки, ни отдыхать, ни успокоиваться, доколѣ его духъ не обниметъ ея и не насытится ею. Истина и наука, красота и искусство, истина, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и красота, красота, которая нѣкогда явится предъ нами въ качествѣ истины, это—идеалъ, составляемый себѣ энергичнымъ ученикомъ, живущій въ груди благородно настроеннаго юноши, которымъ онъ, истинно посвятивъ себя наукѣ, воодушевляется, который онъ желаетъ преслѣдовать всѣми силами своего духа.

И думать ли намъ, что вы доселѣ еще не прониклись этимъ чувствомъ къ наукѣ? Должны ли мы думать, что наука предносится вамъ еще въ туманной дали? Внутреннее святилище науки конечно предъ вами еще не отворилось; вы только готовитесь, чтобы позднѣе вступить въ него; конечно вы стоите еще не при алтаряхъ науки: но школа ввела уже васъ въ преддверія науки. Уже и то

молоко, которымъ вы питаетесь, увеличиваетъ ваше знаніе въ широту и глубину: чрезъ это вашъ разумокъ изощряется, мыслительныя способности крѣпнуть и должно бы пріобрѣтаться чувство науки, чувство для истины. Вы ежедневно занимаетесь наукой; ежедневно изъ сокровищницъ ея сообщаются вамъ новыя важныя истины; ежедневно вы питаетесь и насыщаетесь молокомъ и хлѣбомъ истины: возможно ли, чтобы васъ не одушевляло стремленіе къ знанію, желаніе никогда не оставлять науки, постоянно черпать истину изъ этого глубокаго источника, неотступно опускаться въ таинственныя глубины науки? Не равнодушіе же къ наукѣ мы и проповѣдуемъ вамъ и то тупое сердечное онѣмѣніе для истины, которое какъ почной призракъ крадется и высасываетъ изъ юности теплую кровь его. Да охранить и васъ и насъ Богъ отъ этой духовной омертвѣлости и оконечѣлости. Потому что если бы жажда ваша къ знанію оставалась и неутоляемой здѣсь, все-таки вы можете уже окидывать своимъ взоромъ глубины человѣческой мудрости, вы получаете предчувствіе о высотахъ науки. Школа и не имѣетъ въ виду сдѣлать своихъ учениковъ всезнайками; она даетъ только случай развиться въ васъ научному чувству. Съ отличной стороны рекомендуетъ ее и питомцевъ ея уже и то, если они интересуются знаніями: уже простой интересъ къ чему либо означаетъ человѣка стремящагося къ лучшему, къ высшему. Да, любите науку. *Ее, говоритъ Премудрый, полюбилъ я и изыскалъ отъ юности моея и любителямъ былъ красоты ея* (Прем. VIII, 2). Раскрытое для науки чувство это подаритъ васъ склонностью и влеченіемъ къ изслѣдованію, привнесетъ въ васъ духъ пытливости и развѣдыванія, стремленіе искать истину и добиваться ея, развивать разумъ, эту выпущу изъ всѣхъ человѣческихъ способностей и пользоваться ею; оно же удержитъ васъ и отъ механическаго отношенія къ своимъ занятіямъ, сдѣлаетъ для васъ даже несравненно болѣе: *«Когда мудрость войдетъ въ твое сердце, скажу словами Премудраго, и знаніе пріятно будетъ души твоей: тогда разсудительность будетъ оберегать тебя, разумъ будетъ охранять тебя, дабы спасти тебя отъ пути злою, отъ человѣка говорящаго ложь, отъ тѣхъ, которые оставляютъ стези прямыя, чтобы ходить путями тьмы, отъ тѣхъ, которые радуются дѣлая злое, восхищаются злымъ развратомъ, которыхъ пути кривы и которые блуждаютъ на стезяхъ своихъ»* (Притч. Сол. II, 10—15).

Вы и не имѣете никакого другаго выбора кромѣ какъ опуститься въ глубины науки и посвящать свое время хотя и трудной, но отрадной борьбѣ за познанія. Все болѣе и далѣе расширяется объемъ наукъ, служенію которымъ вы посвящаете себя. Въ повѣйшее время всѣ науки получили такое расширеніе, что уже и одна наука предъявляетъ большія требованія, чѣмъ какимъ могутъ удовлетворять силы одного человѣка. Никто сего дня не можетъ объять всѣхъ отдѣльныхъ частей науки съ равной силой, никто не въ состояніи самостоятельнымъ изслѣдованіемъ проникнуть во всѣ вѣтви ея. Объемъ знаній сего дня столь громаденъ, что даже и великій умъ можетъ изъ него принять въ себя только столь много, что это усвоенное по отношенію къ великой массѣ цѣлаго будетъ составлять только малость. Требуется уже цѣлая человѣческая жизнь, требуются силы большія, нежели сколько есть ихъ въ распоряженіи одного человѣка, чтобы воспринять въ себя и одну только науку въ цѣломъ ея расширеніи и во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и чтобы съ полнымъ разумѣніемъ и проникательной пытливостью слѣдить за всѣми новыми изслѣдованіями въ ней и открытіями.

Все многочисленнѣе становится и масса людей, желающихъ приносить пользу ближнимъ на поприщѣ научномъ, посвящающихъ себя служенію государству, церкви и школѣ, страждущему человечеству; все болѣе и болѣе возвышаются отъ того и требованія, какія предъявляются этимъ будущимъ слугамъ государства, церкви и школы, къ будущему врачу; и при значительномъ числѣ соискателей только крѣпкая сила воли и закаленность характера, только основательное преуспѣяніе и дѣльность знаній съ полною увѣренностію могутъ разсчитывать на успѣхъ. Если ни въ какое другое время образованіе не было столь общедоступно какъ въ наше время, то для частныхъ лицъ, получившихъ его, оно никогда еще не представляло и такой сильной конкуренціи, какую наблюдаемъ въ настоящее время. Съ распространеніемъ образованія возвышаются и требованія по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которые благодаря ему хотятъ занять выдающееся положеніе въ обществѣ.

Все далѣе и шире распространяется въ наше время и владычество умственнаго образованія, все важнѣе и распространеннѣе дѣлается его вліяніе. Власть грубой силы отступаетъ предъ нимъ на задній планъ и ступшевается все болѣе и болѣе, и это наблюдается не только въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ. Гдѣ еще не въ очень давнее время рѣ-

шающій голос имѣла только грубая сила, тамъ нынѣ господствуетъ и рѣшаетъ интеллигенція; все большее и ширшее находить себѣ примѣненіе мысль, что самыя государства должны быть созидаемы на разумѣніи. Съ какой цѣлью и вы нынѣ собрались сюда, какъ не съ цѣлью собиранія сокровищъ науки и знанія? Не должны ли вы слѣдовательно проникаться удивленіемъ предъ мужами науки; не должны ли воодушевляться интересомъ къ истинѣ, которой эти мужи допытывались съ такой преданностью? Не должно ли возникнуть въ васъ желаніе слѣдовать по стопамъ этихъ мужей? Не должны ли вы чувствовать жажду къ истинѣ, желаніе точно также быть пѣкогда полезными человечеству стремленіемъ къ истинѣ? На вашу долю выпадеть нѣкогда важнѣйшая и вліятельнѣйшая дѣятельность въ государствѣ, въ которомъ вы должны представлять собой интеллигенцію. Но чтобы быть вамъ принятыми въ классъ людей благороднѣйшихъ, мудрѣйшихъ, лучшихъ изъ среды своихъ согражданъ, чтобы быть вамъ въ состояніи съ счастливымъ успѣхомъ вліять на нихъ и дѣйствовать для нихъ, быть полезнымъ для вашихъ ближнихъ, вы должны вынести изъ школы развитіе ума своего чрезъ свои научныя занятія, это—первое и главнѣйшее, съ чѣмъ вы должны выйти отсюда, пойти съ тѣмъ въ высшія учебныя заведенія и изъ этихъ въ жизнь. Дѣяній великихъ и выдающихся можно ожидать только отъ такихъ юношей, въ которыхъ горитъ священный огонь одушевленія наукой. Они работаютъ тогда изъ неодолимой любви къ наукѣ, не чувствуютъ тяжести этой работы, но одно наслажденіе и способны жертвовать для него всякимъ другимъ жизненнымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, съ научными работами несомѣстимымъ. Для нихъ исканіе истины составляетъ Божественное призваніе, жречество, и въ жилища науки они не могутъ вступить безъ того, чтобы не быть облытыми во внутреннѣйшемъ своемъ существѣ благоговѣйнымъ трепетомъ. Не устрашитесь этихъ напряженій для науки, войдите въ храмъ ея съ благоговѣніемъ предъ святымъ ликомъ истины, съ искреннимъ желаніемъ ея, съ чувствомъ трезвымъ, бодрымъ, какъ это прилично ученикамъ науки, съ рѣшимостью напрячь для достиженія знанія всѣ нервы вашего прилежанія, доколѣ еще сіяютъ для васъ столь располагающіе къ тому свѣтлые дни юности. Многие изъ васъ это искреннее чувство любви къ наукѣ, эту вѣрность въ служеніи ей доказывали уже и ранѣе къ радости нашей

и всѣхъ своихъ доброжелателей; сохраните ее въ себѣ и на будущее время. Только охотно и радостно замѣшкиваясь въ царствѣ духа, раскрываемаго предъ вами наукой, и засниживаясь надъ книгой, только въ этомъ случаѣ, только въ этомъ направленіи располагая собой, своимъ временемъ и своими силами, вы можете обезпечить за собой въ будущемъ преимущества образованія и вліятельное положеніе въ обществѣ. Соревнуйте и подражайте мужамъ, бывшимъ въ свое время благословеніемъ для человѣческаго рода: тогда и на вашей главѣ не при жизни только, но и по смерти вашей будетъ покоиться ореолъ пріосвѣняющей ихъ вѣчной славы. Счастливъ тотъ, кто найдетъ мужество въ сознаніи личнаго своего безсилія и весело поплыветъ впередъ по этому океану науки, гдѣ испоконъ вѣковъ, теперь и долго еще будутъ плавать труженики науки, оказывая услуги человѣчеству.

VI.

УМСТВЕННАЯ И ПРАВСТВЕННАЯ

зрѣлость

оканчивающаго общеобразовательный учебный курсъ
воспитанника.

Бываютъ въ жизни учебнаго заведенія моменты, когда какъ бы самъ собою возникаетъ вопросъ о выполняемой имъ задачѣ, о томъ, снабжаетъ ли оно своихъ питомцевъ основательнымъ, годнымъ для жизни, научнымъ и здравымъ нравственнымъ образованіемъ. Такое мгновеніе настаетъ обыкновенно въ концѣ учебнаго года и особенно при окончаніи учебнаго курса, когда учебныя заведенія оставляются юношествомъ, чтобы на свободѣ жизни гражданской отдаться свободному приготовленію къ будущему своему призванію. Въ такія мгновенія заведенію прилично спрашивать себя: «Достигли ли эти юноши научной и нравственной зрѣлости, владѣть которой учащееся юношество должно въ особенности въ такое, полное искушеніями время, какъ наше». Въ состояніи ли мы потому чувствовать нынѣшнее настроеніе кромѣ серьезнаго, хотя и смѣшаннаго съ грустной о васъ радостью, и можемъ ли мы нынѣ не раздѣлять съ вами не только вашихъ радостей, но и вашихъ заботъ, вашихъ желаній и молитвъ? Такъ серьезно для васъ настоящее мгновеніе, поставляя васъ предъ цѣлью, что не радоваться только достиженію цѣли должны вы, но и спрашивать себя о готовности выполнить то, къ чему вы готовились. Заключеніе съ окончаніемъ истекшаго учебнаго года вашего общеобразовательнаго курса только что живымъ голосомъ не вызываетъ васъ обратить вниманіе на нѣчто важнѣйшее и серьезнѣйшее, чѣмъ открывающіеся экзамены. Настоящій моментъ окончанія общеобразовательнаго курса,—говорю,—почти живымъ го-

лосомъ приглашаетъ васъ къ серьезному самоиспытанію, обращая ваше вниманіе на то, надлежащимъ ли образомъ вы воспользовались своимъ общеобразовательнымъ курсомъ.

Десять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ родители ваши въ довѣрїи къ Господу бросили зародыши душевныхъ и нравственныхъ вашихъ способностей на школьное поле. Припомните тотъ день, когда вы бокъ о бокъ съ земледѣльцемъ ѣхали въ первый разъ въ школу; это было въ концѣ августа. Быть можетъ рядомъ съ вами крестьянинъ ѣхалъ изъ своего дому на поле, чтобы здѣсь рассыпать сѣмена, васъ же родитель везъ въ школу, на поле науки, чтобы на немъ вы работали и сѣяли. Прошло этому не мало времени. Сѣмена душевныхъ вашихъ способностей взонили, зазеленѣли, разцвѣли и выросли. Начинающееся время экзаменовъ покажетъ, достаточно ли колосъ зрѣлъ. Благо тѣмъ изъ васъ, которые не только къ своимъ начальникамъ, родителямъ, знакомымъ и вообще ко всемъ своимъ доброжелателямъ могутъ явиться съ безупречной совѣстью, но и предъ Богомъ въ состояніи сказать: *Господи! Талантъ твой увеличенъ мной на десять талантовъ* (Лк. XX, 16), благодать твоя принесла десятикратный плодъ; я преуспѣвалъ возрастомъ, мудростію и благоволеніемъ предъ Тобой и предъ людьми. Это долженъ быть въ состояніи сказать о себѣ каждый изъ васъ; тогда и о каждомъ изъ васъ можно будетъ сказать то же, что сказано о Христѣ: *Онъ преуспѣвалъ въ радости и въ возрастѣ и въ любви у Бога и людей* (Лк. II, 52). Да, кто надѣется носить доброе свидѣтельство своихъ школьныхъ успѣховъ не только на бумагѣ, но и въ сердцѣ, тотъ свѣтлымъ взоромъ можетъ смотрѣть на окончаніе своего общеобразовательнаго ученія.

Столько лѣтъ мы сходились другъ съ другомъ такъ близко въ этомъ учебномъ заведеніи, столько лѣтъ мы практиковались въ немъ въ обязанностяхъ нашего призванія. Невольно при разлукѣ вашей съ нами возникаетъ какъ въ вашей собственной, такъ и въ нашей душѣ вопросъ: удалось ли заведенію снабдить васъ ко времени выхода вашего изъ него тѣмъ, чѣмъ оно стремилось вооружить васъ, умственной и нравственной зрѣлостью? Выходомъ вашимъ изъ заведенія предполагается и та и другая. Потому позвольте мнѣ въ этотъ часъ, остающійся еще въ общемъ нашемъ распоряженіи, въ неполныхъ словахъ разъяснить и изложить сущность той и дру-

гой зрѣлости и требованія ихъ. Да и само по себѣ уже важно выяснить, въ чемъ состоитъ умственная и въ чемъ нравственная зрѣлость.

Первѣе всего школа образовывала духъ вашъ при средствѣ изученія курса наукъ. Курсъ общеобразовательныхъ наукъ нашего заведенія даетъ право и на университетъ и слѣдовательно сообщаетъ своимъ питомцамъ тѣ свѣдѣнія, которыя дѣлаютъ ихъ способными правильно воспользоваться высшимъ курсомъ университетскимъ, понять опытъ и переработать его въ себя. Кто полно принялъ въ себя объемъ знанія, какой должно доставить общеобразовательное заведеніе, кто вслѣдствіе этого въ состояннн разумѣть высшія науки, излагаемыя въ университетѣ, тотъ удовлетворяетъ требованіямъ научной зрѣлости. Особенно въ наше время, когда масса достойнаго изученія до чрезвычайности расширяется, тѣмъ очевиднѣе становится, что безъ знаній не достигнешь чего нибудь значительнаго, тѣмъ труднѣе становится осилить массу знаній, хотя конечно на ряду съ знаніями размножаются средства и способы, имѣющія цѣлью распространить и упростить знаніе. Тѣмъ болѣе значитъ для оканчивающаго курсъ въ общеобразовательномъ заведеніи воспитаника есть побужденій знать свой курсъ не на половину, но вполне.

Еще важнѣе, нежели многообъемлемость знаній, основательность ихъ. Всякое половинное, всякое поверхностное знаніе болѣе вредитъ, нежели приноситъ пользы. А въ наше время такое половинное знаніе особенно опасно, потому что и безъ того уже склонность къ поверхностному энциклопедическому образованію распространяется все далѣе и шире. Изъ году въ годъ увеличивается число популярныхъ сочиненій, которыя поставляютъ себѣ задачей дѣлать науки доступными массѣ грамотныхъ людей въ легкой и привлекательной одеждѣ; изъ году въ годъ выростаеъ число газетъ, въ которыхъ удовольствіе стараются соединить съ обученіемъ. Нельзя конечно безусловно порицать такія стремленія; они могутъ приносить и приносить уже много добраго; но основательнымъ такъ пріобрѣтенное энциклопедическое образованіе, обнимающее собою только безсвязные отрывки, быть не можетъ. На общеобразовательномъ заведеніи, желающемъ и имѣющемъ задачей доставить своимъ питомцамъ истинно научное образованіе, тѣмъ настоятельнѣйшая значить лежитъ обязанность на основательность знанія обращать въ

своихъ воспитанникахъ еще больше вниманіе, нежели на объемъ ихъ. Твердостью и увѣренностью должно отличаться ваше знаніе, такъ чтобы въ каждое мгновеніе оно могло быть къ вашимъ услугамъ, безъ долгаго воспроизведенія его въ памяти, чтобы не имѣть вамъ нужды тщательно отыскивать познанія въ своей головѣ и справляться съ чѣмъ либо, но чтобы быть вамъ господами ихъ, въ состояніи быть примѣнять ихъ къ дѣлу и пользоваться ими. Только тотъ, кто такое обширное, основательное, постоянно состоящее на лицо знаніе можетъ назвать своей собственностью, только тотъ кто свѣдуешь, только тотъ заслуживаетъ почтеннаго признанія за собой умственной зрѣлости, поколику признаніе это относится къ знанію, къ свѣдѣніямъ.

Научная зрѣлость первѣе всего состоитъ слѣдовательно въ здравости, дѣльности знанія. Знаніе же здраво, если оно обширно и основательно и въ каждое мгновеніе состоитъ въ нашей власти. Оба эти условія научной зрѣлости оканчивающаго учебный курсъ воспитанника суть такіа условія, которыя могутъ быть посредствованы чрезъ предшествующія выпуску испытанія. Но есть еще два другія условія умственной зрѣлости, которыя не входятъ ни въ какое испытаніе, не подлежатъ никакой внезапной провѣркѣ, и однако же къ которымъ особенно приложимо слово: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ*. Первымъ изъ этихъ дополнительныхъ условій зрѣлости есть умѣлость, способность примѣнять знанія къ дѣлу. Истинно научное образованіе состоитъ не изъ сложенной въ головѣ, какъ въ какомъ нибудь амбарѣ, массы свѣдѣній, а главнымъ образомъ въ способности правильно пользоваться ими и превращать въ живой оборотный капиталъ. Было бы безуміемъ, если бы кто пожелалъ, чтобы школа поставила своимъ принципомъ сообщать своимъ ученикамъ столько знаній, сколько возможно и потому если бы она объявляла ихъ зрѣлыми, по усвоеніи ими возможно большей массы знаній. Знанія, которыми духъ переполненъ, но которыя не стоятъ въ связи съ высшими умственными дарованіями и въ которыхъ умъ не находитъ себѣ пищи и упражненія, когда изъ изученнаго умъ не можетъ сдѣлать надлежащаго употребленія, такіа знанія представляютъ изъ себя опасное имущество, потому что они только надмѣваютъ духъ, дѣлаютъ его кичливымъ и причиняютъ много несчастій, много вреда, будучи примѣняемы ложно и не кстатѣ. Общеобразовательныя заведенія смотрятъ потому какъ на одну изъ

главныхъ своихъ задачъ на упражненіе духовныхъ силъ своихъ питомцевъ, на сообщеніе имъ ловкости, гибкости, проворства, вѣрности, что дѣлаетъ наконецъ юношу способнымъ разрѣшать высшія задачи науки.

Но существуетъ еще другое не менѣе важное условіе зрѣлости, это способность къ труду, привычка къ постоянной, продолжительной работѣ. Безъ способности сосредоточиваться, при изнѣженности, не въ состояніи будучи съ быстрой, твердой рѣшимостью переходить къ работѣ и терпѣливо оставаться при ней: какъ такой воспитаникъ, хотя бы онъ и въ достаточной мѣрѣ обладалъ знаніями и законченностью ихъ, какъ могъ бы онъ съ успѣхомъ дѣйствовать какъ въ жизни практической, такъ и на полѣ научномъ, къ которому откроется ему доступъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ? Каждая школа, желающая образовывать и воспитывать способныхъ дѣятелей, обязана слѣдовательно тѣмъ самымъ приучать своихъ питомцевъ къ аккуратной, терпѣливой работѣ. Каждое общеобразовательное заведеніе можетъ, значить, того только признать зрѣлымъ и способнымъ перейти къ университетскимъ и практическимъ занятіямъ жизни, кто чрезъ упражненія и привычку приобрѣлъ способность къ дѣльной работѣ.

Вотъ главныя черты умственной зрѣлости, съ которой юноша долженъ выходить изъ среднеучебнаго заведенія въ университетъ или въ практическую жизнь, вотъ и требованія этой зрѣлости. Въ немногихъ словахъ я выяснилъ вамъ оныя, чтобы затѣмъ доставить вамъ возможность самимъ уже отвѣтить на вопросъ, можете ли вы назвать и сознать себя приобрѣтшими въ этомъ учебномъ заведеніи научную зрѣлость въ показанномъ смыслѣ и объемѣ. На столько ли обширны ваши познанія, основательны и сосредоточенны, чтобы вамъ считать себя достигшими въ этомъ отношеніи цѣли общеобразовательнаго курса и въ состояніи оказаться слушать курсъ котораго либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній? На столько ли дѣльныя и здравыя приобрѣли вы у насъ навѣкъ и способности, на столько ли упражняли и развивали богодарованныя вамъ духовныя силы, чтобы съ увѣренностію отважиться на занятія высшими науками и осмѣлиться приступить къ разрѣшенію труднѣйшихъ научныхъ задачъ? Благо вамъ, если на эти вопросы можете вы отвѣтить радостнымъ „да“, хотя бы увѣренность одного въ этомъ случаѣ была и большая, нежели другаго. Иначе и за порогъ этого заведенія послѣ-

думать за вами фурии совѣсти, чтобы безжалостно надоѣдать вамъ и мучить васъ. Посвятите ли вы себя изученію права и въ качествѣ законовѣдцовъ, судей, адвокатовъ будете дѣйствовать на пользу своихъ согражданъ, довѣренны ли будутъ вамъ какъ врачамъ жизнь и здоровье вашихъ ближнихъ, будете ли вы дѣйствовать въ качествѣ учителей народнаго юношества: каждый недостатокъ вашъ, каждая ошибка, въ которую вы впадете, каждый недочетъ въ познаніяхъ, поколику вамъ будетъ не доставать необходимаго умственнаго развитія, онъ отразится ближайшимъ образомъ и болѣе всего не на васъ, онъ убыточно отзовется, вредомъ ляжетъ на тѣхъ, которымъ вы должны бы приносить пользу, благу которыхъ вамъ должно было бы споспѣшеествовать, а чрезъ то и вы сами не будете имѣть возможности удовлетвориться нравственно сознаніемъ полной благотворности своей дѣятельности.

Но мы спрашиваемъ васъ далѣе: можете ли вы правильно и цѣлесообразно заниматься научными предметами? Приучали ли вы себя и въ состояніи ли работать съ постоянной и неутомимой ревностью? Не стоитъ ли для васъ большого труда и не смотрите ли вы еще какъ на побѣду надъ собой, если садитесь за работу? Не находите ли для себя необходимымъ уже послѣ непродолжительныхъ занятій прерывать ихъ, отдыхать и разсѣиваться? Знакомы ли вы съ сладостью работы и праздность возбуждаетъ ли въ васъ отвращеніе? Наконецъ: развили ли вы въ себѣ чувство науки, чтобы чтить ее и любить ради ея самой, а не изъ за мірскихъ, доставляемыхъ ею выгодъ и прибылей? Съ одушевленіемъ ли кунаете вы грудь свою въ родникахъ науки и чувствуете ли при этомъ себя здоровѣе? Познакомились ли вы съ радостью, какой сопровождаются занятія наукой ради ея самой, чувствовали ли отраду при стремленіи къ истинѣ и при удавшемся изслѣдованіи ея? Друзья мои, на эти вопросы вы сами можете отвѣтить со всею безпристрастіемъ и чистосердечіемъ при первомъ же взглядѣ на свое прошедшее и углубившись въ свое внутреннее. Но есть и еще болѣе легкое средство понять, какъ вы должны отвѣчать на эти вопросы. Испытайте самихъ себя и провѣрьте, съ какими расположеніями, въ какомъ настроеніи вы заняли въ эти дни въ послѣдній разъ эти мѣста? Если вы чувствуете радость только о томъ, что наконецъ приблизились къ свободѣ студенческой жизни и на время ученія, прожитое вами въ прежнихъ классахъ, оглядываетесь съ нѣкоторой долей отвращенія, то должны

отвѣтитъ на вопросъ о томъ, близки вы къ научной зрѣлости или далеки отъ нея, въ неудовлетворительномъ смыслѣ. Если же напротивъ къ радости о достиженіи важной цѣли въ своей жизни присоединяется сожалѣніе о томъ, что вы оставляете эти пространства, если озираетесь охотно на прожитое въ нихъ время и чувствуете внутреннее довольство тѣмъ, что въ нихъ сдѣлали и къ чему стремились, о, тогда вы можете радоваться, что близки къ научной зрѣлости, требующейся отъ старшаго воспитанника, и мы можемъ многихъ между вами укрѣпить въ этой увѣренности, потому что многіе съ ревностію и прилежаніемъ стремились достигнуть зрѣлости, требующейся отъ ученика. Въ научной зрѣлости они найдутъ вѣрнаго руководителя на своемъ жизненномъ пути, при помощи котораго пойдутъ по нему безопасно и въ надлежащемъ направленіи, побѣдятъ всѣ затрудненности, которыя, можетъ быть, скрываетъ позади своего темнаго покрывала будущее. Въ жизни всегда откроется, учились ли вы въ школахъ и чему научились.

Но какъ ни много значить для васъ положительный отвѣтъ на этотъ, вопросъ, всѣхъ насъ долженъ занимать вопросъ еще болѣе важный. И разумно, насколько ученіе каждаго изъ васъ, т. е. ваши занятія въ школахъ и работы для школы, въ какой мѣрѣ были отъ совершенствованіемъ нравственной вашей природы, въ какой степени школьной вашъ трудъ былъ матеріаломъ для истиннаго, для нравственнаго вашего образованія, которое и есть образованіе въ собственномъ смыслѣ.

Къ свѣтлымъ сторонамъ нашего времени относится между прочимъ и то, что умственное образованіе все болѣе и болѣе дѣлается достояніемъ общества. Все-таки въ наше время нѣтъ недостатка и въ голосахъ, которые это образованіе цѣнятъ не особенно высоко и не признаютъ за нимъ исключительнаго значенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ интеллектуальное образованіе не служитъ могущественнымъ союзникомъ нравственнаго воспитанія. Пониманіемъ однимъ въ самомъ дѣлѣ не стоитъ удовлетворяться. Дознанное благо должно быть проведено въ жизнь, познанное зло должно быть оставлено. Разпузданнымъ страстямъ всегда было свойственно дѣйствовать на самое разумнѣе затмѣвающимъ образомъ. И повѣрить нельзя, чтобы на усвоеніи однихъ знаній духовныя силы дѣйствительно могли развиваться. Можетъ ли умственное образованіе того назваться полнымъ и законченнымъ, кто ищетъ своего счастья въ злоупотребленіи удовольствіями, кто подпиливаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ

сидитъ, подкапываетъ основы своего тѣлеснаго и духовнаго благобытія и самъ себѣ копаешь могилу, т. е. кто не дошелъ еще до убѣжденія, что единственно вѣрное мѣрило благоразумія, единственная жизненная мудрость, которая никогда не оставляетъ чело-вѣка безпомощнымъ, есть нравственный законъ?

Наше заведеніе желаетъ и старается не только знанія въ душѣ вашей умножать и развивать вашу разсудительность, но дѣйствуетъ на васъ и воспитательно. Одну изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ оно полагаетъ именно въ томъ, чтобы доставлять своимъ питомцамъ и нравственное, а не научное только развитие; и это дѣлаетъ оно въ убѣжденіи, что средоточнымъ пунктомъ всякаго образованія должно быть нравственное воспитаніе и что истинно научное образованіе безъ нравственнаго воспитанія невозможно. Вопросъ о нравственной зрѣлости для васъ подлинно потому главный. Отвѣчая на него, мы рѣшаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ по существу дѣла и вопросъ объ умственной зрѣлости. Впрочемъ я понимаю его не такъ, въ какой мѣрѣ чтеніемъ книгъ и словами объясняющаго учителя пользовались вы для того, чтобы устанавливать взгляды на различные нравственные вопросы, итъ; но я желалъ бы, чтобы вы въ часъ самоиспытанія поставили этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Ставили ли вы вообще свое ученіе, предлагавшіяся вамъ работы подъ эгиду нравственнаго закона или механически исполняли то, что должны были дѣлать, о чемъ напоминало вамъ распредѣленіе занятій на завтрашній день или распоряженіе учителя, и размышляли ли при этомъ, заботились ли о нравственныхъ требованіяхъ по отношенію къ себѣ или думали, что ученіе не имѣетъ съ ними ничего общаго и что нужно принимать ихъ въ соображеніе только въ остальной жизни, насколько она независима отъ школьныхъ занятій. Пусть каждый изъ васъ размыслитъ, нужно ли считать учебныя занятія, приготовленіе уроковъ, писаніе упражненій, внимательность къ говоримому учителемъ за нѣчто существующее само въ себѣ и нравственность, къ которой должно стремиться въ жизни, опять за нѣчто существующее само въ себѣ? Усвоили ли вы себѣ тотъ взглядъ, что нравственность не есть нѣчто отрѣшенное отъ тѣхъ или иныхъ нашихъ дѣйствій, но что ей можетъ и должно быть только свойство каждаго дѣйствія, что жизнь не должна состоять въпервыхъ изъ нѣкоторыхъ дѣйствій согласныхъ только съ обычаями, и во вторыхъ изъ ряда другихъ дѣйствій, проникнутыхъ мыслію о Богѣ и любвию, но что каждое дѣйствіе должно быть проникнуто мыслію о Богѣ, лю-

бовію, добрыми намѣреніями, ревностью, вѣрностью и справедливостью? Да, каждое дѣйствіе, — разумѣйте подѣ этимъ какое хотите, — должно быть освящено этимъ образомъ мыслей, исходить изъ добросовѣстности и любви. — И далѣе разсмотрите: занимались ли вы тѣмъ, чѣмъ слѣдовало заниматься? Еще далѣе: трудилесь ли съ добросовѣстностью, стремились ли къ тому, чтобы работать съ готовностью, съ удовольствіемъ и не позволяли ли себѣ вмѣсто довѣрія къ цѣлесообразности преподаваемаго держаться противныхъ мыслей и оставлять безъ исполненія то, чего отъ васъ желали? Каждый спроси себя серьезно, со всею строгостью: стремился ли ты къ познаніямъ, прилежалъ ли ко всему преподаваемому или не усматриваешь въ себѣ этого? Припомни каждый, доводилось ли тебѣ трудиться съ дѣйствительной преданностью дѣлу, съ дѣйствительнымъ самоотверженіемъ, съ любовью, и предносилось ли твоему сознанію въ качествѣ цѣли постиженіе того, что прежде тебѣ было неизвѣстно, гдѣ тебѣ указаны были пробѣлы въ твоихъ познаніяхъ? Направлялъ ли ты свое поведеніе по этимъ мотивамъ какъ внутри школы, такъ и внѣ ея?

Со своей обучающей, воспитывающей и улучшающей дѣятельностью школа хочетъ одного достигнуть, — сдѣлать васъ истинно образованными, ввести васъ въ обладаніе тѣмъ образованіемъ, которое изощряетъ разсудокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ трогаетъ душу и волю. Здѣсь истинный успѣхъ школы. Иначе *qui proficit in literis et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit* *). Что пользы во всѣхъ наукахъ безъ нравовъ, въ приобритеніи знаній, не проникнутыхъ душой? Обогащенная познаніями голова при дурномъ сердцѣ, это — храмъ въ разбойничьемъ притонѣ; наука безъ нравственности, безъ воспитанности, это перлъ лежащій въ пометѣ. *Pulchrum, decens, honestum, decorum* **), все это есть связь разума съ волей. Просвѣщенность, исходя изъ нравовъ, на нравы же должна и дѣйствовать. Ученость должна жить не въ головѣ только, но и въ сердцѣ, и не память только нашу должна обогащать, но и весь нашъ образъ мыслей и расположеній; просвѣщенность разума должна быть соединена съ благородствомъ воли, здравая теорія съ здравостью практики, познанія съ нравственностью. Въ сущности дѣла просвѣщен-

*) «Кто въ наукахъ успѣваетъ, а въ нравственности дѣлаетъ попятные шаги, тотъ болѣе назадъ идетъ, чѣмъ впередъ».

**) «Превосходное, пристойное, честное, достославное».

ность и есть не иное что, какъ нравственное самоопредѣленіе. Исключительно имъ и всякое другое занятіе облагораживается, освящается и одухотворяется, а равнымъ образомъ и для самого духа преобразуется и возвышается; безъ нравственности же и не научная только, но и всякая другая дѣятельность и всѣ другія стремленія опускаются до степени занятій ничтожныхъ и пустыхъ. Какое бы поприще жизни вамъ ни было назначено собственнымъ вашимъ выборомъ или провидѣніемъ, нравственность, эта дочь неба, можетъ указать вамъ путь, на которомъ какъ сами вы найдете удовольствіе, такъ и другимъ доставите удовольствіе.

Какой красотой облакаетъ юношу каждый слѣдъ примѣчательнаго въ немъ нравственнаго образованія! Оно сообщаетъ лицу его открытость, глазу красоту: въ этомъ глазѣ отражаются сдержанность, стыдливость, искренность, довѣрчивость, скромность, любовь. Жестамъ юноши и членамъ мораль даетъ прекрасную привлекательность, какъ если бы онъ помазанъ былъ и ежедневно помазывался для прекраснѣйшей дѣятельности самой чистой и кроткой невинностью, какъ бы слезамъ всѣхъ радостей.

Всѣ благородныя натуры имѣли и развивали въ себѣ это нравственное чувство, которымъ именно они и отличались отъ людей обыкновенныхъ, которое именно и предохраняло ихъ отъ всего обыкновеннаго, низкаго и пошлаго. Оно было охраной ихъ и защитой, ихъ совѣтникомъ и стражемъ, ихъ предоостерегающимъ другомъ, который вмѣсто широкой торной дороги прихотей или мечтаний указывалъ имъ на узкій путь и на тѣсныя ворота къ славѣ и благоволенію отъ Бога и отъ людей; оно не только указывало имъ на этотъ путь, но и ободряло при слѣдованіи по нему, доводило до воротъ его.

Такова красота въ учащемся юношѣ нравственной зрѣлости. Никто изъ васъ конечно не преминулъ предложить себѣ самому вопросъ, обладаетъ ли онъ этой нравственной зрѣлостью и старался ли онъ запасть въ школьнѣ этимъ драгоценнымъ приданымъ для жизни. О вашей научной зрѣлости будутъ говорить свидѣтельства. Опираясь на нихъ одни изъ васъ съ большей, другіе съ меньшей увѣренностію могутъ искать доступа въ университеты и надѣяться со временемъ выработать изъ себя научно дѣльныхъ людей. О нравственной же вашей зрѣлости не будетъ говорить никакое письменное свидѣтельство; учителя ваши едва ли могутъ и выразить какое либо опредѣленное о ней сужденіе. Никто съ полной

увѣренностью не можетъ рѣшить этого кромѣ васъ же самихъ, если вы съ серьезнымъ и безпристрастнымъ чувствомъ обратите вниманіе на собственное ваше «я». Посторонніе люди видятъ ваше вѣдѣнное поведеніе, ваши дѣйствія, но кто проникнетъ въ святилище внутренней вашей жизни? Кто можетъ судить о томъ, въ какомъ соотношеніи вашъ образъ мыслей находится съ вашими дѣйствіями? Кромѣ Всевышняго, отъ котораго не можетъ сокрыться ни одна мысль вашей внутренности, только вы одни состоите жрецомъ, посвященнымъ въ тайны этого святаго святыхъ вашей души и вольны заключить входъ въ него для всѣхъ непрощенныхъ гостей, которые дерзко приблизились бы къ нему. Сами потому займитесь этимъ серьезнымъ саморазсмотрѣніемъ и обратите испытующій взглядъ вашего духовнаго глаза на ваше внутреннее состояніе и на свою прошедшую жизнь, со всей добросовѣстностью изслѣдуйте самихъ себя и тогда спросите себя: обладаете ли вы той нравственной зрѣлостью, какая требуется и ожидается отъ учащагося юношества, оставляющаго учебно-воспитательное заведеніе. О, если бы оказалось, что образовательное вліяніе науки не слегка только коснулось вашей души, не на поверхности только ея легло, но изъ одушевленной груди вашей находить себѣ путь во внутреннѣйшее существо ваше, пуская здѣсь ростки мыслей и чувствъ и порождая сѣмена рѣшеній! О, если бы оказалось, что пробуждавшееся нами въ душѣ вашей чувство истиннаго и прекраснаго дѣйствуетъ въ васъ очистительнымъ пламенемъ, который у душевныхъ вашихъ движеній, еще прежде чѣмъ перешли они въ мысли и дѣла, отнимаетъ все неблагогородное и пошлое! О, если бы оказалось, что упражняя умъ свой въ строгомъ мышленіи, вы заботились вѣстѣ съ тѣмъ о насажденіи въ душѣ и чувства правды и твердой послѣдовательности во всемъ! Хотѣлось бы думать, что въ этихъ свѣтлыхъ, цѣляхъ образованія посвященныхъ, пространствахъ вы заключили крѣпкій, нерасторжимый союзъ съ началами истинной и строгой нравственности, всегда дѣлавшей человека счастливымъ. Отрадно было бы за васъ, если бы оказалось, что вы питали здѣсь свои юношескія души высокими идеалами и оставались вѣрны имъ; при всѣхъ обстоятельствахъ и не смотря на всѣ соблазны сохраняли вѣру въ достоинство всего добраго и благороднаго и избѣгали всего вообще дурнаго. Какъ возвышающе и на насъ дѣйствовала бы вѣра, что вы искали для себя одушевленія въ славныхъ образахъ классической древности и старались человѣчески прекрасное и человѣчески высокое древ-

ниго времени переводить въ формы личной своей жизни! Воля ученика еще въ школѣ должна быть закалена въ побѣдоносной борьбѣ съ склонностями, не имѣющими права на удовлетвореніе. Ученикъ ко всѣмъ и ко всему долженъ относиться дружественно, но только до алтара. *Amicus usque ad aras* *), т. е. доколѣ, доколѣ не предстоитъ опасности оскорбить Бога и нравственность. Научитесь изъ исторій, что никто не могъ оказывать продолжительнаго и прочнаго вліянія на общество, кто самъ не былъ вполне образованъ и нравственно воспитанъ. О, если бы всѣ вы, и менѣе приблизившіеся къ цѣли и менѣе отъ нея отставшіе, могли выдержать удовлетворительно испытаніе предъ лицомъ всѣхъ вашихъ совопросниковъ, не экзамены предстоящіе, но испытаніе внутреннее своей собственной совѣсти, чтобы фурии ся не слѣдовали за вами и въ дома родителей и не мучили васъ и тамъ безжалостно, и чтобы всѣмъ вамъ окончаніе учебнаго года принесло сердечную глубокую радость: и тѣмъ изъ васъ, которые *творятъ себя далечайше итти* только по окончаніи богословскаго курса, и тѣмъ изъ васъ, которые поняли, что сфера дѣятельности и творчества чисто духовнаго не могутъ составить ихъ призванія и оставляютъ это учебное заведеніе, чтобы посвятить себя гражданскому званію или военному, гдѣ они могутъ болѣе приносить пользы нежели на полѣ церковномъ. Вдвойнѣ и тройнѣ окончившееся общее образованіе важно потому для тѣхъ изъ васъ, которые съ заключеніемъ учебнаго года выходятъ, по окончаніи общеобразовательнаго курса, изъ этой школы, чтобы въ высшемъ учебномъ заведеніи посвятить себя спеціальнымъ занятіямъ. Въ ихъ жизни заключеніе настоящаго учебнаго года составляетъ по истинѣ вдвойнѣ знаменательную эпоху. Противъ остающихся здѣсь на богословскій курсъ своихъ сотоварищей значительное преимущество въ пути они выигрываютъ. Ихъ радость, если они, не стыдась и не краснѣя, могутъ предложить себѣ испытательные вопросы, должна быть больше, ихъ стыдъ, упреки совѣсти, недовольство самими собой должны проникать въ сердце глубже; быть болѣзненнымъ, мучительнымъ, если ихъ сознаніе говоритъ имъ, что временемъ доселѣшняго своего пребыванія въ этомъ заведеніи они могли бы воспользоваться согласіемъ съ требованіями отъ нихъ воли ихъ учителей и собственнаго блага. Предположивъ поступить въ выс-

*) «Другъ, но только до алтара».

шія и спеціальныя учебныя заведенія, они закончили первую важную часть общечеловѣческой подготовки къ будущему своему призванію: ходъ вашего образованія отнынѣ долженъ быть иной, и что вами доселѣ было тернимо, то даже при самой доброй волѣ можете наверстать только пелюлю. Въ душу вѣхъ васъ испытательные вопросы тѣ должны тѣсниться съ сугубой настойчивостью. Благо тому, кто можетъ сказать о себѣ, что онъ честно стремился къ цѣли и достигъ ея: собственное его сознаніе, радость и любовь родителей, одобреніе учителей служить для того динаріемъ и наполняютъ сердце его благодѣтельной отрадой. О, еслибы и отъ самыхъ резиденцій и средоточныхъ пунктовъ духовнаго образованія, куда многіе изъ васъ стремятся, получили вы въ будущемъ признаніе, что достойны вы и созрѣли для того, чтобы служить не только обыденнымъ требованіямъ будничной жизни, но и въ обширнѣйшемъ смыслѣ быть выразителями всего того, что на основаніи изученныхъ научныхъ сокровищъ можетъ быть образовано глубокомысліемъ или нравственнымъ одушевленіемъ!

Что же касается до насъ, вашихъ наставниковъ и воспитателей, то мы съ удовольствіемъ можемъ высказать, что вообще въ васъ жило и господствовало доброе чувство, что мы съ радостью можемъ рекомендовать васъ какъ добрыхъ учениковъ; въ силу чего мы можемъ надѣяться и на то, что уходящіе отъ насъ съ честію выдержатъ и предстоящую имъ жизненную борьбу. Конечно зрѣлость ума и сердца, съ которой вы уходите отсюда, не есть еще зрѣлость мужескаго возраста, съ какой онъ борется съ замѣшательствами и заблужденіями времени. Этой зрѣлости школа и не можетъ доставить: она пріобрѣтается только на торжищѣ міра, при сопротивленіи случайностямъ, въ борьбѣ со страданіями и превратностями жизни, по испытаніи скорбей и преслѣдованій, по перенесеніи обидъ и огорченій; здѣсь характеръ челоуѣка зрѣеть, это дѣлаетъ его мужественнымъ и твердымъ. Зрѣлость юноши еще не есть зрѣлость плода, нмѣющаго питательность и доставляющаго удовольствіе; зрѣлость эту естественнѣе приравнять къ цвѣту, здравость котораго пробуждаетъ надежду, что изъ него разовьется со временемъ и зрѣлый плодъ. Но для того чтобы этотъ плодъ созрѣлъ, необходимо еще долгое время, въ которое какъ цвѣтъ, такъ и самый плодъ могутъ испытать много опасностей. О, если бы будущая высшая ваша зрѣлость заявила себя со временемъ не большей и далеко заходящей притязательностію, а выразилась въ значительнѣйшихъ и основательнѣйшихъ трудахъ,

если бы все яснѣ и неопровержимѣ утверждалось въ васъ сознание, что достоинство личности предъ Богомъ и людьми измѣряется единственнымъ масштабомъ: количествомъ трудовъ, возникшихъ изъ благородныхъ мотивовъ. Только доброе и благородное дѣло распространяетъ около себя благословія, только оно имѣетъ истинную, неискоренную, постоянно энергичную жизнь, потому что корни его соприкасаются съ Первоисточникомъ великой жизни. Чѣмъ болѣе чело-вѣчество дѣлаетъ успѣховъ въ образованности, въ дѣйствительной культурѣ, тѣмъ болѣе и повсюднѣе и только то признается въ качествѣ и исторически великаго, что вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственно велико.

О, если бы и учебное заведеніе это могло похвастаться, что чрезъ трудность своихъ задачъ оно приучаетъ своихъ питомцевъ къ аккуратной работѣ, что вслѣдствіе великости напряженія, требуемаго имъ отъ воспитанниковъ, оно подвергаетъ ихъ духъ благодѣтельному нравственному воспитанію, закаляетъ волю ихъ и выѣстѣ съ тѣмъ характеръ и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ особенно способными для обязанностей и задачъ ихъ позднѣйшей жизни!

Ближайшее будущее покажетъ всѣмъ, въ какой степени мы и это заведеніе образуемъ и воспитываемъ въ лицѣ своихъ воспитанниковъ дѣльныхъ мужей. Отъ вашей чести будетъ зависѣть не посрамить себя и насъ.

VII.

ПРИЕМЛЕМОСТЬ

радости юностию.

Въ круговоротѣ времени опять мы пережили ту священную тихую ночь, въ которую возсіяла для міра утренняя звѣзда вѣчной надежды; ту таинственную молчаливую ночь, въ которую въ этомъ мірѣ тьмы возблисталъ истинный свѣтъ, разсѣивающій тѣни; ту священнѣйшую ночь изъ ночей, въ которую среди смертныхъ людей, творившихъ подъ ея покровомъ темныя дѣла тьмы, водружена была вѣчно живымъ Богомъ пресвѣтлая свѣща Евангелія. Едва помнимъ всѣ мы, съ какимъ трепетомъ, будучи еще дѣтьми, торжествовали мы эту ночь; но и нынѣ не перечувствовали ли мы опять, какъ во времена нашего ранняго дѣтства радовала насъ та святая ночь со всѣми ея радостными приготовлениями, праздничнымъ торжественнымъ звономъ и святой любезностію поцѣлуевъ. Кто можетъ изобразить намъ радостныя благословенія этой ночи во времена ранней нашей юности, какъ сердца наши подвижны были въ торжественный часъ ея и трепетали отъ священной радости! Но и по сего дня, если мы торествуемъ часъ этотъ въ духѣ прекрасныхъ дней дѣтства, радости этого дня остаются для насъ небесными радостями и проливаютъ на насъ освященіе небесное. Благо вамъ, если этотъ праздникъ и доселѣ еще вызываетъ въ васъ юношески живыя чувства, если онъ еще пробуждаетъ въ васъ образы, отъ ранняго дѣтства напечатлѣвшіеся на скрижаляхъ вашего воспоминанія: тогда эта радость есть прекраснѣйшая Божественная искра, таящаяся въ душѣ вашей.

Говорю условно, потому что трудно изъ года въ годъ въ одинаковой живости поддержать въ себѣ это ликующее насхальное настроеніе. Не весь и не постоянно жизненный путь человѣка бываетъ усыянъ цвѣтами радости. Настанутъ и для васъ дни, въ которые радост-

ные ваши крылья ослабѣють, посѣтитъ васъ блѣдный призракъ заботы, совѣсть будетъ обременена сознаниемъ виновности. *Дней темныхъ впереди будетъ еще много*, говоритъ Екклесіастъ (XI, 8). Но именно по этому-то я и долженъ рекомендовать вамъ поддерживать въ себѣ радостное состояніе духа и настроеніе истекшей пасхальной недѣли сдѣлать девизомъ и лозунгомъ всей послѣдующей жизни. О, какъ многіе въ позднѣйшемъ возрастѣ жизни оглядываются на эти годы дѣтской простоты, этой дѣтской вѣры, дѣтскихъ радостей, дѣтской любви, съ которыми нѣкогда свѣтло праздновалась свѣтлая ночь, и, о, если бы и до послѣднихъ дней вашей жизни и звукъ пасхальнаго колокола, и радость священныхъ пѣсней, и блескъ пасхальныхъ свѣчъ возбуждали въ васъ тѣ же глубокія и радостныя чувства! Но это возможно только при сохраненіи до позднѣйшихъ лѣтъ дѣтской певности и дѣтскаго спокойствія совѣсти. Такая дѣтская простота украшаетъ юношу, облагораживаетъ мужа, а старца даже и на краю гроба возвышаетъ до блаженной надежды. Есть большое сходство между дѣтской праздничной радостью и радостью истиннаго христіанина лѣтъ зрѣлыхъ. Дѣтская простота и любовь свойственны глубочайшему ядру нашего существа; оттого и въ позднѣйшіе годы свѣтлый праздникъ можетъ быть искренно торжествуемъ сердцами любящими, способными забывать всю мудрость и безуміе, какія со времянь нашего дѣтства, быть можетъ, въ изобиліи пристали къ намъ.

Грубо ошибаются нѣкоторые вѣры, что христіанствомъ радости запрещаются и веселое расположеніе духа возбраняется. На первый взглядъ дѣйствительно кажется, какъ будто благочестіе и веселое расположеніе духа противоположности несомвѣтныя. Но точно также несомвѣнно и то, что благоправіе не должно обнаруживаться мрачнымъ пустосвятствомъ и темнымъ печалованіемъ. *«Страхъ Божій, говоритъ Премудрый, творитъ сердцу радость»*. Что и можетъ быть для Творца любезнѣе вида радующихся твореній? Печальными расположеніями объемлются сердца только тѣхъ людей, которые сдѣлали первые начальные шаги въ христіанствѣ и далѣе не идутъ. Такихъ людей конечно большая часть. Они не могутъ отрѣшиться отъ скорбей, ни освободиться отъ удрученнаго состоянія духа и думаютъ, что поняли христіанство, если въ состояніи глубоко проникаться этимъ оплакиваніемъ себя. Но Геосиманія лежала при подножій горы Масличной, съ высотъ которой Господь вознесся на небо. Не борьба есть цѣль жизни, а побѣда; подобно

этому и печаль не есть назначеніе человѣка, но только переходный моментъ къ радости. Духъ христіанства не есть духъ враждебный радостямъ; для него не представляютъ собой чего либо ненавистнаго свѣтлыя воззрѣнія и радостное настроеніе сердца. Только врагъ человѣчества и ненавистникъ его не можетъ терпѣть радостей; но въ томъ и нѣтъ духа Христова. Только послѣ грѣхопаденія Адамъ сталъ говорить Богу: *гласъ слышахъ Тебе ходяща въ рай и убоаяся*. Благочестивый же христіанинъ напротивъ постоянно веселъ и радостенъ; потому что невинность его сердца и сознание вѣрно исполненныхъ обязанностей и на весь его внѣшній видъ проливаютъ свѣтлый лучъ радостнаго спокойствія, наполняя душу его счастьемъ, котораго міръ не можетъ дать, но котораго не можетъ онъ у него и взять. Дѣло въ томъ только, что радостное исповѣданіе христіанства есть труднѣйшее: *res severa est verum gaudium* *); но за то радостное христіанское настроеніе есть и прекраснѣйшее и отзывается на человѣческой дѣятельности благотѣльнѣйшими послѣдствіями. Истинная радость есть нѣчто существенно принадлежащее нравственной человѣческой природѣ: она коренится въ «знаніи высшей нашей природы, въ вѣрѣ въ нравственный міропорядокъ, въ твердой вѣрѣ въ Бога. Но радоваться отъ сердца и оставить радость основной нотой своего существа, для этого требуется высокое и славное искусство. Искусство же это должно быть изучаемо и овладѣть имъ труднѣе нежели какимъ либо другимъ. А стоитъ изъ за него обречь себя на самую горячую борьбу и глубочайшее самоотверженіе, ибо радость имѣетъ оживляющее, освѣжающее, очищающее, осчастливливающее вліяніе. Люди жалующіеся, что они неспособны къ сердечной радости, суть люди не только неспособные, нетерпимые, но и злые.

Особенно въ наше время радость есть рѣдкое явленіе; весьма немногіе нынѣ могутъ радоваться отъ сердца. Всѣ озабочиваются погоней за различнаго рода радостями, но именно эта-то погоня и ловля радостей служатъ доказательствомъ, что нынѣшняго времени люди значить не обрѣтаютъ радостей въ себѣ самихъ. Столько новыхъ благъ, столько новыхъ средствъ наслажденія создано къ настоящему времени мыслящимъ человѣческимъ духомъ, а радость все-таки не стала удѣломъ его. Радость внѣшняя,—а такова радость нынѣшнихъ людей,—самая скоропреходящая, подобна вѣтру и по-

*) «Истинная радость есть дѣло важное».

годъ и зависима отъ случайностей. Затягивается солнце облакомъ: и горизонтъ внутренней духовной жизни тотчасъ помрачается; уже дождливый день многихъ людей приводитъ въ уныніе; отъ малѣйшей тѣлесной болѣзни уже измѣняется у многихъ свѣтлое настроеніе духа; малѣйшее препятствіе, встрѣчаемое на жизненныхъ путяхъ, требующееся обстоятельствами ничтожное самоотверженіе, самое слабое испытаніе терпѣнія уже дѣлаютъ ихъ раздражительными. Откуда происходитъ это? Христіанство оттого насчитываетъ нынѣ въ своей средѣ столь мало людей радующихся, что люди нынѣшняго времени мало имѣютъ въ себѣ свойствъ христіанскихъ; христіанство не проникаетъ дѣйствительной ихъ жизни; они не слѣдуютъ ему въ своемъ призваніи, въ своихъ занятіяхъ, въ трудахъ и жертвахъ ежедневной жизни; наши христіане становятся христіанами только, когда надѣваются на себя праздничную одежду; они практикуютъ христіанскія идеи только дотолѣ, доколѣ стоятъ въ церкви, а можетъ быть и того нѣтъ; христіанство не составляетъ для нихъ рабочаго ихъ платья, домашней ихъ одежды. Отъ праздничнаго же христіанства человѣкъ не становится еще христіаниномъ и только обольщаетъ себя этимъ именемъ. Полагать должно, что подобно тому какъ достоинство подарка нужно измѣрять тѣмъ, какъ часто, какъ много, съ какой пользой и результатами мы можемъ примѣнять его въ своей жизни, подобно этому и цѣлью всего Божественнаго промысленія о насъ была конечно та, чтобы даръ Христова ученія сдѣлался для насъ не праздничной игрушкой, а совершенно необходимымъ въ ежедневной жизни, чтобы ученіе это падало себѣ примѣненіе во всѣхъ положеніяхъ ея. Не отъ того ли нашъ вѣкъ и не знаетъ высшихъ духовныхъ радостей, что ищетъ ихъ въ брашнѣ и питіи, но *царство Божіе нсть брашно и питіе, а правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ*. Истинныя радости суть тѣ только, которыя отражаютъ и воплощаютъ собой религиозно-правственные идеи.

И во многихъ юношахъ не замѣчается нынѣ свѣтлаго, радостнаго настроенія духа, между тѣмъ какъ если смиренное благочестіе и христіанское благонравіе составляютъ высшую похвалу для юноши, радостное свѣтлое расположеніе духа могло бы быть прекраснѣйшимъ его нарядомъ. Одинъ хилъ и слабъ здоровьемъ и быть можетъ одержимъ задатками болѣзненности: какимъ образомъ онъ и могъ бы поддерживать въ себѣ свѣтлое расположеніе духа.... Другой, быть можетъ, выросъ среди лишений; нужда и заботы висятъ

на немъ, недостатки подавляютъ его.... Духъ третьяго расправляетъ крылья радости тяжело и медленно быть можетъ потому, что вообще онъ вялъ и косень и каждый успѣхъ дается ему только тяжкимъ прилежаніемъ.... Душа четвертаго, быть можетъ, склонна къ мрачнымъ представленіямъ, мнительности, смущенію, недовѣрью къ себѣ самой. Не напрасно ли тотъ и стараться будетъ пробудить въ себѣ ясное, отрадное состояніе духа, то радостное чувство бытія и дѣятельности, которое другимъ юношамъ какъ бы прирождено.... Эти недостатки природы и воспитанія многими конечно не заслужены; противъ нихъ должно бороться. Но многіе и сами виновны въ своей неспособности радоваться, потому что какъ всѣмъ дозволеннымъ человѣкъ злоупотребляетъ, такъ и радостями. Какъ много есть и юношей безразсудно отдающихся многочисленнымъ не нравственнымъ радостямъ и терпящихъ отъ нихъ вредъ не только временный, но и вѣчный!

Радостное настроеніе духа есть виѣшнее проявленіе спокойныхъ невинныхъ радостей. Но онѣ должны быть знакомы вамъ. Вы переживаете такой возрастъ, который собственно и созданъ для истинныхъ радостей, когда вы можете наслаждаться разнообразными радостями болѣе, нежели какъ въ состояніи будете отдаваться имъ позднеѣ. Если человѣкъ и много лѣтъ прожившій долженъ по Премудрому *веселиться въ продолженіе всѣхъ ихъ* (Еккл. XI, 8), то тѣмъ болѣе юноша; и христіанская школа въ этомъ случаѣ присоединяется къ слову Премудраго: *«Веселись юноша и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей»* (Еккл. XI, 9).

Мы не принадлежимъ къ числу людей, видящихъ въ радостномъ настроеніи юношества грѣховное забвеніе Божественнаго и изъ подлобыя смотрящихъ на веселія игры юности. Мы можемъ только поощрять въ васъ эту правоту радостнаго настроенія духа и ободрять васъ для истинныхъ радостей.

Радость первѣе всего должна быть знакома вамъ въ качествѣ живаго чувства, вызываемаго тѣлеснымъ здоровьемъ, не равстроенымъ пороками, не ослабленнымъ удовольствіями. Можетъ ли и быть на что годенъ человѣкъ, котораго тяготятъ тѣлесныя страданія, внесенныя въ организмъ порокомъ? Такому юношѣ, который преждевременно вкусилъ отъ удовольствій и наслажденій человѣка возрастнаго, по всей справедливости отказывается въ веселомъ расположеніи духа; состояніе брезгливаго пресыщенія становится въ позднѣйшей жизни его удѣломъ. Поэтому къ ободряющему позволенію:

Удалаяй печаль отъ сердца твоего (Еккл. XI, 9) уже Премудрый присоединяетъ серьезное напоминаніе, что *Богъ за все это и вѣсьхъ приведетъ на судъ*. И мы къ царственному слову Премудраго присоединяемъ свое слабое: «Верегитесь змѣй кроющихся подъ цвѣтами». — Благо юношѣ наблюдающему это и знающему, что строгой пограничной линіей дозволенные радости отдѣлены отъ удовольствій порочныхъ. Съ неповрежденнымъ чувствомъ, съ богобоязненной невинностью, не запятанной еще никакимъ грѣхомъ, не омраченной никакимъ порокомъ, душа его походить на чистое зеркало или на вѣчно безоблачное голубое небо, огибающее своимъ сводомъ зеленобьющую и цвѣтушую землю.

Радостное настроеніе чувства должно быть извѣстно вамъ въ качествѣ любви къ сотоварищамъ, въ качествѣ вѣры въ людей и довѣрія къ намъ, учителямъ, потому что уже самой природой радости обусловлена общительность и дружественность. Охотно она дѣлаетъ и другихъ участниками собственныхъ благъ, сочувствуетъ счастью другаго, и ближяго любить какъ самого себя. Она соединяетъ и то, что жизнь обыкновенно раздѣляется. Уже различіемъ работъ призванія обусловливается для каждаго изъ насъ различіе жизненныхъ путей; заблужденія, страсть, пороки также раздѣляютъ между собою людей, которые должны бы быть братьями; выбиваетъ добрыхъ людей изъ надлежащей колеи жизни недоразумѣніе, и злой сосѣдъ лишаетъ ихъ душевнаго мира и спокойствія. Но что жизнь раздѣлено, то вновь связывается волшебствомъ радости; взаимное согласіе слѣдуетъ по ея слѣдамъ и тихимъ ударомъ ея крыла спугивается заблужденіе, въ другѣ указывавшее намъ врага.

Радость должна быть знакома вамъ и въ качествѣ источника вѣрнаго исполненія обязанностей въ указанной намъ области призванія, въ качествѣ свѣтлаго настроенія духа при научныхъ нашихъ занятіяхъ, наполняющаго насъ одушевленіемъ къ нимъ. Радостію управляетъ вѣдь любовь, самоотверженная любовь, погружающаяся въ свое дѣло всѣми своими чувствами и мыслями. Радость надѣляетъ насъ силой и энергіей погружаться въ объектъ познаванія и оставаться при этомъ равными самимъ себѣ. Радость приводитъ въ движеніе благороднѣйшія силы нашего существа и пробуждаетъ ихъ для гармоничной дѣятельности. Черезъ это она дѣлаетъ насъ годными, способными для задачи, которую мы должны разрѣшить, для призванія, обязанности котораго на насъ возложены.

Радость походитъ на всеоживляющій солнечный лучъ, падающій на землю, вызывающій изъ нея къ жизни зародыши, доводящій оныя до цвѣта и зрѣлости плода. Можемъ ли мы посему не желать вамъ радостей въ вашихъ работахъ и въ научныхъ вашихъ занятіяхъ? Ваше образованіе вѣдь еще не кончено, путь до цѣли еще не близокъ, самостоятельное преслѣдованіе жизненнаго призванія еще не упрочено вами за собой. Кто кромѣ этой граціи радости одушевитъ васъ неусыпной преданностью своему дѣлу? Но радость въ работахъ доказывается осиленіемъ трудностей, терпѣливымъ, мужественнымъ распутываніемъ запутанностей, тѣмъ, чтобы не отступать въ испугъ предъ задачами, вызывающими насъ на напряженнѣйшую душевную работу и на примѣненіе къ дѣлу острѣйшаго оружія духа. *Течите, друзья, вашъ путь радостно какъ герой течетъ къ побѣдѣ.* Кто радостно дѣлаетъ, тотъ и радуется сдѣланному, ибо любовь и веселость суть покровительницы великихъ дѣлъ и радость о нравственной дѣятельности увѣличивается не только земнымъ успѣхомъ, но и небесными благословеніями. Кто мужественно работаетъ надъ упорно сопротивляющимся матеріаломъ, кто старается побѣждать препятствія, какія заключаются или въ собственной нашей природѣ или внѣ насъ которыя поднимаются подобно непреодолимымъ укрѣпленіямъ, тотъ убѣждается, что каждая побѣда на этомъ полѣ достается только послѣ энергичнаго приложенія къ дѣлу оружія духа, что каждый триумфъ въ умственномъ состязаніи берется только трудомъ, что каждый трофей, отбитый у превосходнаго въ силахъ соперника, привноситъ въ насъ осчастливливающее чувство увеличившейся силы и не допускаетъ изсякать въ насъ елею радости. Она нусть и руководитъ вашимъ трудомъ вмѣсто того рабскаго страха, который работаетъ только изъ опасенія быть наказаннымъ. Желѣзнымъ железомъ гони отъ себя страхъ раба; избери себѣ въ подруги радость, ведущую розовою стезею. Кто вынесетъ съ собой изъ школы эту радость въ работахъ, тотъ возьметъ съ собой отсюда драгоцѣннѣйшее приданое для жизни.

Чрезвычайно важное значеніе веселое расположеніе духа, радостное его настроеніе имѣетъ при опасностяхъ, при представляющихся случаяхъ принести жертву, при затруднительныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Взглядъ на жизнь людей бѣдныхъ, страдающихъ, обремененныхъ заботами и печалами показываетъ, что именно недостатокъ радостнаго настроенія духа дѣлаетъ такихъ людей ни къ чему негодными и ни на что неспособными; теряя вѣру въ себя и

утрачивая нравственную силу они становятся неспособными къ высшему полету, между тѣмъ какъ восторженнаго человѣка ничто со виѣ къ нему приражающееся не тяготитъ и не озабочиваетъ. Радостное настроеніе чувства служить для него и при несчастіяхъ крѣпительнымъ бальзамомъ и въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни освѣжающимъ и оживляющимъ купаньемъ, при которомъ душа постоянно возраждается и поддерживаетъ свою юность. Читая въ Тускуланскихъ бесѣдахъ Цицерона раскрытіе положенія, что *virtutem ad beate vivendum se ipsa esse contentam* *) и слѣдующее за тѣмъ утвержденіе, что истинно добродѣтельный мудрецъ даже среди мучительныхъ пытокъ внутри раскаленнаго быка Фаларисова можетъ чувствовать себя счастливымъ, намъ дѣлается ясною радость благородныхъ мучениковъ христіанства первыхъ вѣковъ, за истину и право ото всего отказывавшихся и все выносившихъ.

Сродное вашему возрасту радостное настроеніе духа еще не подвергается испытаніямъ; вы находитесь еще въ томъ счастливомъ положеніи, что это веселое настроеніе чувства, эта радостная вѣрность при исполненіи обязанностей нашего званія, у васъ не изглажены еще заботами, печальми и огорченіями ежедневной жизни, не сокрушены горькими ея нуждами; радостное настроеніе ваше еще не омрачено разнаго рода печальными опытами, затрудняющими безпристрастіе сужденія. Но не всегда вѣдь человѣку суждено непреткновенно итти путемъ своего призванія и радоваться благопріобрѣтаемымъ успѣхамъ. Бываютъ трудныя времена нужды и бѣдствій, посѣщающихъ не только частныхъ людей, но и цѣлый народъ. Тогда-то можетъ оказаться, есть ли радостное настроеніе духа случайная форма чувства или изліяніе постоянной нравственной благорасположенности духа, возвышающейся до радости о призваніи, до смѣлой отваги въ дѣйствіяхъ, до радостной и мужественной рѣшимости на жертвы и отрадной самоутѣшающейся бодрости въ страданіяхъ; тогда то представляются случаи засвидѣтельствовать все это. Когда подвергается опасности драгоцѣннѣйшее достояніе чловѣчества, когда прекраснѣйшіе идеалы юности готовы помрачиться, когда являются посягательства на высшія блага, служащія путеводной звѣздой намъ и составляющія зерна нашихъ дѣйствій, прибѣжище и драгоцѣннѣйшее сокровище въ жизни; когда свято-

*) «Добродѣтель сама себя обезпечиваетъ счастливую жизнь».

татственные руки грозятъ обезчестить алтарь отечественной вѣры и чести, когда похоть и прихоть переворотовъ колеблють тронъ, когда отечество призываетъ воинствъ къ оружію, чтобы утвердить противъ дерзкихъ, враждебныхъ ему замысловъ знамя отечественныхъ нравовъ и образованности, тогда-то радость о призваніи стремится обратиться въ радостную готовность на жертвы, въ осчастливливающее насъ чувство, которое заставляетъ наше сердце биться сильнѣе и дѣлаетъ его пріемлемѣе для предлагаемыхъ жизни наслажденій болѣе чистыхъ и благородныхъ, для славы и чести отечества напр., его свободы и закона.

Усмотрите для себя обновленіе свѣтлыхъ радостей дѣтства и ранней юности въ серьезныхъ усиліяхъ подготовить себя для будущаго. Кто хочетъ чувствовать истинныя, невозмутимыя радости въ настоящемъ, тотъ именно долженъ апеллировать къ будущему, ободрять себя радостями грядущими. Убита была бы во внутреннѣйшей своей жизни всякая радость, если бы она удовлетворялась только настоящимъ, если бы она должна была отрѣшиться отъ ожиданій и надеждъ будущаго. И послѣдній бѣднякъ услаждается радостной надеждой, что нѣкогда онъ будетъ располагать большими благами и что они доставятъ ему счастливую переѣну жизни. Въ минуты, когда обременяютъ насъ трудности жизни и когда мы должны вступать въ борьбу съ людьми и съ тяжелыми обстоятельствами, охотно возводимъ мы очи свои въ горы будущаго, воображаемъ эти трудности отстраненными и видимъ распростертымъ надъ собою уже безоблачное небо. Но даже и въ то время, когда насъ взыскиваетъ земное счастье и когда послѣ долгихъ лишеній сердце наше наполняется радостію о взыскиваемомъ насъ небесномъ благословеніи: въ чемъ иномъ состоитъ эта радость, какъ не въ радостныхъ предположеніяхъ относительно болѣе счастливаго будущаго? Мы получаемъ богатство и строимъ планы, какъ распорядимся полученнымъ; блага намъ ниспосылаемыя становятся для насъ камнями, употребляемыми для созиданія на нихъ зданія лучшаго будущаго. Не въ хвастовствѣ достоинствомъ, не въ самодовольной радости о пройденныхъ ступеняхъ, но наоборотъ, что достигнутое недостаточно, въ обращеніи взоровъ отъ настоящаго къ высшему, лучшему въ грядущемъ будущемъ состоитъ и твой нравственный прогрессъ. Этимъ прозрѣніемъ въ будущее утѣшайся и укрѣпляйся въ добрѣ; это сдѣлаетъ тебя вѣрнымъ, честнымъ, прилежнымъ, возбудитъ въ тебѣ ревность къ дѣятельности, потому что только та работа движется

успѣшно, въ вѣрномъ направленіи которой мы убѣждены и которая общаетъ намъ радость въ будущемъ.

Но эта радость о будущемъ проливаетъ истинное благословеніе и на настоящее. Радость о будущемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ правая радость и о настоящемъ; радоваться въ настоящемъ и нельзя, не утѣшая себя радостными надеждами на будущее. Отгоните посему отъ себя темную серьезность и страхъ настоящаго. Что такое страхъ, какъ не скорбь настоящаго о зломъ будущемъ? Но всѣ дѣйствительныя огорченія и печали настоящаго, онѣ только потому язвятъ и гложутъ насъ, что закрываютъ для взоровъ свѣтлыя надежды на будущее и вливаютъ въ насъ заботу, какъ бы не продолжались онѣ всегда или долго. Если же изъ жизни изгнанъ былъ бы всякій страхъ, какъ счастливо потекло бы настоящее! Какъ много счастливѣе и радостнѣе слагалось бы оно, если бы горизонтъ будущаго открывался предъ нами свѣтлымъ! Если бы мы знали, что грядущіе дни наше спокойствіе умножать, наши несовершенства и недостатки уменьшать, мѣру нашего истиннаго счастья возвысить: кто сталъ бы и роптать тогда подъ давленіемъ обстоятельствъ настоящаго?

Какимъ же образомъ, спросишь ты, каждый изъ насъ можетъ украшать себя вѣнкомъ радости? Первѣе всего чрезъ трезвый, воздержный, цѣломудренный образъ жизни, берегущійся распутій и избѣгающій всего, чѣмъ можетъ подкапываться тѣлесное благобытіе.—Потомъ чрезъ благотѣльное общеніе съ разцвѣтающей теперь снова живительной природой, съ чистыхъ алтарей которой и грустно настроенный человѣкъ запасается радостнымъ мужествомъ надѣющейся юности.—Далѣе чрезъ умѣренность, которая и малымъ довольна и не проситъ благъ этаго міра, столь часто служащихъ сѣтями для добродѣтели.—Наконецъ чрезъ возложеніе всѣхъ заботъ на Того, кто изрекъ утѣшительное слово, что есть тамъ, вверху никогда не дремлющій Отецъ нашъ, вѣчно о насъ пекущійся. И въ малѣйшихъ своихъ удачахъ и въ незначительнѣйшихъ успѣхахъ своихъ, во всякомъ преуспѣяніи твоёмъ и осуществленіи твоихъ желаній признай промышленіе о тебѣ общаго всѣмъ намъ Отца, тогда станетъ тебѣ понятно ликованіе Псалмопѣвца: *«Великое сотвориша Господь надъ нами, потому мы и радуемся»*. (Псал. СХХV, 3). Имѣй только добрую волю и рѣшимость сдѣлать нѣчто дѣйствительно доброе, тогда и свыше снизойдетъ на тебя благословеніе радостію за то, потому что кто имѣетъ доброе въ

мысляхъ, тотъ и смотритъ радостно. Дѣйствуй всегда такъ, чтобы внутренній твой голосъ, гласъ Божій въ твоей груди никогда не осуждалъ тебя, и этотъ миръ совѣсти, это ея спокойствіе пролететь кроткій и дружественный солнечный свѣтъ и на лице твое. Будь правдивъ и откровенель, и эта истовость твоя и чистосердечіе, эта твоя непорочность и невинность блистать будутъ и въ зеркалѣ твоихъ глазъ, между тѣмъ какъ лукавство и лживость, лицемѣріе и нецѣломудренность темной тѣнью и мрачнымъ облакомъ лягутъ на твоемъ челѣ. Ты не напрасно будешь бороться съ твоими недостатками; работа твоя не будетъ безплоднымъ напряженіемъ силъ; не напрасно ты будешь упражняться въ послушаніи: твои работы и труды, твоя борьба и печали, твои горячія воздыханія во внутренней твоей клѣтѣ прольютъ въ будущемъ на главу твою благословеніе вѣчною радостію; первенцы твоихъ работъ разцвѣтутъ въ будущемъ въ жатву, имѣющую радовать тебя вѣчно.

Радостный и утѣшенный потому продолжай свою борьбу въ настоящемъ и свѣтлымъ взглядомъ смотри въ грядущее будущее, постоянно себя улучшая для него. Что заботиться о потерянномъ въ прошедшемъ и болѣе невозвратимомъ? Что озабочиваться и тѣмъ, что принесетъ намъ будущее? Оно не въ нашихъ рукахъ. Человѣкъ радостный живетъ настоящимъ; онъ наслаждается дарами, предложенными ему благосклонностью счастья въ данное мгновеніе; радостный духъ юноши не обременяетъ себя заботами болѣе чѣмъ на одинъ день, потому что и съ каждаго дня довольно его заботы. Какое тебѣ дѣло до міра съ его неуспынными желаніями, съ его преслѣдованіемъ вишнихъ цѣлей, съ расчетами житейскихъ отношеній, выборомъ предметовъ и средствъ? Жизнь послала тебѣ благоприятный вѣтеръ: освѣжающему его дыханію и радуйся и съ надутымъ парусомъ плыви, пуская корабль свой въ безбрежное море жизни, обращая вниманіе впереди на одинъ радости. Осіяй этимъ свѣточемъ утѣшенія темную будущихъ жизненныхъ путей твоихъ и облистай ихъ надеждою на Бога, помазующаго тебя елеемъ радости преимущественно предъ многими изъ твоихъ сверстниковъ по возрасту. Правда то внутреннее удовольствіе и золотыя чары, какими сопровождается легкая игра душевныхъ силъ, составляютъ преимущество натуръ только счастливо одаренныхъ. Но если бы вялый и косный духъ чей либо и не могъ испытать этого успокоивающаго удовольствія, все-таки каждый изъ васъ долженъ беречь это естественное радостное чувство юности и никто изъ васъ не дол-

женъ отдаваться мрачному обскурантизму. Истинная радость имѣетъ невыразимую прелесть; грація радости—покровительница веселья. Она сопровождаетъ беззаботнаго путешественника, присѣднѣтъ вдохновенному пѣвцу, украшаетъ вѣнкомъ ловкаго борца, равно какъ и образованнаго собесѣдника и замысловатаго оратора.

Всѣми же этими пожеланіями вамъ радости не отъ своего лица привѣтствуемъ васъ, но именемъ Воскресшаго.—Какъ вдовицѣ Наниской нѣкогда, такъ и доселѣ Онъ еще говорить ко всѣмъ намъ: *«Не плачи»*. Какъ къ Апостоламъ на морѣ, такъ и доселѣ ко всѣмъ страшливымъ Онъ взываетъ еще: *«Не бойтеся»*, и среди бурь жизни простираетъ къ робѣющему свою руку, спасая его отъ потопленія.—Какъ къ Маріи по воскресеніи, такъ и понынѣ первое слово Его къ намъ есть вопросъ: *«Что плачешь?»*—Какъ мучоносицѣ, такъ и насъ, срѣтая на жизненныхъ путяхъ нашихъ, первѣе всего Онъ привѣтствуетъ воззваемъ: *«Радуйтесь!»*—Какъ къ Апостоламъ въ первый день своего воскресенія Онъ изрекъ, такъ и къ намъ и доселѣ еще говорить: *«Что смущени есте? Миръ вамъ!»*—Поэтому-то мы и привѣтствуемъ васъ Апостольскимъ словомъ: *«Радуйтесь»* на всѣхъ путяхъ вашей жизни *«и паки реку: радуйтесь»*. И это «радуйтесь» примите не какъ безсильное благожеланіе человѣческихъ устъ, но пусть оно будетъ въ васъ дивнымъ дѣйствіемъ, Божественнымъ дѣломъ Воскресшаго, во славу и честь Его.—

VIII.

Скромность ученика

въ мнѣніи о себѣ и въ поведеніи.

Если учащееся юношество интеллигентныхъ классовъ общества теперь питается у насъ главнымъ образомъ твореніями греческой и римской древности, то главная цѣль, какая имѣется при этомъ въ виду, это чрезъ чтеніе сихъ произведеній познакомить юношество съ величественными образами замѣчательныхъ людей древности, возбудивъ удивленіе предъ ними и направивъ молодую волю къ подражанію имъ. Одной изъ такихъ величественнѣйшихъ личностей древняго міра есть, получившій всемірную извѣстность, Аѳинскій мудрецъ Сократъ. Съ нимъ юношество классическихъ заведеній знакомятся болѣе нежели съ кѣмъ либо другимъ изъ древнихъ. Оттого и вы съ судьбой и личностью этаго замѣчательнаго человѣка знакомы достаточно. Вы читали конечно и слышали о немъ сначала на отечественномъ языкѣ, а въ болѣе зрѣлыя годы знакомитесь съ нимъ и непосредственно по первоначальнымъ источникамъ, которые именно о жизни и дѣйствіяхъ этаго мужа богаче нежели о комъ либо другомъ.— Не пойти ли намъ и нынѣ въ школу къ этому старому Сократу и не попросить ли его сказать намъ тайну, съ которой даже до нынѣшняго дня начиналась всякая истинная наука и чѣмъ обуславливается всякое истинное счастье человѣка? А тайна эта состоитъ въ томъ, что мудрѣе всѣхъ сознающійся въ своемъ невѣдѣніи, т. е. постоянно чувствующій потребность болѣе учиться, никогда не признающій себя довольно мудрымъ, и то даже, что онъ знаетъ, не выше цѣнящій, нежели какой оцѣнки дѣйствительно то заслуживаетъ. «Я знаю только то, что ничего не

знаю», говариваль Сократъ. Но именно вслѣдствіе этого сознанія безпредѣльности истины, слабости познавательныхъ силъ и отсюда происходящаго пониманія ограниченности своихъ знаній, если когда либо какой либо человѣкъ двигаль человечество впередъ, то это Сократъ, отголоски котораго и понынѣ еще не замолкли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едвали былъ кто и счастливѣйшимъ Сократа, всегда скромнаго и довольнаго самимъ собой и малымъ.

«Я знаю только то, что ничего незнаю», говариваль Сократъ. Не то это значить, что я ничего незнаю и ничего не могу знать, что я ничему не учусь и ничему не хочу учиться. Сократъ не говоритъ: «Я ничего незнаю»; Сократъ говоритъ: «Я знаю только то, что ничего незнаю», и это было плодомъ дѣльнаго знанія. Если это изреченіе Сократъ прилагаль къ себѣ не какъ простую фразу, но съ разумнѣемъ его значенія и сознательно, отъ полноты души и честно, короче сказать какъ человѣкъ благоразумный, то по истинѣ онъ долженъ былъ уже знать нѣчто. Чтобы обладать и этимъ знаніемъ незнанія Сократъ уже долженъ былъ порядкомъ поучиться, частенько-таки, значить, долженъ былъ спускаться въ шахты ума и розскивать тамъ жилы благороднаго меттала; и вареченіе это: «Я знаю только то, что ничего незнаю» будетъ значить слѣдовательно не иное что какъ слѣдующее: я учился и узналъ, какъ многое долженъ бы знать и какъ немногое человѣкъ можетъ узнать, доподлинно узнать, основательно узнать, дѣйствительно, истинно узнать. Плодомъ истиннаго знанія слѣдовательно бываетъ скромность. Мудрецъ и понынѣ, хотя бы онъ былъ и Сократомъ, который со своимъ знаніемъ и разсудкомъ приводилъ въ замѣшательство представителей и двигателей различныхъ направленій знанія и духовной силы, пренсполненныхъ наукою софистовъ, практически образованныхъ государственныхъ людей своего времени и полководцевъ, щеголявшихъ заслуженными лаврами поэтовъ и высокопрославленныхъ художниковъ, мудрецъ, говорю, хотя бы титаническими своими объятіями онъ собралъ и исполнискія знанія, и понынѣ говорить о себѣ: «Я знаю только то, что ничего незнаю», постоянно и смиреннѣйше, несмотря на все достоинство и объемъ своихъ познаній, признаеть крайнюю недостаточность ихъ, и это сознаніе недостаточности своей прозорливости служить началомъ мудрости. Магическая формула гласить: «Я знаю только то, что ничего незнаю»; и какъ скоро мы встрѣчаемъ человѣка, въ самыхъ чертахъ лица котораго какъ бы написано, что онъ способенъ сказать о себѣ: «Я знаю, что

ничего еще не знаю», тамъ,—можемъ мы съ увѣренностью разсчитывать на то,—встрѣтимъ обиліе и цѣнность знаній, и послѣ перваго же знакомства съ такимъ мужемъ должны будемъ посмотрѣть на него иными, болѣе почтительными глазами. Люди съ поверхностными знаніями, мнимые всезнайки и недоросли, по своей недалюзоркости ограничивающіеся знаніемъ только того, что можно около нихъ же самихъ оцупать и увидѣть и однако же не въ состояніи съ вѣрностію выразумѣть находящагося и вблизи ихъ, такіе люди къ словамъ Сократа относятся съ пренебреженіемъ и съ дерзостію во взорахъ говорятъ: «Я знаю, что я много знаю», и это есть плодъ ихъ невѣжества. Естественнѣе имъ было бы вздыхать: «Ахъ, я даже и этаго не знаю, что я столь мало, что я ничего не знаю». Только сухой древесный сучокъ и сухой колось поднимаются кверху, полные же и цвѣтушіе смиренно склоняются къ землѣ.

Ничто не препятствуетъ тамъ приобрѣтенію познаній, какъ мечтательность о себѣ и надменность: тамъ недостаетъ сознанія несовершенства своего разумѣнія, а чрезъ это и перваго условія для движенія впередъ—пытливости; но тамъ недостаетъ и необходимаго напряженія, добросовѣстности и вѣрности. Мечтательный и надменный держится ошибочнаго мнѣнія, что нуждается въ меньшемъ, чѣмъ другіе и достигаетъ оттого меньшаго, нежели что могъ бы выжать изъ своихъ силъ при другомъ мнѣніи о себѣ. Считаая себя многое знающимъ, на самомъ же дѣлѣ будучи односторонне знаемымъ только съ современнымъ моднымъ образомъ мыслей; говоря и дѣйствуя такъ, какъ если бы онъ дѣйствительно воспринялъ въ себя и проглотилъ массу знанія и какъ будто бы ничего въ мірѣ не было, о чемъ онъ не могъ бы говорить и судить, на самомъ же дѣлѣ не знанія сообщая, а извергая одни пустыя слова, такой недоросль служитъ источникомъ только лжи и неправды, беспорядочности понятій и спутанности, невѣрныхъ сужденій и неумѣнья оцѣнить истинное знаніе; въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи такая самовѣренность, если дѣло идетъ о серьезныхъ и священныхъ вопросахъ жизни, бываетъ источникомъ только подозрительности, ведетъ за собой раздѣленія, ожесточеніе, ненависть и преслѣдованія. Къ такого рода мнимымъ мудрецамъ всѣхъ временъ все еще приложимо сократовское изреченіе. «Знай, что ничего не знаешь» и Апостольское слово: *φάσχοιτες εἰ ναι σοφοὶ ἐμωράνθησαν* *).—Тамъ, гдѣ

*) «Называющіе себя мудрыми обезумѣли».

желаютъ полноты, обилія, богатства, тамъ должно существовать сознание пробѣла и желаніе его восполнить; тамъ должно быть сознание нужды, слабости, которымъ хотятъ помочь; тамъ должно быть почувствовано стремленіе къ тому, чего не имѣемъ и обладаніе чѣмъ желательно. Это понято было уже тѣмъ греческимъ мудрецомъ, который богомъ мудрости названъ мудрѣйшимъ между всѣми Греками, представлявшими собою однакоже народъ столь умный и высокообразованный. Оракуль потому-то именно и призналъ Сократа умнѣйшимъ другихъ, что этотъ сознавался въ своемъ ничегонезнаніи, и эта скромность и по нынѣ сохраняется и упрочивается за имя мудреца древности, между тѣмъ какъ софистовъ, думавшихъ что они знаютъ нѣчто, на самомъ же дѣлѣ ничего не знавшихъ, исторія называетъ безсодержательными хвастунами, только ломавшимися и кривлявшимися надъ единственно цѣннымъ знаніемъ.

Что предлагаетъ собою данное сократическое изреченіе и намъ слѣдовательно какъ не слѣдующее: если не хочешь быть глупымъ, будь скромнѣе; будь скромнѣе умственно, будь скромнѣе и во внѣшнемъ поведеніи, въ своихъ нравахъ.

Вы сознаете конечно, какъ мало причинъ всѣ вы имѣете къ гордости и высокомѣрью, какъ много основаній напротивъ къ скромному взгляду на себя, если обратите вниманіе на умственную свою недалюзорность и недостаточность своихъ познаній. Эта умственная скромность не прежде ли всего должна приличествовать вамъ, потому что вы стоите еще въ преддверіяхъ науки? Но если и во всякое время юношѣ прилично думать весьма скромно о своихъ познаніяхъ и упражненіяхъ, то особенно естественно желать ея отъ него въ наше время. Не къ нашему ли времени особенно имѣть полнѣйшее приложеніе слово Апостола: *мытъ же познаемъ отчасти?* Нынѣ слово Сократа примѣнимо даже еще болѣе, чѣмъ когда либо. Границы человѣческаго знанія по всѣмъ направленіямъ нынѣ раздвинуты почти въ безконечность; масса знаній нынѣ столь чрезвычайна; изъ году въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ возрастаетъ она до такой несоразмѣрности, что даже гениальнѣйшему, великому ученому невозможнымъ становится обнять и одну науку въ такой полнотѣ, чтобы ничего изъ нея не осталось неизвѣстнымъ; даже въ частныхъ отрасляхъ знанія узнать все достойное знанія становится очень труднымъ. Кто и всю свою, цѣлую свою жизнь нынѣ посвящаетъ собираюу знаній въ свой духъ, въ концѣ ея подобно Сократу долженъ признаваться: «Я знаю только то,

что ничего незнаю». Имѣть ли слѣдовательно кто либо право гордиться своимъ знаніемъ? Не должно ли въ нынѣшнее время всѣмъ, и специально посвящающимъ себя служенію наукѣ, скромно признаваться, что все наше знаніе по сравненію съ массой того, что достойно знанія и сравнительно съ количествомъ знанія распространеннаго на землѣ есть только капля въ морѣ и ничто?

Ты гордишься духовными своими дарами, которыми отличаешься предъ всѣми сотоварищами, совмѣстно съ которыми доселѣ жилъ и работалъ. Но ты вступишь со временемъ въ другіе обширнѣйшіе круги, познакомишься съ другими умами, позади которых останешься далеко, далеко. Съ ними сравни себя безпристрастно и всесторонне и со стыдомъ тогда долженъ будешь сознаться, что думаешь о себѣ болѣе чѣмъ слѣдовало думать. Но и того не видяшь ли, что духовныя твои дарованія достались тебѣ отъ природы не въ силу твоихъ заслугъ, но единственно влѣдствіе милости къ тебѣ Божіей? *Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься какъ будто не получилъ* (1 Кор. IV, 7)? Признающій это какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ и того, что только скромность можетъ сдѣлать его достойнымъ этихъ даровъ? Но и эти силы духа, полученныя отъ Бога, мы не собственной только работой и упражненіями развили и прилежанію не только нашему онѣ обязаны этимъ развитіемъ, но мы должны быть за это благодарными многимъ, насъ въ этомъ дѣлѣ руководившимъ и поддерживавшимъ. Не всѣ ли блага тѣла и души мы получили отъ человѣчества какъ бы въ ленное владѣніе? Не во всѣхъ ли отношеніяхъ мы должники родителей, школы, государства? Имѣемъ ли мы слѣдовательно право гордиться этимъ развитіемъ своихъ даровъ какъ исключительной своей заслугой? Не было ли бы это похоже на то, какъ если бы листокъ, уносимый волною и мерцающій благодаря тому только, что смоченъ ея же влагою, воображалъ о себѣ, что онъ-то и есть блестящая волна?

Есть еще одно обстоятельство, внушающее намъ скромность и предостерегающее насъ отъ надменности: это углубленіе въ свою внутренность. Многіе считаютъ себя лучшими другихъ и гордятся какой либо пзъ добродѣтелей, при чемъ забываютъ о скромности. Но сойдите въ свою внутренность и окиньте ее болѣе острымъ взглядомъ; проникните во всѣ уголки ея и углубленія и не оставляйте ничего не обозрѣннымъ, ничего не обследованнымъ. Если вы изощрите взглядъ своего духа и оставите открытымъ, если захотите быть по отношенію къ себѣ самимъ совершенно справедливыми и

безпристрастными, то какъ много найдете въ себѣ такого, что не хорошо, какъ много пороковъ и недостатковъ, какъ много несовершенствъ, какъ много откроете въ себѣ нечистыхъ желаній! Тогда вы признаете, что и вы не таковы, каковыми воображали себя, что вы не лучше другихъ, что и на вашу долю падаетъ не мало несовершенствъ и порочности; тогда вы должны будете сознаться и признать, что вы не имѣете права гордиться своими добродѣтелями и смотрѣть на другихъ свысока и презирать ихъ, но ударя въ свою грудь должны будете признать свою слабость и судить о себѣ и о другихъ съ большей скромностью.

Переходимъ теперь къ скромности въ поведеніи. Этаго рода скромность преимущественно предъ всѣми добродѣтелями рекомендовалась и прославлялась древностью. Въ скромномъ поведеніи и всѣ вообще образованные народы древности полагали особенное значеніе; нѣкоторые же между ними въ этомъ отношеніи оставили намъ примѣръ достойный того, чтобы мы ему слѣдовали и соревновали. Особенно между Эллинами дорического племени и прежде всего въ Спартѣ юношество отличалось чрезвычайной скромностью и выдержанностью. Здѣсь были юноши дѣйствительно скромные, потому что они оставались такими не только при похвалахъ имъ, но и при порицаніи. Рассказываютъ напримѣръ, что когда нѣкто Падареть не былъ принятъ въ число «Трехъ сотъ» т. е. въ число высшихъ сановниковъ города, то пошелъ домой нисколько не опечалась этимъ, улыбаясь напротивъ весело говорилъ: «Радуюсь, что въ городѣ нашлось триста гражданъ лучше меня». Относительно высокаго почтенія къ старшему возрасту Лакедемонское юношество Геродотъ могъ приравнять только къ Египтянамъ. Извѣстенъ анекдотъ, что когда одинъ чужеземецъ пришелъ разъ въ Спарту, то его изумили скромность и почтительность, съ какими младшіе возрасты тамъ относились къ старшимъ, и онъ говорилъ: «Только въ Спартѣ могутъ хорошо чувствовать себя старцы». Рассказываютъ также, что разъ когда въ Олимпіи праздновались священные игры, одному старцу, желавшему смотрѣть на нихъ, недостало мѣста. Долго и напрасно ходилъ онъ туда и сюда, но изъ всѣхъ рядовъ зрителей слышалъ онъ только смѣхъ и слова насмѣшекъ. Но когда подошелъ онъ къ мѣстамъ занятымъ Спартянами, тотчасъ все юношество и многіе изъ высшихъ возрастовъ поднялись и стали предлагать мѣсто. Когда собраніемъ Грековъ было замѣчено это, раздались одобрителныя аплодисменты и во всѣхъ это обстоятельство вызвало слова признательнаго

уваженія и похвалы. Старецъ же сыпалъ землю на свою сѣдую голову и говорилъ сквозь слезы: «Какъ хорошо Эллины понимаютъ приличія, по,—увы,—какъ немногіе изъ ихъ благоприличны на дѣлѣ!» Великіе греческіе философы единогласно рекомендовали добродѣтель скромности и желали ея въ особенности отъ юношества. Глава стоической школы Зенонъ полагалъ, что и вообще, но въ особенности въ юношествѣ, гордость есть крайнее неприличіе и непристойность и рекомендовалъ ему скромность въ словахъ, въ походкѣ, въ манерахъ и одеждѣ, равно какъ постоянную нравственную опасливость и почтительность предъ старшими. «Чѣмъ благороднѣйшіе и правственнѣйшіе обычай господствуютъ между гражданами, говоритъ Платонъ, тѣмъ высшія почести оказываются родителямъ и старшимъ». Въ своемъ твореніи о законахъ государства онъ требуетъ отъ юношества тройкаго заявленія почтительности къ старшимъ: молчаніемъ въ ихъ присутствіи, уступка дороги и вставанія съ мѣста. Подобнымъ образомъ въ Римѣ въ раннія столѣтія, когда господствовала тамъ простота нравовъ, юношество отличалось скромной почтительностію къ старшимъ и послушаніемъ. Но и въ позднѣйшее время Римляне, которые, какъ извѣстно, особенно расположены были къ нравственнымъ ученіямъ Стои, держались подобнаго же образа мыслей и скромность въ Римскомъ юношествѣ и нравственная робость прославлялись преимущественно предъ всѣми добродѣтелями. Въ лучшія времена исторіи Римскаго народа эти свойства юношества привносило съ собой изъ семействъ въ общественную жизнь форума, въ жизнь воинскую, во всѣ другія сферы дѣятельности. Цицеронъ называетъ скромность тою добродѣтельною, которая прежде всего и преимущественно предъ всѣми снискиваетъ юношкѣ благорасположеніе его согражданъ. Иное конечно было во времена упадка Римскихъ нравовъ и поврежденія ихъ. У Плинія младшаго въ одномъ изъ его писемъ мы находимъ изображеніе печальной противоположности между нравами, господствовавшими въ образованномъ юношествѣ его времени и нравами прародителей. «Кто, спрашиваетъ онъ, кто нынѣ предстаетъ почтительно предъ возрастомъ другаго или предъ его почетностію? Вы тотчасъ же мудрые люди; вы сразу узнаете все; вы не уважаете никого другаго кромѣ себя; вы никого не берете за образецъ для себя, но сами служите для себя примѣромъ».

Вѣрно конечно то, что скромность есть болѣе внутренняя, нежели виѣшняя добродѣтель, что она живетъ въ сердцѣ, а не на

языкъ только, что она обнаруживает себя не столько во внѣ положительнымъ образомъ, въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ и словахъ, сколько уединяется во внутренность и тамъ заключается. Но именно въ этомъ-то и состоитъ достолюбезность скромности, именно вслѣдствіе этого-то она и составляетъ одну изъ первыхъ и отличительнѣйшихъ добродѣтелей, которая всѣмъ другимъ преимуществамъ сообщаетъ ихъ истинное достоинство, надѣляетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ освященіемъ. Истинная скромность есть знакъ благороднаго чувства; она есть то свойство нравственныхъ нашихъ склонностей и расположеній, въ силу котораго мы въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ, въ нашихъ желаніяхъ и притязаніяхъ, во всемъ нашемъ поведеніи наблюдаемъ правильную мѣру, въ счастіи благородство, въ страданіи великодушное терпѣніе, въ обыденной жизни довольство тѣмъ что дается. Богиня скромности вмѣсто того, чтобы принимать важный видъ и важничать оглядываясь назадъ, охотиѣе устремляетъ свои взоры на высоты, открывающіяся впереди и не кричитъ съ надменностію о plus ultra, а только вздыхаетъ о немъ въ глубинахъ сердца. Богиня скромности не надмеваетъ себя напыщенной гордостью и не питаетъ высокомерныхъ мнѣній о себѣ; она не выставитъ себя на показъ, но предпочитаетъ лучше закрываться въ степенную одежду стыдливости.

Всмотримся ближе въ поведеніе скромнаго. Въ сужденіяхъ о себѣ самомъ онъ умѣренъ. Скромный не считаетъ себя выше и лучше, чѣмъ какимъ есть онъ на самомъ дѣлѣ; въ сужденіяхъ же о другихъ онъ добросовѣтенъ и снисходителенъ, не старается поставить себя выше другихъ, не унижаетъ другихъ, чтобы поднять себя, не осмѣиваетъ своихъ ближнихъ и не надѣвается надъ ними изъ за ихъ недостатковъ и ошибокъ, какія они дѣлаютъ, изъ за меньшихъ даровъ и преимуществъ, какіе выпали на ихъ долю. Онъ не ищетъ того, чего не заслужилъ, на что не имѣетъ права; и тамъ, гдѣ нѣтъ въ этомъ необходимости и гдѣ было бы то не на мѣстѣ, не старается выставить своихъ заслугъ на показъ и заявить о нихъ. Нравственная скромность знаетъ мѣру своихъ силъ и своихъ заслугъ вмѣстѣ съ величіемъ своихъ обязанностей и не болѣе о себѣ думаетъ, чѣмъ какою есть въ дѣйствительности. Она измѣряетъ не только собственныя, но и чужія силы, не требуетъ чтобы Римъ былъ построенъ въ одинъ день, ни того не утверждаетъ, что онъ ею построенъ. Скромный далѣе не выходитъ въ своихъ притязаніяхъ изъ границъ, предписываемыхъ ему его положеніемъ. Онъ

не предъявляетъ высшихъ притязаній, чѣмъ какія обусловливаются самымъ его положеніемъ; не требуетъ себѣ уваженія и внимательности, не обусловливаемыхъ положеніемъ, и инаго почета, чѣмъ на какой имѣеть право.

Какъ чту я и люблю тебя, трезвая скромность;—тебя, которая въ своихъ желаніяхъ, въ своихъ притязаніяхъ и искательствахъ всегда умѣешь находить, наблюдать и выдерживать правильную мѣру (*σωφροσύνην*) и никогда не выходишь изъ предѣловъ терпѣнія! Себя саму ты не презираешь и не унижаешь, не думаешь о себѣ низко и худо, но и не мечтаешь о своихъ достоинствахъ и своемъ значеніи и не превышаешь оныя до чрезыбрности. Какъ люблю я тебя, стыдливая скромность, особенно въ юности;—тебя, которая не желаешь, но страшно ожидаешь, которая себѣ самой позволяешь всего менѣе, а другимъ уступаешь тѣмъ болѣе! Утверждаясь на внутренней правотѣ, ты чувствуешь себя всегда свободной и увѣренной, спокойно смотришь въ лицо каждому и при самыхъ твердыхъ правилахъ и строжайшей волѣ никогда не снимаешь съ себя покрывала кроткой степенности. Въ общество старшихъ ты вступаешь безъ шума и грома, не навязываешься повсюду со своимъ словомъ, не суеться туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ и не домогаешься того, чтобы обратить на себя вниманіе. Ты не разсуждаешь о предметахъ, выходящихъ изъ сферы твоихъ знаній, не оспариваешь и не отрицаешь истинности говоримаго другими. Ты далека отъ высокомерія, чванства и дерзостей по отношенію къ другимъ. Не отзываясь небрежно о тѣхъ, кому обязана почтеніемъ и благодарностью; особенно не позволяешь себѣ никакого неуважительнаго отношенія и нарушеній благоприличія въ обращеніи со старшими себя; высшему возрасту напротивъ вообще оказываешь вниманіе и почтеніе.

Что же удивительнаго въ томъ, что эта добродѣтель для всѣхъ любезна, что она цѣнится въ другихъ даже и тѣми, которые ея не имѣютъ, по которымъ свойственны противоположные недостатки; что удивительнаго въ томъ, что истинная сердечная скромность всѣмъ мила и пріятна? Скромность для юноши это какъ бы платье идущее къ лицу, въ которомъ каждый его любитъ. Юноша скромный радуется и располагаетъ въ свою пользу сердца другихъ уже самымъ своимъ видомъ; пусть его внѣшность и не будетъ представительна и изящна: уже выраженіе его лица, тихій блескъ его глазъ говорить за него; его скромность привлекаетъ къ нему; видѣть въ немъ ее

пріятнѣе нежели обиліе виѣшней красоты и силы; при выслушваніи похвалъ за заслуги, прлчуціяся внутри, его щеки загораются пѣжной краской нравственной стыдливости, потому что его скромности и заслуженныя похвалы кажутся слишкомъ великими; или же эта краска бываетъ краскою радости, когда заслуженная похвала слышится изъ дорогихъ для него устъ. *Egubescit, salva res est* *), святое изреченіе Теренція конечно не въ томъ смыслѣ, когда юноша самъ предъ собой краснѣетъ. Онъ можетъ вѣдь и за другихъ краснѣть; онъ можетъ стѣмѣть, когда его спрашиваютъ о глупостяхъ и стыдиться, что его наказываютъ за молчаніе. Во взорахъ скромнаго юноши отражается переживаемое имъ утро жизни и снятъ съ себя покрывало Авроры онъ не можетъ не оросивши его слезами. Словомъ какъ розой цвѣтокъ украшается, такъ скромностью украшается юность. Скромность для юноши тоже, что для розы ея розовый цвѣтъ, для плодовъ благоуханіе: ни роза, ни фрукты безъ этихъ не доставляютъ намъ наслажденія.

Могу ли я сказать вамъ, друзья, какое лице, единственно и оно только, несноснѣйшее для меня, ненавистнѣйшее? Это лицо человѣка безстыжаго, дерзкаго, притязательнаго, наглаго, котораго Гомеръ называетъ *κινῶς ὀμματ' ἔχων, κραδίην δ' ἐλάφοιο* (II. I, 225 **), т. е. отражающій въ себѣ чувство низкое. Онъ всегда въ состояніи надѣтъ на себя кожаное лице, на которомъ нѣ чувствъ никакихъ не отразится, ни краски стыдливости не выступить. Это натуры чванныя, ямщицки невѣжливыя, черствыя, холодныя, безсердечныя, съ силой и красотой идей вовсе незнакомыя, вѣчно гоняющіяся за тѣпями вмѣсто того чтобы отдаться какому нибудь жизненному и дышущему жизненной теплотой дѣлу. Вы конечно понимаете, что такія натуры и не могутъ снискать дружбы и любви къ себѣ отъ другихъ, потому что и самимъ-то имъ собственные ихъ недостатки неприятны и ненавистны, если они замѣчаются ими въ другихъ; и охотнѣе вращаются они съ тѣми, которые ихъ недостатковъ не имѣютъ и скромны. Не покровительствуемый граціей скромности, дерзкій и наглець не въ состояніи слѣдовательно распространить около себя дыханія привлекательной пріятности, чарующей прелести; всегда онъ будетъ

*) «Краснѣетъ, значить дѣло правое».

**) «Лижущимъ собачьи глаза, а сердце оленя».

отталкивать отъ себя тѣ самыя сердца, которыя могли бы быть на его сторонѣ и съ этой стороны вѣчно будетъ онъ недоволенъ собой и чувствовать себя несчастнымъ.

Хотите ли, друзья, какъ я надѣюсь и чего желаю отъ васъ, въ будущемъ оказать возможно большіе успѣхи въ наукахъ? Стремитесь къ цѣли fortiter in re, suaviter in modo *). Усвойте себѣ добродѣтели скромности, красоту и привлекательность которой я изобразилъ предъ вами. Хотите ли быть довольными сами собой и чувствовать себя счастливыми? Берегитесь прежде всего двухъ недостатковъ: самоибінія и сомнінія въ достоинствахъ другаго. Ни одна добродѣтель не пріобрѣтается съ такой легкостью какъ скромность; освоится съ ней не стоитъ никакого труда, не требуется никакой для того работы, никакихъ многолѣтнихъ напряженій; она не требуетъ никакихъ особенныхъ природныхъ способностей; необходимо для нея только правильное пониманіе вещей и серьезное желаніе украсить себя ею. Развиваютъ и укрѣпляютъ ее привычка, ученіе, примѣръ. Но болѣе всего обуславливается она строгимъ школьнымъ воспитаніемъ. И однакоже столь легкая добродѣтель весьма мало распространена между людьми и одна изъ рѣдкихъ, конечно взятая въ полномъ своемъ объемѣ и во всемъ своемъ совершенствѣ. Причина этаго въ самолюбіи человѣка и проистекающемъ отсюда самодовольствѣ. Разъ данъ просторъ этимъ низшимъ склонностямъ, скромности тогда уже не въ состояніи возстановить никакое человѣческое искусство: она невозвратима подобно невинности. Отложите потому въ сторону этотъ эгоизмъ и недовѣріе къ тѣмъ, кого вы должны дарить безусловнымъ довѣріемъ. Противъ этихъ недостатковъ, всегда бывшихъ свойственнымъ вашему возрасту, боритесь со всей настойчивостью. Украшайтесь вмѣсто этихъ недостатковъ скромностью, которая въ старцѣ и въ челоуѣкѣ молодомъ составляетъ благоприличіе, въ зрѣломъ мужѣ достоинство, въ юношѣ же прекраснѣйшее украшеніе. Въ немъ ея отсутствіе всего непростительнѣе, и умѣреннаго о себѣ мнѣнія отъ учащагося юноши требовать и ожидать мы въ правѣ первѣе и болѣе всего. Кто долженъ болѣе и причинъ имѣть къ такой скромности какъ не юноша, характеръ котораго еще не развился и не укрѣпился, нравственность котораго въ буряхъ жизни еще не испробована и не доказа-

*) «Съ твердостью на дѣлѣ, съ протостью въ образѣ т. е. достиженіи цѣли».

на? Скромность для юношескаго возраста—исотклонимая обязанность; высокоуміе въ эту пору жизни тѣмъ неестественнѣе, тѣмъ нетерпимѣе, потому что немислимы еще условія, которыми оно извинялось бы; не имѣетъ еще юноша даже и мнимыхъ заслугъ, которыя давали бы ему поводъ къ гордости и важничанью. Желаю вамъ скромности для вашего же собственнаго счастья, потому что недостатки противоположные скромности—гробъ всякаго истиннаго образованія.—Любезна эта добродѣтель и потому, что она дѣлаетъ человека довольнымъ, а чрезъ то и счастливымъ. Но и въ послѣдующей жизни почета и счастья достигшіе ихъ ничѣмъ не удержитъ за собой прочнѣе какъ скромностію. Таково наше завѣщаніе вамъ. Завѣщаемъ вамъ скромность, кротость, сдержанность. Не желайте блистать по внѣшности: кто чувствуетъ въ душѣ силы, тотъ презираетъ внѣшніе эффекты; вся слава ваша, по слову пророка, пусть будетъ внутри и всѣ свои сокровища собирайте внутри себя, а не во внѣшнемъ самоумнѣніи проявляйте и не въ нахально-бахвальскомъ и праздномъ словѣ расточайте. Вслѣдствіе самообольщенія, какъ читали мы у величайшаго изъ греческихъ философовъ, дѣлается невозможнымъ движеніе впередъ и исключается самоусовершенствованіе.

IX.

ПЛАТОНИЗМЪ

ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ, ИЛИ ИДЕАЛЬНОЕ
И ЛЮБОВЬ КЪ НЕМУ.

Въ ночь предъ тѣмъ днемъ, когда Платонъ познакомился съ Сократомъ, видѣлъ этотъ послѣдній во снѣ, будто бы одинъ изъ его учениковъ принесъ ему молодаго лебеденка, который имѣлъ мало перьевъ и боязливо и нелюджимо осматривался. Но Сократъ почувствовалъ жалость къ бѣдной птицѣ, которая повидимому зябла, ввзявъ ее на свои колѣна, обернулъ своимъ плащемъ, и въ то время какъ она припадала къ груди Сократа, въ короткое время выросли у нея прекрасныя бѣлыя перья, такъ что она скоро въ состояннн была распуścić свои крылья, поднялась въ воздухъ, запѣла прнятную мелодическую пѣсню, стала подниматься все выше и выше, доколѣ не взлетѣла почти подъ облака; всѣ усматривали ее въ зорнѣ уже какъ свѣтлую точку только, потомъ она совершенно исчезла изъ глазъ. Когда на слѣдующее утро явился предъ нимъ Платонъ, Сократъ говорилъ: вотъ лебеденокъ, котораго я видѣлъ во снѣ. Лебедь въ древности считалась символомъ возвышеннаго паренія мыслей. Пиндаръ, возвышеннѣйшнй изъ лирическихъ поэтовъ Греціи, былъ для Грековъ дирцейскимъ лебедемъ: подобнымъ образомъ и по отношенію къ Платону сравненіе съ лебедемъ служить признакомъ его возвышеннаго философскаго образа мыслей. До того возвышенна его философія, что принадлежа къ аристократическому роду и получивши прекрасное воспитаніе и образованіе кажется онъ происшедшимъ какъ будто даже и не отъ благородной человѣческой отрасли, но подобно Аеннѣ родился какъ будто изъ самой головы

Зевса. Подобно пророкамъ взоръ его обращенъ вверху къ небу и проникаетъ онъ своимъ пророческимъ усмотрѣніемъ въ тайны чело-вѣческаго бытія, въ глубины духовной жизни. Чрезъ свое ученіе объ идеяхъ онъ раскрылъ челоуѣчеству царство идеальнаго, и въ этомъ состоитъ его всемірноисторическое значеніе, его всемірноисто-рическая заслуга, ограничивающаяся не греческимъ только наро-домъ, не столѣтіями, но простирающаяся на все времена, въ кото-рыхъ только существовало высшее духовное образованіе. Иден, са-мое имя которыхъ онъ изобрѣлъ и понятіе, тѣ иден, какими бога-та была умственная и художественная жизнь Грековъ, по кото-рыхъ потемнены были и погребены подъ покровомъ вышнихъ вещей, онъ ввелъ въ сознаніе образованныхъ людей своего народа, а чрезъ это и въ сознаніе челоуѣчества и возстановилъ истинное ихъ бытіе въ ихъ чистотѣ и первоначальности. На этомъ ученіи какъ на сво-емъ основаніи утверждается вся его философія и этика, въ кото-рыхъ предметомъ дѣйствій челоуѣка онъ поставляетъ идеальное.

Съ возвышенностью содержанія философія Платона проникну-та поэтическимъ одушевленіемъ. Первоначально Платонъ дѣйстви-тельно былъ поэтомъ и написалъ было нѣсколько стихотвореній, но потомъ сжегъ ихъ какъ скоро для него выяснилось истинное его призваніе. Все таки уже и въ философскихъ его твореніяхъ, какъ въ языкѣ такъ и въ содержаніи, сказывается высокій поэтическій талантъ. Стиль ихъ походитъ болѣе на Божественныя прорицапія, нежели на челоуѣческое краснорѣчіе; часто онъ отличается чрезвычайной силой, часто усладительной пріятностію, но всегда онъ содержитъ небесныя тайны. Какъ видимый этотъ міръ, такъ и міросозерпаніе Платона чрезъ интересное въ немъ, порядокъ и красоту открыва-етъ намъ Бога. Иногда Платонъ и шутитъ, но шутка эта достой-нѣе чѣмъ стоическая серьезность.

Такъ философія Платона идеальна; идеальна по содержанію, идеальна и по формѣ: ибо что можетъ сравниться съ прелестью и привлекательностію его діалоговъ? Какими сухими и скучными срав-нительно съ ними оказываются разсужденія позднѣйшихъ и близ-кихъ къ нашему времени философовъ! Потому съ правомъ конечно философію Платона называютъ относящеюся къ юношескому воз-расту философіи не только по времени, но и потому, что ученіе Пла-тона есть философія идеальнаго, подобно тому какъ юность вообще есть время идеаловъ.

И совмѣщеніе Платономъ поэзіи съ философіей, съ самой су-

хой повидимому наукой, идеально. Платонъ ясно доказалъ тѣмъ, что въ самой наукѣ уже заключается много поэзіи, что между поэзіей и наукой нѣтъ никакого основнаго различія, а тѣмъ менѣе какой нибудь праждебности, что обѣ онѣ вѣтви одного и тогоже ствола и что онѣ взаимно дополняютъ себя, разрастаясь пышнымъ вѣтвомъ, который восхищаетъ своими цвѣтами, плодами и тѣнью. Здѣсь художественно разрѣшена одна изъ важнѣйшихъ задачъ чело-вѣческаго духа-согласовать поэзію съ наукой, чтобы обѣ онѣ составили самое высокое проявленіе нашей жизни.

Къ сожалѣнію позднѣйшія чело-вѣческія поколѣнія не удержались на высотѣ этаго платонизма въ наукѣ. Такова уже общая судьба позднѣйшихъ чело-вѣческихъ поколѣній, которыя обязаны прежде собственныхъ изслѣдованій усвоить накопившіяся въ теченіе времени знанія, а усвоеніе такихъ въ потѣ лица достигнутыхъ знаній болѣе надмеваетъ, чѣмъ устремляетъ къ небу и нерѣдко иссушаетъ живой источникъ любви къ знанію. Греки въ наукѣ были вѣчными юношами Авроры міра, между тѣмъ какъ мы родились старцами для нея, т. е. мы сѣдѣемъ только надъ усвоеніемъ памятью того, что узнано до насъ. Въ наше время лозунгомъ служить не платоническая любовь, а изреченіе: *Tantum scimus, quantum memoria tenemus* *). Черезъ такое направленіе въ исканіи знанія область достойнаго изученія чрезвычайно расширяется, но научное чувство, духъ научный стѣсняется количественностію матеріала, а часто и совершенно ей подавляется. Мы многому учимся слѣдовательно, но немногому основательно.

Особенно въ наше время наука не для многихъ «возвышенная небесная богиня»; въ наше время многіе всего скорѣе ищутъ въ ней дюжей дойной коровы, отъ которой можно было бы запастись масломъ. Неоспоримо, что свободная любовь къ наукѣ, чистая радость, испытываемая въ ученіи у юншества нашихъ дней слабѣе. Но юншество приносить съ собой въ школу и въ жизнь равную приємлемость для добра и зла какъ за сто лѣтъ тому назадъ, за тысячу, такъ и нынѣ. Атмосфера, въ которой оно вырастаетъ, другая; духъ вѣка иной, и этотъ духъ вѣка носится въ воздухѣ и раздается на всѣхъ путяхъ, слышится даже чуть не при каждой колыбели. Идеи и преслѣдованіе идеаловъ оставляются;

*) «Знаемъ столько, сколько памятью удерживаемъ».

облагороживающіе элементы въ образованіи и вліяніе на характеръ юности всего великаго, возвышеннаго и идеальнаго духомъ вѣка все болѣе и болѣе стѣсняются. И къ несчастію господство этого духа простирается въ духовной атмосферѣ нашего времени слишкомъ далеко и широко. Многие ли нынѣ чувствуютъ страстное влеченіе къ наукѣ? Не видимъ ли мы, что лучше прививаются къ обыденному и пошлomu, нежели отдаются преслѣдованію идеаловъ; любятъ общежитейское, а объ идеяхъ не заботятся; живая, благородная идеальность вытѣняется таблицей умноженія. Наше юношество разсчитываетъ тамъ, гдѣ оно должно бы воспламеняться; оно слишкомъ рано начинаетъ учиться считать и потому спекулируетъ на проценты со своего прилежанія; свои занятія научается разсчитывать такъ строго, что идетъ какъ бы по прямо протянутому шпuru только дотуда, докуда должно итти чтобы удовлетворить закону: что же удивительнаго, если оно избѣгаетъ сферу, гдѣ не предвидится барышей или удовольствій и ничтъ хлѣбныхъ путей? Какъ рѣдкость нынѣ встрѣчаются юноши, одушевленные чистой наукой, изслѣдованіемъ истины для самой истины, прекраснымъ и возвышеннымъ въ искусствѣ и литературѣ безотносительно къ вѣшнимъ выгодамъ,—которые углублялись бы въ изученіе славныхъ древнихъ писателей изъ собственной потребности, которые отдавались бы юношескимъ мечтамъ въ одинокихъ прогулкахъ или дѣлились своими грезами съ друзьями своего сердца, которые въ часы отдыха искали бы отрады и наслажденія въ чтеніи и изученіи классиковъ новыхъ и древнихъ націй.—Проведеніе часовъ досуга въ библіотекахъ за чтеніемъ романовъ или гдѣ нибудь индѣ не сдѣлалось ли нынѣ постояннымъ и обычнымъ явленіемъ? Не чаще ли нынѣ встрѣтишь юношей черствыхъ душой? А между тѣмъ на что они промѣняли поэзію, то вовсе не вознаграждаетъ утраты: обращеніе взоровъ кверху ими забыто; въ замѣнъ того они получаютъ склонность къ критикѣ. Но если разъ поэзія совершенно оставляетъ юношескій возрастъ: какимъ черствымъ, какимъ холоднымъ, какимъ безсердечнымъ юношество должно высматривать въ жизни!

Потомъ важное заблужденіе многихъ въ образованіи нынѣ состоитъ въ томъ, что все дѣло его сводится къ заботѣ сдѣлать ученика вообще опытнымъ въ будущемъ его служеніи. Соответственно этому въ наше время въ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто платоническаго демона любви къ наукѣ царитъ менѣе поэтической, но за то болѣе энергическій демонъ экзаменовъ, котораго справедливѣе бы-

ло бы назвать кнутомъ и погонщикомъ научныхъ занятій. Хотя наши школы не только учебными средствами, предметами и вознагражденіемъ учителей, но и числомъ учащихся,—врочемъ благодаря болѣе богу войны Марсу, а отнюдь не Минервѣ,—несравненно богаче школъ древнихъ, за то, не смотря на всю горячность занятій нынѣшнихъ учащихся, платоническая любовь, чистая ревность, чистая охота и любовь къ знанію все болѣе и болѣе забываются, идеалистическое направленіе обзывается юношескими грезами и мечтами, идеалистъ отождествляется съ человѣкомъ мечтателемъ и сновидцемъ. «Вѣрная цѣль человѣческой жизни есть де смерть; проведетъ ли кто эту жизнь въ ревностной дѣятельности для блага своихъ ближнихъ или будетъ отдаваться въ теченіе ея только наслажденію и эгонистическимъ интересамъ. Будетъ ли кто создавать что либо и трудиться на торжищѣ жизни въ потѣ своего лица или какъ улитка спрячется въ своемъ дому, не заботясь о всемъ остальномъ:—единственно вѣрное въ жизни только конецъ ея; увѣнчается ли трудъ наградой, бездѣятельность доставитъ ли удовлетворенность, всего этого мы не знаемъ; только то вѣдаемъ съ несомнѣнностію, что послѣ всего наступитъ смерть, разрѣшеніе въ ничто. Зачѣмъ же намъ слѣдовательно неутомимо трудиться, заботиться и мучить себя; будемъ лучше жить, наслаждаться жизнью нынѣ и завтра, доколѣ это въ нашей власти». Кто такъ разсуждаетъ, тотъ переживаетъ дни болѣзни, ея иллюзій и слабыхъ неопредѣленныхъ желаній; всѣ симптомы указываютъ на болѣзнь того; диагнозы такихъ опытныхъ врачей, каковы публицисты древне-Греческаго и Римскаго міра, классическіе писатели подтверждаютъ это.

Какой огромный вредъ терпитъ вся нація, до какого жалкаго состоянія можетъ дойти общество, подавившее въ себѣ все идеальное, свидѣтельствомъ этого можетъ служить прискорбное признаніе нѣкогда геройскаго народа Римскаго, какому даетъ выраженіе Гораций въ заключеніи IV оды III-й книги въ словахъ:

Damnosa quid non imminuit dies?

Aetas parentum, pejor avis, tulit

Nos nequiores, mox daturos

*Progeniem vitiosorem *)*

Такова въ немногихъ, но сплнныхъ чертахъ характеристика

*) «О, почему же тягостѣе на насъ проклятіе времени? Порочно было уже время отцовъ нашихъ; еще развращеннѣе время ихъ предковъ; безпутны мы; еще хуже насъ будутъ наши потомки».

эпохи упадка римскихъ правовъ наканунѣ гибели государства. Народъ вымираетъ не въ своихъ мужахъ, а большею частію въ своемъ юношествѣ. Если цвѣтъ народа, юношество, оказывается хуже отцовъ; если юношество не воспитываетъ въ себѣ вѣры, вѣрности, возвышенности духа; если оно перестаетъ воодушевляться всѣмъ высокимъ и благороднымъ, оставляетъ страхъ Божій; если отдается чувственнымъ удовольствіямъ и расслабляется: то народъ этотъ уже обреченъ на гибель. Юноша отрѣшившійся отъ идеальнаго, не воспитавшій въ себѣ этого направленія тоже что весенній цвѣтокъ, съ котораго смахнута оплодотворяющая пыль. Страхните ее и растение останется безъ плода. Гдѣ цвѣтъ шикакихъ идей болѣе, шикакихъ идеаловъ, тамъ вѣра прекращается, жизнь выдыхается, становится пустой и опустылой. Міромъ управляетъ вѣдь духъ, а не грубыя силы; борются въ человѣческомъ обществѣ вѣдь не эти послѣднія, а идеи. Идея, какъ дѣти высшаго міра, побѣждая грубое, дружественно нисходя свыше въ нашу душу, обогащаютъ нашу жизнь, успокаиваютъ, преобразуютъ. Гдѣ духъ и чувство юношества заняты не низкой дѣйствительностію, но матеріаломъ идеальнымъ, гдѣ юношество, ведя себя тихо и скромно, отдается великимъ мыслямъ, священнымъ часамъ тихой молитвы, благороднымъ порывамъ, тамъ и въ народѣ являются люди, полные живаго одушевленія истиной и правомъ, съ непоколебимой вѣрой въ живаго Бога, заявляющіе себя вѣрностію до смерти Царю и отечеству, которые съ посѣдѣлой головой еще носятъ въ себѣ сердце горячо бьющееся для всего добраго и благороднаго, которые свои обязанности мѣряютъ высшей мѣркой и не мѣняютъ ихъ ни на наслажденія, ни на заботы мірскія. Ибо идея облагораживаетъ собою каждое званіе и дѣлаетъ его стоящимъ того, чтобы отдавались ему и проходили оное возвышенно и достойно умы великіе и благородные. И каждый имѣющій чувство для отечества естественно пожелаетъ, насколько то въ его силахъ, перваго зла не допустить и оное отворотить, условія же процвѣтанія своего отечества утвердить и укрѣпить. Въ особенности мы учителя призваны бороться противъ разлагающихъ вліяній духа міра проникновениемъ въ идеальное науки.

Уже весь учебный матеріалъ не только гуманистическихъ, но даже и реальныхъ школъ, на которомъ юношество должно развиваться и укрѣпляться духовно, при всей своей реальности не идеаленъ ли и не имѣетъ ли своей глубоко коренящейся въ сущности дѣла идеальной стороны? Въ этомъ всякій согласится относительно

возвыщенѣйшаго изъ учебныхъ предметовъ, который проходитъ чрезъ курсъ какъ гуманистическихъ заведеній, такъ равнымъ образомъ и школъ реальныхъ; я разумю святѣйшую нашу религію христіанскую. Что можетъ быть идеальнѣе ея? Что можетъ быть идеальнѣе вѣчнаго совѣта Божія о спасеніи нашемъ во Христѣ? Что можетъ быть идеальнѣе ученія Христова о спасающей любви Божіей явленной въ Немъ? Но при этомъ все-же что можетъ быть и реальнѣе той силы, которой время древнее отдѣляется отъ новаго, которая на всю противъ нея борьбу человѣческой культуры наложила рѣшающій мечъ и которую совершенно поборола и покорила себѣ; со всѣхъ сторонъ была оспариваема, но вотъ на нашихъ временахъ, на всемъ современномъ образованіи человѣчества, на всѣхъ нашихъ жизненныхъ положеніяхъ наложена печать ея...—Хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, но это же самое должно быть сказано и о каждомъ другомъ изъ учебныхъ предметовъ. Возьмите исторію. Что можетъ быть реальнѣе цѣпи дѣйствительныхъ происшествій, фактовъ и состояній, соупорядоченіе которыхъ и разсмотрѣніе называется исторіей? И однакоже какой идеальный духъ говорить изъ нея, какія священныя мысли, какіе вѣчные законы, какіе нравственные порядки!—Обратимся ли въ сторону древнихъ языковъ. Что можетъ быть реальнѣе суммы звуковъ, которой нѣкогда посредствовались сношенія не только человѣка съ человѣкомъ, но и народа съ народомъ, но которыми общеніе это продолжено чрезъ тысячелѣтія даже до насъ? И однакоже, что вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть идеальнѣе, какіе языки могутъ служить болѣе полнымъ выраженіемъ вѣчныхъ законовъ мышленія, болѣе обильнымъ кладомъ сокровищъ духовныхъ, благъ и возрѣвнѣй идеальныхъ, какъ не языки классическіе?—Обратимъ ли наше вниманіе преимущественно на содержаніе наукъ естественныхъ, которыя составляютъ учебный матеріалъ въ особенности реалпстическихъ школъ настоящаго времени и сообщаютъ имъ особенную физиономію, успѣхами которыхъ привыкли мѣрять нынѣ не только громадныя научныя успѣхи настоящаго времени, но и наблюдать на которыхъ сильную наклонность нашего времени къ матеріальному: что повидному можетъ быть реальнѣе этой учебной области, реальнѣе ея предмета, реальнѣе природы? Не есть ли она воплощенная, видимая, осязаемая и чувствуемая реальность? И все-таки кто же осмѣлится утверждать, что эта научная область не имѣетъ богатѣйшаго идеальнаго содержанія? Не повсюду ли за виѣшнимъ явленіемъ и здѣсь скрывается вѣчный законъ, за-

конь порядка, красоты, разнообразія, цѣлесообразности? Не выходитъ ли даже этотъ законъ далеко за предѣлы вѣшняго явленія и не восходитъ ли онъ къ вѣчному Творцу, Устроителю и Законодателю? Слѣдовательно уже на учебномъ образовательномъ матеріалѣ можетъ быть укрѣпляемо идеалистическое направленіе юношества.

Возраженія противъ идеалистическаго направленія всегда касаются не столько самого учебнаго матеріала, сколько пониманія его и способа изложенія. Каждый учебный матеріалъ имѣетъ свою идеальную сторону, которымъ онъ вдается въ область вѣчныхъ истинъ, святыхъ законовъ, важныхъ, душеполезныхъ мыслей, и эта сторона для вѣдь всего менѣе должна оставаться закрытой. Въ своихъ классикахъ, въ своемъ Гомерѣ, Платонѣ, Демосоевѣ вы усматриваете формы, законы и образцы поэтической красоты и гражданской силы и доблести; въ исторіи изучаете не перечень только годовыхъ чиселъ и именъ, а наблюдаете тѣ великія силы, которыя управляли временемъ, заслуги извѣстныхъ его періодовъ, преступленія, временныя суды Божіи надъ челоуѣчествомъ; при изученіи наукъ естественныхъ, при ознакомленіи съ видимой природой во всѣхъ ея царствахъ усматриваете не отдѣльныя разрозненныя формы, смѣняющіеся виды бытія, мѣстожителство различныхъ тварей, сферу дѣйствія механическихъ законовъ, а примѣчаете связь, порядокъ и планъ, осуществленіе глубочайшей мысли Божіей, въ матеріи познаете духъ, въ твореніи Творца, чувствуете благоговѣніе предъ могуществомъ челоуѣческаго духа, который въ желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ одержалъ побѣду надъ ограниченіями пространства и времени, при посредствѣ телескоповъ и спектральнаго анализа изслѣдуетъ отдаленнѣйшія небесныя пространства, при посредствѣ химіи проникаетъ въ глубины земли и камни превращаетъ въ хлѣбы. Каждый имѣющій чувство учитель понимаетъ, что обращать вниманіе на все это совершенно неизбежно. Полное и истинное познаніе природы и челоуѣческой жизни и проникновеніе въ оныя только и достижимо съ этой идеальной на нихъ точки зрѣнія. Истинное содержаніе и челоуѣческой жизни состоитъ въ стремленіи къ какому либо высокому идеалу и въ сознаніи, что достигнутое ничто въ сравненіи съ задачей. разрѣшеніе которой предстонтъ еще намъ. Изъ этаго вѣчно кипящаго источника идеаловъ во всѣ времена почерпалась новая сила: изъ него и доселѣ освѣжаются всѣ жаждущіе и запасаются мужествомъ. И все, что служить украшеніемъ челоуѣческаго духа и чувства, вы-

ростаетъ на этой душевной почвѣ. Душа есть воспитательница идей, общаго, чему подчинено бытіе отдѣльныхъ вещей. Онѣ дремятъ въ ней и чрезъ разсмотрѣніе предметовъ, имѣющихъ съ идеями сходство, не будучи однакоже ими самими, опять пробуждаются. Въ душѣ покоится представленіе объ идеальнѣ прекраснаго, но идеальнѣ этотъ можетъ быть только пробужденъ и выясненъ до нѣкоторой степени путемъ постепенности чрезъ разсмотрѣніе прекрасныхъ предметовъ. Начинаясь съ пониманія видимаго прекраснаго, которое хотя и имѣетъ сходство съ идеей прекраснаго, но далеко отъ того чтобы быть этой самой или совершенно походить на нее, это высшее стремленіе чрезъ блескъ видимыхъ отобразовъ первоначально прекраснаго только раздражается, поощряется и возбуждается. Платоническая любовь къ идеальному естественной или физической любви къ прекрасному вовсе не противоположна, но любовь къ чувственному, или тѣлесно прекрасному для нея служить руководителемъ и лѣстницей къ любви и познанію всего невидимо прекраснаго и добраго въ природѣ и человѣческомъ мірѣ, въ искусствѣ и наукѣ; по этой лѣстницѣ человѣкъ доходитъ даже до послѣдней ступени, до пониманія во всемъ законосообразности, до усмотрѣнія абсолютнаго или, выражаясь языкомъ Платона, до идеи добраго. Любовь къ идеальному по Платону есть исходящее отъ Бога вдохновенное, или демоническое стремленіе чувствующихъ твореній къ безсмертному, къ безконечному, у человѣка же къ Божественному и къ осуществленію Божественнаго въ жизни. Это не грезы слѣдовательно и мечты, и полагать оныя содержаніемъ идеалистическаго направленія заблужденіе сколько дикое, столько же и жалкое. Правда, что дѣйствительностью ни одна идея никогда вполне не осуществляется: въ своемъ совершенствѣ онѣ постигаемы только мыслію; это дары изъ другихъ странъ, созрѣвшіе на другихъ поляхъ, подъ другимъ солнечнымъ блескомъ, среди болѣе счастливой природы; образы ихъ подъ покровомъ конечнаго заключаютъ въ себѣ безконечное содержаніе: имъ свойственъ блескъ, по которому всегда можно отличить ихъ отъ порожденій этой видимой и матеріальной природы; но онѣ не противоположность дѣйствительному; онѣ высшая, реальнѣйшая дѣйствительность, ибо все видимое и временное вѣчно стремится приблизиться къ осуществленію ихъ, хотя и никогда не бываетъ въ состояніи отобразить ихъ на себѣ въ совершенствѣ. Они, эти идеальные образы, окружаютъ насъ волшебствомъ непреходящей юности, обвѣваютъ какъ бы воздухомъ

ннаго высшаго міра, дѣлають насъ прісмлемыми для себя, старающимися познавать ихъ въ мірѣ явленій въ качествахъ вѣчно сущаго; они предносятся духовному нашему взору въ качествахъ первообразовъ всего существующаго и являющагося, устремляютъ насъ къ себѣ то въ несознаваемомъ влеченіи, то въ ясно, хорошо сознаною познаніи; въ нихъ бьется слѣдовательно высшая, никогда не умирающая жизнь, ибо только то, чего никогда въ этомъ мірѣ и нигдѣ не встрѣчается, только то живетъ вѣчно и никогда не старѣетъ. Душа, особенно душа мудреца, ощущаетъ живое стремленіе зрѣть тѣ идеи, хотя она и знаетъ, что въ состояніи будетъ достигнуть этаго только по отрѣшеніи отъ узъ тѣла; тогда только вполнѣ удастся ей это, когда она снова достигнетъ того мѣста, гдѣ идеи существуютъ въ качествахъ чистыхъ, не измѣняющихся существъ. Но Богомъ призываются туда только тѣ души, которыя будучи еще здѣсь на землѣ пытались освободиться отъ узъ тѣла, которыя въ теченіе земнаго своего бытія бѣгали грѣха и сладострастія. Посему мудрецъ стремится по возможности еще здѣсь на землѣ отрѣшиться отъ узъ тѣла, которыми видитъ себя обьятымъ, и еще здѣсь желаетъ созерцать идеи въ возможной ясности; онъ не считаетъ себя въ правѣ отдаваться тѣлеснымъ и чувственнымъ пожеланіямъ и удовольствіямъ; онъ считаетъ себя обязаннымъ не утопать въ грязи грѣха и порока, потому что чѣмъ болѣе онъ погружался бы въ эту, тѣмъ болѣе удерживался бы и задерживался узами тѣла, тѣмъ менѣе свойственно было бы душѣ его познавать идеи въ ихъ ясности и чистотѣ. Освобождаясь отъ бремени всего земнаго нашъ глазъ воспаряетъ къ свѣтлымъ высотамъ, на которыхъ отечество первообразовъ дѣйствительности, идеаловъ. Такъ на основаніи своего ученія объ идеяхъ Платонъ устанавливаетъ для жизни человѣка нравственный идеалъ, который долженъ проникать ее и управлять ею. Нравственными идеями истиннаго, прекраснаго, добраго, справедливаго, ссужающими человѣческую жизнь достоинствомъ и возвышающими ее надъ конечностью и брэнностью, занимается онъ чаще всего и съ большею охотой; на нихъ онъ указываетъ какъ на нѣчто такое, по чему можетъ быть признанъ мудрецъ.

И въ самомъ дѣлѣ не въ работѣ только и здоровомъ творчествѣ и не въ преданности практическимъ интересамъ духъ богатый и глубокий видитъ полное исполненіе нравственныхъ требованій жизни и собственное удовлетвореніе. При постоянномъ обращеніи и среди чисто ви́шнихъ вещей, когда силы зрѣлаго мужа во всей

полнотѣ обращены на міръ и его явленія, онъ чувствуетъ потребность сохранять ясность самосознательныхъ возрѣній духа на то, что мы переживаемъ, приобретаемъ, теряемъ;—усматривать въ глубинахъ души то, что при всей смѣлѣ вещей продолжительно и вѣчно; онъ силится постигнуть и понять идею сущаго. Матеріаломъ его дѣятельности могутъ быть и практическія жизненные потребности, но при обхожденіи съ этимъ матеріаломъ, при отношеніи къ нему онъ соображается съ вѣчными законами человѣческой природы. При всемъ своемъ правѣ на практическую жизнь никогда онъ не позволяетъ себѣ расплываться въ матеріальныхъ стремленіяхъ, но неустанно стремится къ чему либо высшему; и плодомъ такой духовной работы у счастливыхъ бываетъ выравниеніе здраваго идеализма съ здравымъ реализмомъ, хотя это—задача, которую и всѣ мы должны стараться и призваны разрѣшить. Отрѣшенно отъ цѣлей практической жизни наука только надмеваетъ своихъ учениковъ; но и преслѣдованіе практическихъ жизненныхъ цѣлей, погоня за ними на широкихъ дорогахъ голаго матеріализма никогда не увѣнчивалась побѣдой. Таковъ уже законъ нравственнаго міропорядка, что ни тотъ кто въ напыщенности считаетъ себя высшимъ противъ другихъ людей, поселяется въ воздушныхъ замкахъ и становится пришлецомъ на почвѣ практической жизни и дѣятельности, ни односторонній практикъ не могутъ украсить себя вѣнкомъ побѣды; ни направлеиъ духовнымъ, ни практическимъ исключительно, но только тѣснымъ обоюднымъ ихъ проникновеніемъ другъ друга обосновывается и обеспечивается благобытіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Единственно тотъ путь ведетъ къ цѣли, который проходитъ черезъ тѣсныя ворота духовнаго совершенства. Когда алхимисты добивались камня мудрецовъ, то они заблуждались, доколѣ ихъ духъ не былъ ослѣпленъ златолюбіемъ. А когда они начали стремиться къ истинѣ, то возникла наука химіи, явилось множество полезныхъ изобрѣтеній, торговля достигла могущественнаго развитія, между тѣмъ найденъ и камень мудрыхъ, потому что время золотой жатвы пришло само собой.

Такъ Платонъ возвѣщаетъ свои откровенія не прежде какъ по очищеніи души, по отвлеченіи отъ чувственнаго и обращеніи къ вѣчному. Его идеальное не мирится со всѣмъ неблагороднымъ, низкимъ, обиденнымъ; оно тождественно съ чистымъ, благороднымъ, истинно нравственнымъ. Сначала духъ долженъ быть очищенъ отъ общежитейской пошлости, отрѣшенъ отъ всей мишуры, отъ всего

нижаго, преходящаго, мертваго, прежде чѣмъ небесный свѣтъ просвѣтитъ его, одушевитъ и доставитъ ему постоянное спокойствіе. Очищеніе это даже должно быть постояннымъ процессомъ, чтобы внутреннѣйшее наше существо оставалось способнымъ къ воспріятію образовъ изъ высшаго міра во всей ихъ истинности и красотѣ. Но чтобы это одушевленное стремленіе къ идеальному не выродилось въ фантазированіе и бредъ, для этого Платономъ рекомендуется искусство рѣчи или діалектики т. е. наука; она въ связи съ нравственнымъ развитіемъ поддерживаетъ глаза нашъ ленимъ и свѣтлымъ, способнымъ съ вѣрностью воспринимать и отражать въ себѣ образы высшаго міра; живое чувство природы, пещренное изученіемъ ея, во всѣхъ явленіяхъ ея проникаетъ до внутренняго источника жизни; разумніе исторіи въ путаницѣ человѣческой жизни и стремленій старается познать факель идеи. Но если какое поступаніе впередъ, то именно служеніе наукѣ никогда не позволяетъ ни отдыхать, ни успокоиваться; напротивъ какъ бы восходя на гору и мудрецъ чѣмъ выше онъ поднимается, только тѣмъ большія высоты видитъ надъ своей головой, только тѣмъ ширшая даль открывается на его горизонтѣ. И не знаніями только онъ обогащаетъ себя при этомъ, но одновременно развивается въ немъ и чисто человѣческое зерно и рвеніе употреблять свои знанія единственно ко благу человѣчества и собственнаго народа. Образованность для него служить свободнымъ и живымъ саморазвитіемъ и самоусовершенствованіемъ, всестороннимъ созиданіемъ своей духовной личности, самопросвѣтлѣніемъ, сообщеніемъ своимъ силамъ и способностямъ, до того времени дремавшимъ и покоившимся въ существѣ духа, образа и подобія человѣческаго. Никогда, никогда не должно забывать, что всѣ наши знанія и образованность должны развиваться изъ внутренняго, дремлющаго въ насъ Божественнаго зерна; постоянно они должны получать отсюда высшее освященіе; только тогда и можно претендовать на эпитетъ людей занимающихся наукою. Безъ такого же отношенія къ дѣлу занятія наукою перестаютъ быть научными занятіями, ниспускаются до лицемѣрной профанации и все ученіе оскверняется, уродуется и обезображивается. Само собою разумѣется, что такое ученіе не можетъ быть стимуломъ и къ соотвѣтственной ему дѣятельности.

И по истинѣ я не знаю, можетъ ли особенно для юности быть что либо естественнѣе живаго интереса къ знанію? Конечно не въ заучиваніи наизусть опредѣленныхъ правилъ, не въ усвоеніи извѣст-

ныхъ доктринъ состоитъ истинное образованіе. Изъ науки не языкъ есть единственно уразумѣваемое. Правда, что и названными вещами нельзя совершенно пренебрегать, потому что все это факторы великой задачи образованія: все—же долженъ быть присоединенъ къ этимъ еще другой важнѣйшій дѣятель, если вы хотите разрѣшить свою задачу удовлетворительно и претендуете на образованность. Для истинно высшаго образованія, для развитія благороднѣйшихъ душевныхъ способностей, для пробужденія собственной творческой силы необходимо большее нѣчто чѣмъ принятіе въ себя обширнаго и разнообразнаго матеріала знанія. Простая форма, мертвая буква и матерія, сухая и пустая внѣшность и неодушевленно-механическое суть страны холода и засухъ, гдѣ стремящееся къ ученію юношество своими благороднѣйшими силами хлѣбеть и томится голодомъ. Научными занятіями предполагается свободная, высшая самостоятельность въ пониманіи и научныхъ работахъ по каждому предмету и вопросу, или говоря другими словами: въ занятіяхъ осуществляется, воплощается, олицетворяется и раскрывается духовная ревность и неутомимая охота, радостное стремленіе и любовь къ вниканію, ко всестороннему опредѣленію, развитію и созиданію науки и чрезъ эту жизни. Не несвязная многосторонность знанія здѣсь важна и не мнимая подготовленность для жизни: быть только ученымъ и свѣдущимъ еще не значить быть образованнымъ. Для этаго нужно возвыситься надъ обыденностью жизни, стать умомъ стремящимся горѣ, осіявающимъ самого себя свѣточемъ: тогда сами собою лягутъ ко всему способность, искусство и опытность; безъ этаго же вѣчно вы останетесь крошечками. Попробуйте, скажемъ примѣромъ, попробуйте, возьмите грубаго человѣка и начните образовывать изъ него живописца, поэта, оратора или кого хотите, не возвысивши предварительно до общей эстетической ясности и обилія, и вы увидите, чѣмъ кончится ваша попытка: ничѣмъ. Духъ вѣдь не слѣпленъ изъ кусочковъ; онъ есть пламя, объединяющая сила, всецѣло и всесторонне дѣятельная, или же онъ спитъ и дремлетъ.

Послѣ стремленія къ отысканію истины нѣтъ цѣли болѣе возвышенной какъ пробудить все въ своей натурѣ, что есть въ ней высокаго, возвыситься до идеаловъ, достиженія которыхъ постоянно и усилленно долженъ добиваться каждый человѣкъ, духъ котораго довольно развитъ для того чтобы образовывать себѣ идеалъ,—каждаго кто имѣетъ достаточно чувствительное сердце, чтобы вдохновляться идеальнымъ,—каждаго чья дѣятельность, подобно вашей, направле-

на на высшіе интересы человѣчества. Преднестъ не головѣ своей только, но и волѣ уже въ ранней юности благородныя формы, достойныя подражанія примѣры, вождельнѣйшія цѣли, освѣтить предъ собою путь глубокимъ уваженіемъ предъ истиной, правомъ и нравственностію по истинѣ величественное это дѣло и стоитъ надъ нимъ поработать. Что такое и представляло бы собою образованіе, если бы оно было воспринято механически, какъ не готовую, отвѣтъ данную истину; если бы воля не приняла въ немъ дѣятельнаго участія, если бы оно коренилось не въ сердцѣ и не изъ него исходило, а оставяло это пустымъ; если бы, воспитываясь на Греческой и Римской литературахъ, не проникались вы готовностію осуществить классическій духъ, внести во все отношенія жизни гармонію и мѣру; если бы юношескій огонь стали тратить на безтолковое сумазбродство; если бы творчествомъ не пораждалось въ васъ творчество же, весной весна, и если бы вы остались чужестранцами въ своемъ отечествѣ? Поэтому-то гуманистическія учебныя заведенія истиннѣйшей, дѣйствительнѣйшей образовательный элементъ полагаютъ именно въ этомъ идеалистическомъ направленіи не только мысли, но и чувства, чтобы вы не жаловались на непригодность всего учебнаго матеріала древняго гуманистическаго образованія для потребностей позднѣйшей жизни, на отрѣшенность его отъ оныхъ, на неприменимость его въ практической жизни.

Изъ двухъ путей, открывающихся для человѣка въ жизни, одинъ ведетъ къ идеальному, другой къ смерти. Сказанное Горациемъ въ его «*Ars poetica*» о поэзіи можетъ быть примѣнено и къ самому человѣку и въ особенности къ юношеству:

Si paulum summo decessit, vergit ad imum *).

Въ нравственной жизни средина невозможна; все глубже и глубже увлекается дурнымъ тотъ, кто хотя мало отклоняется отъ высшаго. Необходимо, чтобы истина эта сіяла и высилась среди молодежи подобно маяку среди мрака часто распространяемаго жизнию. Душа юноши имѣеть орлиныя крылья и если она не научилась пользоваться ими для паренія къ солнцу или если они не будутъ выращены или же будутъ подрѣзаны, то по необходимости придется вамъ и при имѣнии оныхъ ползать въ пыли. Проникаясь же идеальнымъ вы въ состояніи будете освободиться отъ вялости и сонности, во всехъ труднѣйшихъ и необходимѣйшихъ работахъ своего возраста чрезвычайно облегчите

*) «Если хотя немного кто уклоняется отъ высшаго, стремится въ противоположную».

ихъ для себя; даже надъ тѣмъ-то именно и будете работать съ энергіей, къ достиженію того-то именно и будете стремиться, что для васъ тяжело и трудно, и такимъ образомъ предохраните себя отъ всего низкаго и безславнаго, вдохнитесь любовію къ добру, полюбите все благородное и лучшее. Только при идеальномъ направленіи глазъ вашъ можетъ быть свѣтлымъ и чистымъ, сердце открытымъ для всего добраго и прекраснаго, чувство благороднымъ. Вы не должны быть humiles, мелочными и не принижаться въ пыль, но должны быть sublimes, стремиться только въ высоты и къ благородному. Какъ деревья лѣса, какъ колокольни нашихъ церквей, такъ и наука указываетъ вамъ кверху, на вѣчный небесный сводъ съ его солнечнымъ свѣтомъ, который по временамъ можетъ конечно закрываться облаками и темпотою, но за то вѣчно остается въ порядкѣ; при взглядѣ на него и въ вашей душѣ можетъ все укрѣплиться и успокоиваться. Возрастъ, переживаемый вами, есть то именно время, когда начинается направленіе всей послѣдующей жизни. Немногимъ удастся впоследствии сходить съ пути проложеннаго въ это время. Сбивается этотъ путь въ сторону, къ обыденному, тогда цѣлая жизнь, какими бы блестками она ни была украшена, получаетъ характеръ низкій. Человѣкъ пожилой сотнями взглядовъ и сужденій связанъ съ настоящимъ; оно есть поле его дѣйствій, но вѣстѣ цѣль и условіе его дѣятельности; даже если онъ посвятилъ себя и наукѣ; даже если своими страстными желаніями онъ постоянно обращенъ въ высоты, гдѣ горитъ вѣчный пламень духа: все-таки дѣйствительность виситъ препятствіемъ и тяжестью на крыльяхъ его духа, и онъ долженъ быть довольнымъ, если эти достаточно сильны, чтобы поддержать его надъ рѣкой времени и не позволить потопуть въ этой; вы же должны поддерживать себя идеальнымъ, оживляться и вдохновляться имъ, какъ бы оно составляло вашу пищу и питье. И если вы заключите этотъ союзъ съ идеальнымъ, то открыты вами будутъ какъ бы новые ресурсы силы, пробудится въ васъ новый жизненный духъ. Вотъ напоминаніе, оставаясь вѣрнымъ которому по истинѣ можно сохранить себя чистымъ и въ водоворотѣ отношеній и въ вихрѣ работъ и въ шуму развлеченій и въ буряхъ міра. Борьбѣ долженъ каждый и помогать, не смущаясь издѣвками и насмѣшками глупцовъ, приблизиться къ своимъ святымъ идеаламъ; этой борьбой, этими усиліями укрѣпляются силы, потому что это борьба трудная и утомительная, но благодарная и доставляетъ сладчайшія радости.

Этой борьбой, этими усилиями облагораживаются образъ мыслей и намѣреній, потому что они возвышаютъ насъ надъ обыденнымъ и пошлымъ, устремляютъ къ тому, что благородно, возвышенно и прекрасно. Эта борьба, эти стремленія дѣлаютъ сердце живымъ и не позволяютъ ему зачерствѣть и засохнуть; они переносятъ насъ въ прекраснѣйшее время нашей юности даже и въ позднѣйшее время, — юности, когда мы шли на встрѣчу жизни съ свѣтлыми надеждами и радостями.

Какъ? Вы хотите, чтобы мы оставили обращеніе къ вамъ съ приглашеніями, чтобы и самые учителя и руководители стремящагося впередъ любознательнаго юношества, чтобы и мы утратили эту духовную упругость, заплеснѣ обыденностію и помѣтились между глыбами матеріи, увлеклись современнымъ, всегда представляющимъ собою только пядь времени, и оказавшись такимъ образомъ неспособными къ полету и паренію нашей души въ высоты, начали влачить свое духовное бытіе день за день, потерявшись въ пошлости будничной жизни, утративъ въ себѣ чувство внутренней силы, благородныхъ стремленій и воодушевленія? Никогда. Мы вовсе не завидуемъ людямъ утратившимъ идеальныя стремленія, нашедшимъ свой идеаль въ блестящихъ мелочахъ, въ самой пошлой матеріальности и для которыхъ остается невѣдомымъ, какъ-это можно проникаться священнымъ одушевленіемъ, невидимыми благами, такими которыхъ нельзя схватить и ощупать руками. О, кто преслѣдуетъ мелочныя земныя выгоды, кто имѣетъ въ виду все себя и себя, чей духовный глазъ ослабѣлъ и притупился для всего великаго, благороднаго, истиннаго, у кого всѣ идеалы, рѣшительно всѣ исчезли и обратились въ паръ, тотъ дѣйствительно говоритъ, что это сны, это грезы. Такіе люди очи мрутъ и не видятъ, уши и не слышать. Но мы чувствуемъ въ себѣ еще достаточно духовныхъ силъ, чтобы съ юношеской силой и юношеской живостью одушевляться для идей цѣною даже опасностей, непріятностей и безпокойствъ. И вы еще полны непреодолимыхъ влеченій и желаній; грудь каждаго изъ васъ расширяется отъ какого нибудь сильнаго стремленія; юность, говорятъ, и съ правомъ утверждаютъ это, есть время идеаловъ, идеальныхъ стремленій. Еще не успѣла жизнь подавить въ немъ все прекрасное и возвышенное; окрыляемые отважнымъ мужествомъ, счастливые розовыми мечтами, не тревожимые заботами весело вы идете на встрѣчу жизни. Юношеству все кажется еще легкимъ, ничто не представляется недостижимымъ; со своими предначертаніями оно

заносится въ исчезающую изъ глазъ высоту, его фантазія кружить на непамѣримыхъ разстояніяхъ. То улыбается ему счастье со своимъ золотымъ вѣнкомъ, то манитъ его слава со своей звѣздной короной. Чувство для всего прекраснаго тлѣетъ еще въ юности готовой къ воспламененію искрой. Мягкая душа мальчика и юноши легко увлекается прекраснѣйшими произведеніями поэзіи и чутка къ каждому волшебному прикосновенію этаго искусства. Всѣмъ этимъ юность преимуществуетъ предъ мужескимъ возрастомъ. О, если бы вы и постоянно прислушивались къ пріятнымъ голосамъ музъ: онѣ чаще восхитили бы васъ изъ суеты и бѣдности ежедневной жизни, защитили бы васъ отъ ошошленія, облегчили бы вамъ и дѣло вашего образованія, ибо въ землю познанія прямая дорога чрезъ ворота прекраснаго; тогда и мудрость не возлетитъ отъ васъ на возвышеннѣйшія вершины и благоразуміе не посягнется надъ вами.

Человѣкъ никогда не долженъ думать слишкомъ мало о своихъ силахъ, тогда и онѣ окажутся по отношенію къ нему благодарными и не покинутъ его. Но при этомъ никто не долженъ довольствоваться праздными разсужденіями о силѣ воли, но постоянно долженъ поддерживать эти силы въ дѣятельности и напряженіи. Нелѣзное и неутомимое стараніе есть признакъ юности, между тѣмъ какъ душа, въ которой развивается гнилой плодъ самодовольства, уже заражена старческой слабостью. Кто постоянно трудится, постоянно старается о своемъ нравственномъ и умственномъ самоусовершенствованіи, у кого предъ внутреннимъ взоромъ постоянно носится въ вѣчно живыхъ краскахъ высшій идеалъ, чья душа волнуется влеченіемъ къ дѣятельности, тотъ юнъ до старости. Есть одно чудесное средство поддержать свою юность, но только оживленная работа и энергическое напряженіе силъ могутъ доставить обладаніе имъ; между тѣмъ какъ погоня за пустыми удовольствіями и боязливое сдерживаніе, неразвитіе своихъ силъ опускаетъ въ тѣло мальчика, насаждаетъ въ душѣ юноши зерно старости и хирѣющей слабости. Поставьте предъ собой высокую и широкую цѣль, и если вы, честно расходуя свои силы, поднимаетесь хотя на одну ступень, то будьте увѣрены, никогда не будетъ недостатка въ напоминательномъ изъ глубины души вашей зовѣ: «еще выше».

Юноша долженъ надѣяться на высшее. Онѣ долженъ имѣть и питать въ своей душѣ свои идеалы; иначе горе ему. Горе ему, если у него чувство этихъ идеаловъ утрачивается. Плохое дѣло, если юноша въ высшихъ классахъ кидаетъ въ сторону тѣ цвѣты, кото-

рые прельщали его въ высшихъ: въ позднѣйшемъ возрастѣ, когда станеть мужемъ, тотъ юноша принизится. Вотъ этимъ-то, всегда полнымъ опасностей будущимъ, преимущественно и требуется, чтобы вы уже теперь, въ настоящемъ своемъ возрастѣ, освоились съ серьезностью намѣреній, какая нѣкогда будетъ приличествовать вамъ какъ людямъ взрослымъ. Кто съ достоинствомъ хочетъ поддержать положеніе, какое займетъ впоследствии въ жизни, тотъ уже въ юности долженъ пробудить въ себѣ серьезность движеній мысли и чувства, характеризующія мужа зрѣлыхъ лѣтъ. Подумайте, что вамъ какъ людямъ научно образованнымъ слѣдуетъ для другихъ служить примѣромъ и образцомъ. Вы должны будете распространять свое вліяніе и дѣятельность на другихъ: отъ васъ ждутъ на этомъ основаніи серьезности и благородства образа мыслей, превосходства характера. Только принимая въ себя и обнимая всей душой идеи прекраснаго, благороднаго, великаго и не покидая царства ихъ ни на одинъ часъ въ жизни, вы можете возвыситься надъ обыденнымъ и пошлымъ и облагородить свои дѣйствія и стремленія.

Но конечно чѣмъ болѣе каждый отдѣльный человѣкъ развивается, чѣмъ долѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе расширяется и кругъ его обязанностей, тѣмъ чаще оказывается онъ и въ коллизіи относительно своихъ обязанностей. Вы въ этомъ случаѣ находитесь еще въ счастливомъ положеніи: всѣмъ вашимъ обязанностямъ, всѣмъ требованіямъ, которыя ставятъ предъ вами семейства вашихъ родителей, школа, отечество и церковь, всѣмъ имъ можете вы совершенно удовлетворить чрезъ одно средство, именно чрезъ истинное и искреннее, каждый день и каждый часъ доказываемое на дѣлѣ стремленіе быть примѣрными учениками. Такое поведеніе и такое отношеніе къ своему званію составляетъ предварительное условіе, которое вы должны исполнить теперь, если позднѣе, въ будущемъ хотите чувствовать себя способными выполнить то, чего потребуетъ отъ васъ жизнь со своимъ болѣе широкимъ и разнообразнѣе разчлененнымъ кругомъ обязанностей. Тогда и послѣдующая жизнь не потушитъ вашихъ юношескихъ идеаловъ, но только очиститъ ихъ; тогда вы постоянно съ неба своихъ юношескихъ идеаловъ будете получать искру одушевленія, которая будетъ руководить вашими дѣйствіями на практическихъ жизненныхъ путяхъ; тогда идеи: свободы, красоты, истины въ позднѣйшей жизни не будутъ осмѣиваться вами какъ юношески незрѣлыя мысли, но съ силой и опытностію зрѣлаго мужа будутъ осуществляемы въ положеніяхъ практической жизни.

Жизнь и вообще не разрушает наших идеалов; она только видоизмѣняетъ ихъ, очищаетъ наши понятія и представленія, показываетъ намъ, въ чемъ мы при юношескихъ своихъ грезахъ заблуждались, въ чемъ мы слишкомъ преувеличивали наши желанія, надежды, стремленія, и такимъ образомъ на мѣсто незрѣлыхъ, не выясненныхъ идеаловъ юности устанавливаетъ идеалы созрѣваго мужа. Если юноша составилъ себѣ ложный, преувеличенный образъ свободы, то жизнь показываетъ ему, что истинная свобода основывается на уваженіи предъ закономъ и что идеаль каждаго благороднаго мужа должна составлять только такого рода свобода.—Если юноша набросалъ себѣ слишкомъ блестящій образъ того, какъ и чѣмъ онъ долженъ ознаменовать себя, то жизнь показываетъ ему, что блестящая слава не всегда есть слава истинная, не всегда дѣлаетъ человѣка счастливымъ, что истинное величіе состоитъ въ одномъ стоять выше мелочей и быть больше ничтожности, что истинная слава есть только та, которая утверждается на почитаніи благороднаго, и что эта слава истинно очастливливаетъ.—Если юноша наметилъ себѣ слишкомъ высокую цѣль при прохожденіи будущей своей служебной дѣятельности, то жизнь напоминаетъ ему объ ошибкахъ, которыя при прохожденіи призванія могутъ препятствовать успѣхамъ и такимъ образомъ дѣлаетъ его способнымъ съ лучшими результатами стремиться къ идеалу, живущему въ его груди. Но если бы жизнь нѣкогда и ограничила ваши идеалы; своей серьезностью, своими напастями, своими горькими опытами ослабила ихъ; положимъ, она похитила бы у васъ нѣкогда часть вашихъ идеаловъ или отняла у нихъ нѣкоторую часть ихъ блеска; скажемъ болѣе: пусть жизнь у васъ ранѣе или позднѣе разрушитъ эти воспитанные въ юности идеалы: все-таки должны вы считать ихъ высокими и священными, не допускать, чтобы это чувство для идеальнаго, одушевлявшее насъ въ прекрасное время нашей жизни, оживлявшее насъ и согрѣвавшее, чтобы оно было похищено изъ нашей груди: къ снамъ своей юности тотъ долженъ относиться почитательно, кто хочетъ быть истиннымъ мужемъ. Не слѣдуетъ сбиваться съ этого пути преслѣдованія высшаго: кто одушевленъ стремленіемъ къ самоусовершенствованію, кто энергически работаетъ побуждаемый жаждой знанія, безпрестанно борется и сражается съ препятствіями, тотъ владѣетъ волшебнымъ жезломъ, которымъ и изъ самыхъ трудныхъ и неласковыхъ положеній жизни можетъ исторгнуть подкрѣпляющій источникъ; все-таки твердо держитесь

вѣчныхъ нравственныхъ идеаловъ благороднаго, прекраснаго и возвышеннаго.—Еслибы намъ и не удалось достигнуть идеала нашихъ стремленій прекраснаго, достойнаго, святаго, все-таки мы стремиться къ нему обязаны и должны. Почему? Пусть онъ не будетъ достигнуть: прекрасно уже и стремиться; воспитывай его въ себѣ: идея перестала бы быть и идеей, если бы была осуществлена. И если, возвышавшись надъ обиденнымъ, вы составили себѣ идеаль, то должны держаться его твердо какъ драгоценнаго сокровища и стараться остаться ему вѣрнымъ. И мужъ зрѣлыхъ лѣтъ не долженъ оставлять своихъ идеаловъ, но стремиться къ нимъ всѣми силами своей души. Именно потому и должно стремиться къ высшему, чтобы не спуститься слишкомъ низко; полетъ духа должно усиливать, чтобы могъ онъ противостоять притягательной силѣ случайнаго и преходящаго. Именно потому къ снани своей юности и должно имѣть уваженіе даже и по достиженіи мужскаго возраста, чтобы не открывать и тогда своего сердца, полнаго нѣжныхъ Божественныхъ цвѣтовъ, мертвящему насѣкомому хвастливости лучшимъ разумомъ. Именно потому и не нужно позволять себѣ охлаждать къ добру, что часто только немногія изъ великихъ мыслей и добрыхъ намѣреній могутъ быть осуществлены въ жизни, тѣмъ горячѣе слѣдовательно нужно отдаваться имъ.

Не слѣдуетъ при преслѣдованіи своихъ идей сбиваться съ толку; не должно смущаться, если мудростью пыли то изъ мнимой благосклонности къ намъ, то изъ недоброжелательства идеальное одушевленіе, эта дщерь неба, поносятся и порочится. Мудрость пыли скажетъ нѣкогда: къ чему отдаваться идеаламъ и преслѣдовать пустые фантомы? Къ чему дѣлать изъ себя непрактичныхъ мечтателей, оказывающихся неспособными въ церкви и въ школѣ, въ государствѣ и въ обществѣ?—Не позволяйте себѣ сбиваться съ толку отъ этой мудрости пыли, но твердо помните, что носить въ груди идеаль и быть непрактичнымъ, это два совершенно различныя понятія, что тотъ кто съ теплымъ одушевленіемъ стремится къ высшему, тотъ церкви равно какъ и школѣ, государству равно какъ обществу болѣе и несомнѣннѣе полезенъ нежели просто человѣкъ практическій съ зачерствѣлымъ, высохшимъ сердцемъ, цѣпляющійся только за землю. Итъ, никогда мы не можемъ повѣрить, что должно оставить стремленія къ нравственнымъ идеаламъ. И не будетъ никогда времени, когда бы идеальное исчезло, когда бы вѣра въ него и самое бытіе его пали предъ очевидностью грубой дѣйстви-

тельности. Чего не гложутъ никакіе зубы времени, того не можетъ уничтожить и никакая сила на землѣ. О, если бы въ настоящее прекраснѣйшее время вашей жизни приобрѣтено было вами такое образованіе ума и сердца, которое вдохновило бы васъ для идеальнаго и сгорѣло. Завнашиваемый виноградный сокъ долженъ пѣниться прежде чѣмъ въ видѣ благороднаго вина получить силу и пріятность: точно такъ же и сердечная жизнь мужей и юношей благородныхъ должна волноваться идеальнымъ и имъ пламенѣть.— Не позволяйте ни одному дню пройти безъ того, чтобы не войти на гору. Конечно не легко это сдѣлать, потому что около насъ и горъ такихъ нѣтъ. Но мы знаемъ, какой наградою увѣчивается восхожденіе туда, какъ плѣнительно зрѣть съ высоты на лѣса и поля; мы знаемъ, въ какой степени освѣженными и успокоенными мы возвращаемся въ наше тѣсное жилище, если мы пробыли нѣкоторое время на освѣщаемыхъ солнцемъ высотахъ, въ свѣтломъ чистомъ воздухѣ и поднимались надъ закутанными въ затхлый туманъ лощинами и полями. Какъ радостно округляется нашъ глазъ, который здѣсь внизу ограниченъ тѣсными предѣлами, а тамъ вверху обзираетъ окружающія горы и равнины! Оторванные отъ мелочныхъ стремленій тамъ внизу, чувствуемъ мы себя здѣсь ближе къ небу. Потому-то всѣ сыны горъ и любятъ такъ пламенно свою отчизну; потому-то на чужбинѣ и охватываетъ ихъ непреодолимая тоска, непобѣдимое страстное желаніе снова видѣть и восходить на вершины своихъ высотъ, воздымающіяся надъ повсюду гладкой, однообразной равниной. Переносъ на область духа мысль этаго образа неприкровенно мы могли бы выразить такъ: ни одного дня не проводите безъ того, чтобы не прочесть хорошаго стихотворенія. Правило это тоже что и первое, только перенесенное на область духа. Въ правильно смѣняющихся, непрерывныхъ прозаическихъ занятіяхъ повседневной будничной жизни человѣческій духъ легко устаетъ и ослабѣваетъ, если ему не предлагается лучшаго, высшаго питанія. Конечно вамъ уже и пришлось испытать, какъ прекрасная поэтическая мысль, глубоко прочувствованный поэтическій образъ трогаетъ насъ и возвышаетъ надъ уныніемъ и заботами. Поэтому-то школа и знакомитъ васъ по крайней мѣрѣ отчасти съ отличнѣйшими поэтами всѣхъ временъ и народовъ. Поэтому-то она знакомитъ васъ и съ Платономъ, въ которомъ вы должны искать болѣе чѣмъ простаго препарата языка, болѣе чѣмъ книги вокабулъ и правилъ, но изъ котораго вы должны извлечь и воспламеняющія мысли и обла-

гроживающія стремленія. При нихъ человѣческое въ васъ никогда не будетъ подавлено и впоследствии занятіями практической жизни. Будетъ нѣкогда глотать вашу внутренность скорбь о потерянномъ, но уже и воспоминаніе объ идеальныхъ стремленіяхъ вашей юности будетъ для васъ воспоминаніемъ прекраснѣйшимъ, уже и простая мысль о прекрасномъ и благородномъ, котораго вы стремились достигнуть, будетъ для васъ прекраснѣйшей за ваши стремленія наградою и будете вы вспоминать о временахъ прошедшихъ и чувствовать при этомъ, что сны тѣ прошлаго, лелѣнные нами въ сладкомъ опьяненіи, были божественно прекрасны.

Х.

Благодарность ученика.

Извѣстно, что Римскій поэтъ Горацій, благодаря щедрости Мецената, могъ проводить беззаботную, привольную и покойную жизнь. Но такъ какъ съ одной стороны были въ то время завистники, упрекавшіе поэта, что раболѣбствующей лестью онъ снискалъ себѣ такую незаслуженную благосклонность, а съ другой стороны они могли громко сказать или и на ухо шепнуть самому Меценату, что за многія благодѣянія, которыми Горацій пользуется отъ него, могъ бы онъ изъ своего времени и своихъ занятій поболѣе посвящать своему высокому покровителю, то поэтъ нашелъ нужнымъ защититься письменно противъ этихъ нареканій. Но защищается онъ въ 7-мъ своемъ письмѣ нисколько не роняя и не унижая своего человѣческаго достоинства и не жертвуя своей свободой, и не рѣзкими нападками на своихъ противниковъ, а тонкимъ юморомъ надъ мелочными людьми, не умѣвши ми цѣнить тѣсныхъ отношеній и согласія между покровителемъ и любимцемъ. «Ты оказалъ мнѣ благодѣяніе, Меценатъ, пишетъ Горацій, не какъ тотъ Калаврянинъ, который желалъ втереть своему гостю подарокъ прибавилъ: «Вѣдь отдадутъ же его свиньямъ, если не возьмешь». Ты выискалъ меня своимъ покровительствомъ такъ, какъ и слѣдуетъ человѣку благородному, который своихъ друзей испытываетъ предъ выборомъ, и разъ выбраннымъ изъ чистой любви назначаетъ подарки, какіе для нихъ дороги. Потому я благодаренъ тебѣ такимъ образомъ, какимъ ты желаешь этого, а не такимъ, чтобы я пожертвовалъ дражайшей мнѣ всего свободой или своимъ здоровьемъ. Тебѣ остаюсь я вѣрно преданнымъ, хотя жизнь во все-свѣтной столицѣ мнѣ и противна, а болѣе отвѣчаетъ всему моему образу мыслей жизнь простая, созерцательная. Каждый мѣряетъ се-

бы мѣркой благъ доставшихся на его долю; не все годится для всѣхъ. Подобно тому какъ для Телемака и Итаки прекрасныя лошади были безцѣнны, подобно тому какъ для бѣднаго ветошника Вильтея жизнь благоденствующаго въ своемъ помѣстьи владѣльца показалась бы лишенной всѣхъ радостей, такъ не могу и я отказаться отъ деревенской жизни въ Тибурѣ или въ Тарентѣ. Я и знаю, что ты охотно мнѣ дозволяешь это и не обзываешь меня неблагодарнымъ; шнче я съ радостію обратился бы снова въ бѣдняка, какъ лисичка въ баснѣ, которая изъ житницы не иначе могла выбраться на свободу, какъ подъ условіемъ чтобы раздѣлалась она за испытанныи тамъ благодѣянія».

И въ васъ, юные друзья наши, конечно живо нынѣ это чувство благодарности, радостной благодарности къ Богу за то, что вы могли достигнуть нынѣ первой цѣли нашей юности, что вы найдены достойными послѣ общаго образованія быть допущенными къ специальному. Конечно о многомъ еще лужно вамъ просить общаго нашего небеснаго Отца; но первѣе всего вы должны благодарить Его за прожитое въ этой школѣ время, потому уже и просить, чтобы Онъ и впредь продолжалъ защищать васъ и руководить на всѣхъ путяхъ вашей жизни.

Не правда ли, друзья, сначала благодарить, а потомъ уже и просить?—Но насъ родители наши учили, скажете вы, и мы отъ младыхъ лѣтъ привыкли сначала просить, а потомъ уже и благодарить. И мнѣ кажется, что просить болѣе чѣмъ необходимо, но несомнѣнно и то, что на благодарности обыкновенно не слишкомъ—то настаиваютъ. Между тѣмъ каждый воспитатель обязанъ болѣе, чѣмъ обыкновенно заботятся объ этомъ, пробуждать и питать въ своемъ юношествѣ чувство благодарности, чтобы обязанность благодарить напечатлѣвалась въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ глубже, нежели обязанность просить. Каждая просьба, и самая справедливѣйшая, есть признаніе собственнаго безсилія и стоитъ въ противорѣчій съ благородной гордостью и чувствомъ независимости; напротивъ каждая благодарность, даже и излишняя, есть упражненіе въ томъ истинно христіанскомъ смиреніи, которое всѣ дары благіе желаетъ приписывать лучше Божественной благодати и чуждой любви нежели собственнымъ заслугамъ. Слѣдовательно и намъ, воспитателямъ юношества, всегда отзывающимся готовностью на все достойное, можетъ принести честь, если наши воспитанники выгодно будутъ отличаться благодарнымъ образомъ мыслей.

«Благодарность»... Но говорят, что это трудная и рѣдкая добродѣтель. «Упражнялся ли ты дѣйствительно, спрашиваетъ поэтъ, въ труднѣйшей, какъ увѣряютъ, изъ добродѣтелей»? «Полюбятъ ли люди, спрашиваетъ другой поэтъ, полюбятъ ли они когда либо другъ друга? Ненависть и неблагодарность перестанутъ ли господствовать повсюду? Обида выгравировывается на металлѣ, благодарнiе записывается на волнахъ». Не славны и не лестны эти положенiя для людей, но трудно имъ и противорѣчить. Должно быть, что это трудная добродѣтель, если она столь рѣдка. Развѣ не видимъ мы многообразныхъ обнаруженiй неблагодарности, какъ скоро благодаритель впадаетъ въ несчастiе? Рѣдко можно наблюдать, чтобы въ несчастiи благодарителя облагодѣтельствованные вспоминали о полученныхъ благодаренiяхъ и старались за нихъ отплатить. Не чаще ли тѣ-то именно и оказываются всего менѣе благодарными, которые имѣли бы всего болѣе побужденiй къ благодарности? Да, неблагодарность есть часто встрѣчающiйся грѣхъ. Число остающихся неблагодарными столь велико, что можетъ быть между десятью только одинъ не забываетъ благодарности, какъ это испыталъ на себѣ и Христосъ по испуленiи прокаженныхъ. Очистилось десять, а пришелъ воздать Ему славу только одинъ. Объясненiй этого печальнаго явленiя нужно искать въ эгоизмѣ, которымъ къ сожалѣнiю человѣческая природа проникается и руководится слишкомъ часто. Есть надутые люди охотнѣе всего полагающiе, что они всегдѣ обязаны только самимъ себѣ, а не другимъ; мы стыдимся признаться, что при посредствѣ другихъ сдѣлались тѣмъ, чѣмъ состоимъ; мы смотримъ на обязанность благодарности какъ на тяжесть, которой стараемся избѣгать каждый разъ, какъ это бываетъ возможно. Только истинно благородный образъ мыслей, только тонкое чувство, могущее признать доброе повсюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, только такое чувство умѣетъ быть свободнымъ отъ оковъ эгоизма и себялюбiя, только такая нѣжная натура и чувство способны къ истинной благодарности, заключающейся не въ пустыхъ словахъ. Поэтому умы и натуры благородныя не знали этого грѣха. «Никогда я не имѣлъ поводовъ оставаться неблагодарнымъ», говоритъ Шиллеръ. И Гете выражается такъ: «Никогда не видалъ я, чтобы люди способные были неблагодарны»; напротивъ каждый неблагодарный, говоритъ старая мудрость, непремѣнно есть дурной человѣкъ. Но кто имѣетъ жестокое сердце и душу неблагодарную, тотъ пожинаетъ и возмездiе за свой образъ мыслей и расположенiй, за свое злое настроенiе. Оно не остается безъ проклятiя,

потому что, какъ говорить Соломонъ, «надежды неблагодарнаго столь же несбыточны, какъ не мыслима зрѣлость зимой». Древніе Персы, какъ разсказывается древними писателями, наказывали неблагодарность какъ одно изъ величайшихъ преступлений. Цѣли, изъ которыхъ вытекло у нихъ это постановленіе закона, безъ сомнѣнія, были благородны и прекрасны, все—таки средствъ, которыя они употребляли для достиженія ихъ, не лзя одобрить. Благодарность есть свободный даръ сердца; только въ томъ случаѣ, если она истекаетъ свободно, изъ благороднаго чувства, только тогда она имѣетъ истинное достоинство; только тогда она составляетъ прекраснѣйшую награду, которая можетъ осчастливить благодѣтеля.

Все-таки не всегда можно порицать однихъ неблагодарныхъ, и прежде чѣмъ клеймить кого либо этимъ пятнающимъ прозваніемъ, часто нужно быть весьма осторожнымъ; и въ раздающихъ благодѣянія и въ образѣ, какъ эти оказываются, часто заключается нѣчто такое, за что они не стоятъ благодарности. Не бываетъ недостатка и въ такихъ опытахъ, что тѣ—то горячѣ всего по большей части и жалуется на неблагодарность, которые всего менѣе имѣютъ правъ на признательность. Часто неблагодарность вызывается такими причинами, которыми въ основѣ уничтожается этотъ упрекъ. Когда богачъ не имѣющую для него никакой цѣны милостыню бросаетъ бѣдному; когда онъ даритъ то, что самому ему не нужно, что ему болѣе негодится, что онъ не считаетъ для себя важнымъ: можетъ ли онъ ждать за это благодарности?

Prodigus et stultus donat quae spernit et odit.

Только глупецъ и расточитель даритъ то, чѣмъ самъ не дорожитъ.

Если напр. учитель хлопоталъ только о внѣшней почтительности со стороны ученика, если онъ позволялъ себѣ дѣйствовать противъ него несправедливо или если онъ только любезничалъ съ нимъ и развитіемъ личности своихъ юныхъ слушателей мало дорожилъ: можетъ ли онъ разсчитывать на благодарность? Злую оцѣнку себя не долженъ ли перенести онъ какъ достойную себѣ пеню?

Naec seges ingratos tulit et feret omnibus annis.

Изъ такого рода сѣяній, какъ прежде такъ и по сего дня, произрастаетъ только неблагодарность.

Жатва соотвѣтствуетъ слѣдовательно сѣянью: *natā ad semen respondent*; правильнѣе сказать: тутъ нѣтъ никакой и неблагодарности, потому что не оказывается ничего, за что нужно было бы благода-

рять. Правильно поэтому конечно говорить Рюккертъ: «Если ты долженъ быть признателенъ кому либо, то пусть такимъ человѣкомъ будетъ мужъ благородныхъ правилъ, потому что трудно благодарить того, кого нельзя уважать».

Vir bonus et sapiens dignis ait esse paratus;

Nec tamen ignorat, quid distent aera lupinis.

Dignum praestabo me etiam pro laude merentis.

Мужъ мудрый, разумный для человѣка достойнаго готовъ
къ услугамъ всегда.

И при этомъ знаетъ онъ очень хорошо, что золото, и
что одинъ только лоскъ.

И я стараюсь оказываться достойнымъ награды покрови-
теля, говоритъ Горацій.

Это значить, что мужъ благородный и мудрый всегда готовъ благо-
дѣтельствовать; но при благодареніяхъ онъ строго различаетъ сто-
ящее цѣны и не стоящее, золота не смѣшиваетъ съ мелкой монетой.
Что принимаетъ онъ, то принимаетъ съ закрытыми глазами, а что
даетъ, то осматриваетъ зорко; онъ раздѣляетъ дары, которые самъ
цѣнить высоко и даетъ только тѣмъ, которые того заслуживаютъ.
Такой мужъ не пожалуется на неблагодарность какъ жалуется тотъ,
кто одѣляетъ благами только малоцѣнными или мнимыми, да еще и
хвастается самъ же этимъ.

Къ сожалѣнію мы должны признаться, что и между ученика-
ми благодарность по отношенію къ ихъ учителямъ вообще можетъ
быть названа рѣдкой добродѣтелью. Неблагодарно относятся многие
и къ родителямъ. И кто захотѣлъ бы отрицать, что родители сами
отчасти виновны въ этой неблагодарности дѣтей, когда они колеб-
лются между изнѣживающей любовью и устрашающимъ гнѣвомъ?
Такъ можетъ случаться, что неблагодарно относятся и къ учителямъ.
Не слышались ли часто жалобы послѣднихъ на неблагодарность
юношества? Неблагодарность, презрительная неблагодарность юно-
шей, встрѣчается какъ у зрѣлыхъ, выпущенныхъ изъ школы юно-
шей, такъ равнымъ образомъ питается и дѣйствуетъ она еще и во
время школьнаго ученія, заражаясь значить въ заведеніи. Не час-
то ли почтительность воспитанниками совершенно опускается изъ
виду и выражаются громкія порицанія, разглашаются о заведеніи
гадкіе слухи, распространяются клеветы противъ учителей, изли-
ваются насмѣшки, распускаются злыя выдумки; собственность школы
падаетъ жертвой необузданнаго стремленія къ разрушенію, жертвой

злаго вандализма: всё такія преступленія суть изліянія неблагодарности. Современное юношество къ сожалѣнію часто принимаетъ участіе въ общемъ движеніи и стремленіи времени, авторитетъ которымъ съ злородствомъ оскорбляется, древнія преданія разрушаются, работа столѣтій уничтожается, прочныя основы подкапываются, все законное оспаривается, столпы порядка низвергаются. И все это естественно тамъ, гдѣ въ душѣ скрыты источники неблагодарности. Гдѣ въ душѣ пускаетъ корни холодное равнодушіе къ благодѣтелямъ, тамъ на послѣдокъ смотрять на нихъ какъ на чужеземцевъ, ко вреду которыхъ во всякомъ случаѣ можно и предпринять что либо, лишь бы это было для насъ хотя мнимо полезно.

Да и имѣютъ ли, говорятъ, имѣютъ ли ученики причины оказывать учителямъ особенную благодарность? Обязаны ли они къ этому? Такъ могутъ говорить конечно многіе, и мы должны къ сожалѣнію прибавить, что такъ думаютъ здѣсь и тамъ даже многіе родители. Конечно если дѣятельность учителя разсматривать какъ и каждую другую; если полагать, что она состоитъ только въ преподаваніи, тогда можно оправдывать, если думаютъ что учитель получаетъ какъ и каждый другой работникъ свою плату и на другое вознагражденіе за свои труды, на особенную благодарность разсчитывать не можетъ. Кто же обязанъ благодарностию ремесленнику, когда онъ доставляетъ часть работы, если за эту онъ получаетъ плату сполна и аккуратно? Но кто говоритъ такъ, тотъ незнакомъ съ должностію и дѣятельностію учителя. Даже если разсматривать его и какъ учителя только, какъ преподавателя, уже и тогда его дѣятельность не заслуживаетъ ли благодарности? Какіе дары передаются чрезъ него ученику? Не великое ли нѣчто представляетъ собою, не возвышенное ли, не достойное ли благодарности быть введеннымъ въ царство науки, переполненнымъ оказаться жаждой истины, руководимымъ быть на пути, ведущемъ къ истинѣ, насколько человѣку вообще позволено приблизиться къ этой? Развѣ это бездѣлица какая положить основанія для всей позднѣйшей дѣятельности, сообщить способы къ осуществленію предначертаній, касающихся цѣлой жизни? Кто чрезъ науку долженъ получать право на служеніе государству, церкви, школѣ, способы работать для блага страждущаго человѣчества, для того закладываются учителямъ фундаменты; безъ этихъ фундаментовъ плодотворная дѣятельность оказывается невозможной или по крайней мѣрѣ она становится недостаточной и скудной. Вотъ дары, какими учитель надѣляетъ ученика: развитіе духа, оплодотвореніе его

для будущей дѣятельности въ человѣческомъ обществѣ. Дары эти уже и сами по себѣ заслуживаютъ благодарности; но они двойной и тройной заслуживаютъ благодарности, если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ ученикъ только при посредствѣ учителя можетъ принимать въ нихъ участіе. Дѣятельность учителя есть дѣятельность особеннаго рода, своеобразная и отличается, выдѣляется, преимуществуетъ предъ большей частью другихъ видовъ человѣческой дѣятельности тѣмъ, что она не можетъ быть плодотворной, не можетъ сопровождаться никакими благими результатами безъ любви. При ней необходима со стороны учителя любовь, любовь къ ученику, для котораго онъ дѣятеленъ, любовь къ предмету, который онъ преподаетъ. Старое, давно всеѣмъ извѣстное положеніе, что учителю необходимо имѣть терпѣніе, много терпѣнія, потому что корни всякаго ученія горьки, начатки ученію положить тяжело и стоять они большихъ усилій. Возможно ли для учителя терпѣніе безъ любви? Именно необходима терпѣливость, а не простая вялость, ибо съ вялостью нельзя бываетъ достигнуть никакихъ успѣховъ. Нѣтъ, учитель долженъ быть ревностенъ въ преподаваніи; онъ не долженъ оставаться равнодушнымъ, если видитъ лѣнь и злую волю; его живо должно интересовать то, чтобы ученикъ двигался впередъ; и однакоже онъ долженъ упражняться въ терпѣніи; онъ долженъ удерживать гнѣвъ, властвовать надъ страстями, обуздывать ихъ и не позволять имъ быть надъ нимъ господиномъ: при какихъ иныхъ средствахъ для него возможно это, если не при посредствѣ любви? Не должно ли послѣ этаго и платить ему за то любовью? Старанія и заботы при обученіи, вѣрность въ исполненіи обязанностей оплачиваются ли и вознаграждаются ли жалованьемъ учительскимъ? Нѣтъ, его любовь, его вѣрность могутъ получать себѣ достойное воздаяніе только въ признательной привязанности ученика: вотъ истинная, но и единственная награда учителя. И далѣе. Мы говорили доселѣ только объ обученіи. Но составляетъ ли это единственную задачу учителя? Стыдъ тому и позоръ, кто считаетъ обученіе за единственную свою задачу; ничего не можетъ быть впоследствии сказано объ учителѣ худшаго, какъ что онъ только училъ, только преподавалъ, а о прочемъ по отношенію къ своимъ ученикамъ не заботился. Вторая потому и по меньшей мѣрѣ столь же важная часть его задачи, это дѣйствовать на душу, на нравственность своего питомца. Самое обученіе дастъ ему въ руки лучшія и дѣйствительнѣйшія для того средства. Чрезъ обученіе, если оно правильно раздѣлено и ведено,

возникаетъ духовная связь между учителемъ и ученикомъ: отъ учителя исходитъ рѣка воды духовной, захватывающая ученика и соединяющая ихъ невидимую связью. Учитель вліяетъ на ученика; чрезъ обученіе, чрезъ это онъ можетъ и долженъ развивать и облагораживать его душу. Потому неоспоримо вѣрно, что истинный учитель чрезъ обученіе получаетъ такое вліяніе на ученика, которое не можетъ быть замѣнено ничѣмъ другимъ. И теперь, развѣ это дѣло маловажное подѣйствовать благотворно на облагораженіе души, на нравственность ученика и чрезъ то привести его къ Богу? Развѣ это пустяки возвратитъ юношу съ пути зла, если онъ ступилъ на оный? Нѣтъ, это не бездѣлица какая и не такое дѣло, чтобы можно было заплатить за него деньгами и имѣньемъ. Эта любовь, эта вѣрность со стороны учителя есть даръ и приношеніе добровольное, которое не можетъ быть предписано никакой инструкціей семинарскаго правленія, никакимъ семинарскимъ или гимназическимъ уставомъ. И это обстоятельство, что лучшее въ учительской дѣятельности не можетъ быть ни рекомендовано, ни предписано, составляетъ особенность, отличительный ея признакъ. Только тамъ, гдѣ эта учительская дѣятельность можетъ развиваться свободно, только тамъ можетъ она оказать высшее, къ чему способны силы отдѣльнаго чловѣка. Конечно то тамъ, то гдѣ нибудь индѣ могутъ встрѣчаться учителя, незнающіе этой свободной и добровольной дѣятельности, исполняющіе только то, что имъ предписано и только такъ это исполняющіе, какъ предписано: они *имутъ* за это и мзду свою и не имѣютъ права желать никакой дальнѣйшей благодарности. Истинный учитель, который отвѣчаетъ на призывъ къ должности любовью и вѣрностію и практикуетъ оныя въ прекраснѣйшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ, во всемъ своемъ обращеніи съ юношествомъ, онъ можетъ быть вознагражденъ отъ него только любовью и только признательной благорасположенностію. И онъ дѣйствительно можетъ рассчитывать на нее. Истинный воспитатель вообще даже вовсе не долженъ былъ бы и пожинать неблагодарности; или же непризнательные по отношенію къ нему ученики были бы доказательствомъ только того, что они не поняли истиннаго искусства воспитателя. Безъ сомнѣнія такъ и было бы, если бы платоническіе идеалы были осуществимы, если бы мы были совершенными людьми. Но мы стремимся трлько къ этой высокой цѣли и стараемся только о томъ, чтобы не отстать отъ нея слишкомъ далеко, потому и не колеблемся объявить, что даже при самой честной волѣ мы все—таки оши-

баемся, что часто именно наши ревностѣйшія усилія не удаются, а если и удаются, то рѣже нежели какъ слѣдовало бы воздаемъ славу за то Богу, котораго единственно обязаны мы благодарить за то, чѣмъ есть и что имѣемъ. И мы нашимъ учителямъ не платили вовремя принадлежавшей имъ по праву благодарностью или же стали платить только слишкомъ поздно. Именно потому, что наша жизнь для своего развитія пуждается въ тысячѣ факторовъ: въ здоровьи, пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, воздухѣ и свѣтѣ, дружествѣ и помощи, въ обученіи и воспитаніи и въ пныхъ силахъ, какія кромѣ названныхъ могутъ дѣйствовать на нее, именно поэтому-то мы столь легко и забываемъ воздавать подобающую благодарность Богу и людямъ. Человѣкъ не воспитанный, особенно воспитывающееся еще юношество живетъ не обращая вниманія на блага, которыми оно пользуется, какъ будто бы всего благотворнаго, чему душа его радуется и чѣмъ услаждается и питается, онъ въ правѣ быть ожидать отъ жизни и какъ если бы блага эти подразумевались сами собою, между тѣмъ какъ человѣкъ образованный мало по малу преодолеваетъ въ себѣ это легкомысліе забывать о полученныхъ благодареніяхъ. И естественно: какъ всему человѣку учителя, такъ и благодарности; подобно тому какъ здоровье съ благодарностію небу оцѣниваетъ только тотъ, кто дозналъ драгоцѣнность этаго блага утратой его, болѣзнію. И нынѣ благодарность заявляется учителямъ не отъ всѣхъ учениковъ. Мы сказали уже, что только натуры благородныя способны къ истинной признательности. Для этого необходимо и правильное пониманіе полученнаго благодаренія, испытаннаго добра. Можетъ ли это быть постоянно предполагаемо въ каждомъ ученикѣ? Конечно нѣтъ. Не каждый еще разумѣетъ цѣну и важность того, чему его учать. Одного стѣсняетъ и тяготитъ трудность ученія, другаго обяжаетъ порицаніе, падающее на его голову, если онъ не удовлетворяетъ требованія; третій еще не понимаетъ цѣли и значенія многихъ упражненій; онъ полагаетъ, что имѣетъ право многое оуждать, цѣли чего и пользы не уразумѣваетъ. Не имѣете еще вы и не можете имѣть правильнаго масштаба для сужденія о себѣ и о другихъ. Оттого происходитъ, что ученикъ, доколѣ онъ ученикъ, не всегда познаетъ полученное благо во всемъ его объемѣ, и потому еще не чувствуетъ вполне и той признательности, какой онъ обязанъ учителю. И труда не можетъ онъ вообразить, какой причиняетъ собой учителю, ни любви измѣрить, какая оказывается ему учителемъ.

Учителя служатъ для тебя замѣстителями Бога и твоихъ родителей. Они оказываютъ тебѣ въ нѣкоторомъ отношеніи даже еще больше услугъ, чѣмъ сколько въ состояніи оказать тебѣ твои родители. Долголѣтнимъ ученіемъ мы приготовлялись къ служенію, которое проходимъ. Мы ведемъ васъ, плохо еще видящихъ и неопытныхъ, къ счастью и нравственному облагороженію; мы ежедневно съ вами, несвѣдущими и жаждущими знанія, преломляемъ хлѣбъ науки, доставляемъ вамъ нѣжное молоко, а возрастнымъ и болѣе твердую пищу. И этому весьма важному служенію посвящаемъ мы все свое время, всѣ свои силы, цѣлую свою жизнь. Мы стоимъ лучшими друзьями своихъ питомцевъ, каждаго изъ васъ объемлемъ безъ предпочтенія съ равною любовію, каждому оказываемъ справедливость, не руководясь при этомъ никакими внѣшними соображеніями, стараясь по совѣсти воздать каждому похвалою или порицаніемъ. Чѣмъ слѣдовательно ты обязанъ твоимъ учителямъ за эти важныя услуги, за эти многія доказательства ихъ любви къ тебѣ? Благодарностью, сердечнѣйшей благодарностью, но не въ теченіе немногихъ только годовъ ученія, но благодарностью на цѣлую жизнь. Посему, хотя бы твои учителя и въ недвусмысленныхъ словахъ отказывались отъ твоей благодарности, ты никогда не долженъ отлагать ея и долженъ доказать имъ твою благодарность дѣлами и всѣмъ своимъ поведеніемъ.

Если мы обратимъ свои взоры въ сторону людей не получившихъ никакого образованія, что замѣчаемъ? Какъ быстро обыкновенно человѣкъ естественный, не могшій или не умѣвшій доставить своему духу высшаго воспитанія, забываетъ оказанное ему добро, какъ чувствительнъ онъ и обидчивъ ко всему! Какъ часто онъ объять бываетъ страстію гнѣва, желаніемъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и всѣми въ его распоряженіи находящимися средствами отомстить за мнимую несправедливость! Порицаніе принимаетъ онъ за горькую обиду, и противорѣчіе, касавшееся только дѣла, принимаетъ такъ, какъ еслибы оно направлено было противъ лица; оно его гложетъ и жжетъ; а что онъ тому же самому человѣку обязанъ, быть можетъ, многимъ добромъ, это онъ выкидываетъ изъ головы, объ этомъ онъ не хочетъ и думать. Такія особенности имѣютъ власть и надъ юношествомъ. И оно склонно относиться къ своимъ учителямъ съ нѣкоторой желчью, и въ сколько нибудь жесткомъ порицаніи чувствуетъ уже личное оскорбленіе; злобное, досадующее воспоминаніе о томъ продолжается долгое время всего школьнаго

курса. Не слыживали ли вы товарищей, говорящихъ о своемъ учителѣ: «Однажды онъ положилъ на меня очень строгое наказаніе за проступокъ вовсе мной несовершенный; этаго я никогда не забуду». Справедливо ли это разсужено? Какъ тяжело дается человѣку убѣжденіе, что несправедливость потерѣтъ несравненно почетнѣе, нежели учинить ее, что обиды должно записывать на песокъ, а благодаренія выгравировывать на мраморѣ!

Если неблагодарность такимъ образомъ обычна въ мірѣ, если она всегда была, всегда конечно и останется между не воспитанными для нея, то не долженъ возмущаться ей и учитель, видя ее и въ учащемся у него юношествѣ. Не такъ ли же онъ можетъ въ этомъ случаѣ отнестись къ нему, какъ благоразумный врачъ отнесся къ дѣтямъ, когда одинъ поваръ обвинялъ его предъ ними. Потому что когда предъ такими судьями явился поваръ и говорилъ: «О, дѣти, этотъ человѣкъ много вамъ сдѣлалъ зла, въ особенности младшимъ между вами; онъ рѣзалъ васъ, жегъ и давилъ; онъ давалъ вамъ очень горькіе напитки; онъ заставлялъ васъ голодать и не давалъ пить, между тѣмъ какъ я даю вамъ пробовать только пріятное и различныя сласти»;—могъ ли врачъ защищаться противъ этого и возмущаться легковѣріемъ дѣтей; и если бы онъ захотѣлъ сказать истину, что это все дѣлалъ онъ въ ихъ интересѣ, ради ихъ здоровья, то развѣ не перекричали бы они его? И не нашелъ бы онъ себѣ у нихъ никакой вѣры. Мы имѣемъ въ этой баснѣ, какъ Сократъ самъ объяснилъ, образъ суда надъ мудрѣйшимъ изъ Грековъ его собственныхъ согражданъ. Испытайте себя, не судили ли и вы объ учителяхъ такимъ же образомъ, не выражались ли вы когда либо объ учителяхъ неблагоприятно потому только, что они строги были, не терпѣли лѣности и безчистствъ и наставляли на томъ, чтобы каждый исполнялъ свой долгъ и изучалъ нѣчто полезное? Разсудительнѣйшіе между вами уже и теперь стали конечно выше этой точки зрѣнія. Если же этаго нѣтъ еще во всѣхъ, потому что солнце познанія еще не согрѣло сердечной вашей почвы, все—таки мы утѣшасмъ себя увѣренностью, что наступитъ время, когда въ тихомъ саду и ихъ душевной жизни произрастетъ нѣкогда цвѣтъ благодарности. Всѣ вы чѣмъ болѣе будете созрѣвать посредствомъ собственнаго опыта, тѣмъ яснѣе станете понимать, что именно самымъ строгимъ изъ учителей вы должны быть обязаны теплѣйшей благодарностью, потому что они дѣйствовали такъ въ высшемъ интересѣ и старались васъ улучшать; съ развитіемъ разсудка вы будете

даже еще радоваться, что не позволяли себѣ увлекаться теперешнимъ узкимъ и недалекимъ взглядомъ на дѣло. Строгость была вѣдь близнецомъ попечительной любви, а сердце юношества должно быть приемлемымъ и для этой. Ученикъ говорящій: «Хоть и сурово и жестоко обходился со мной учитель, обижалъ меня недоверіемъ, но я многому у него научился и несмотря на всю его строгость всегда буду вспоминать о немъ», такой ученикъ не большого ли заслуживаетъ уваженія чѣмъ первый?

Пусть тотъ и другой изъ твоихъ учителей ошибался въ обращеніи съ тобой и въ оцѣнкѣ тебя, все-таки не допускай въ свое сердце ненависти по отношенію къ нему, какъ бы ни было для тебя тяжело это, но дари его постоянно твоимъ личнымъ почтеніемъ, все—таки дѣлай это, потому что ты долженъ быть убѣжденъ въ доброй волѣ, въ чистыхъ намѣреніяхъ относительно тебя твоего Ментора. Даже въ самыхъ неблагопріятныхъ случаяхъ не подавай и не заглушай въ себѣ Божественнаго пламени pietatis, потому что истинное pietas не исключаетъ изъ своей сферы никого. Чувство доброе, нисходящее въ душу свыше, распространяется на всѣхъ и не дѣлаетъ исключеній. Позднѣе, можетъ быть, ты будешь и благодаренъ за наказанія на тебя налагавшіяся, хотя они и очень неприятно отзывались на твоимъ чувствѣ или казались даже жестокими и несправедливыми.

Такъ объясняется, что не всегда и не у всѣхъ учениковъ даже по отношенію къ нѣжно любящему ихъ и дружественно и отечески расположенному къ нимъ учителю господствуетъ признательный образъ мыслей. Все—таки это исключения. Вообще же говоря, истинный учитель, относящійся къ своимъ ученикамъ съ любящимъ, дружественнымъ чувствомъ, въ состояннн согрѣть ихъ и вдохновить для ученія и быть увѣреннымъ въ благодарномъ, приверженномъ образѣ мыслей всѣхъ между ними благородныхъ натуръ, потому что $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \eta \tau\acute{\iota}\chi\tau\omicron\upsilon\sigma \acute{\alpha}\epsilon\iota$ (Soph. Aias 522 *), кто хочетъ взять сердце другаго человѣка, тотъ долженъ отдать ему свое собственное. И если эта признательность къ учителю является не тотчасъ, не во время школьнаго курса, за то тѣмъ вѣрнѣе возникаетъ она въ позднѣйшіе годы, когда разумъ зрѣетъ и пронзательность растетъ, когда по плодамъ познаетъ человѣкъ, ка-

*) «Изъ благотворнаго вліяніи на чувство естественно рождаются благодарности».

кія сѣмяна посѣяны въ немъ рукою вѣрнаго учителя. Вліяніе личности учителя на ученика потому есть лучшій методъ, котораго не можетъ замѣнить никакой, самый превосходный законъ школы; это вексель на будущее, который уничтожается иногда только въ поздніе, поздніе годы.

А какъ выражается благодарность ученика? Она даетъ себя понять въ мысляхъ, въ словахъ и въ дѣлахъ; ученикъ можетъ *gratiam habere, gratias agere, gratiam referre*, благодарность чувствовать, благодарность высказывать, благодарностью платить. Мысли суть то, что придаетъ словамъ истинное значеніе. Благодарный взглядъ безъ словъ потому часто дѣлается болѣе вѣрнымъ истолкователемъ сердца нежели пустыя фразы. Потому что главную цѣль благодарности нужно полагать безъ сомнѣнія въ этомъ, въ признательномъ образѣ мыслей и расположеній. Кого одушевляетъ чувство признательности за полученные дары; кто чувствуетъ ихъ цѣну во внутреннѣйшихъ глубинахъ своей души; кто за нихъ питаетъ въ своемъ сердцѣ чувство любви и привязанности къ тому человѣку, кому обязанъ этими дарами; кто, помня много духовныхъ даровъ и пользы, которую учитель, можетъ быть, имѣлъ случай оказать ему; кто это чувствуетъ и признательно настроенъ: благодарныя слова того имѣютъ истинное, имѣютъ важное значеніе для учителя, дружественнаго отца своихъ учениковъ; если слова эти истекаютъ изъ истиннаго чувства, изъ вѣрнаго сердца, то составляютъ музыку для его уха, бальзамъ для его сердца. Могло бы казаться, что словесная благодарность—излишняя форма, что лучше было бы совсѣмъ ее отстранить и довольствоваться благодарнымъ сердцемъ. Но если неблагодарность порокъ, то неблагодареніе недостатокъ. Если та есть содѣваемое преступленіе, то это представляетъ собою преступленіе потому, что опускается при этомъ случай къ упражненію себя въ добродѣтели. Но человѣкъ не можетъ прозрѣвать въ сердце; мы имѣемъ надобность въ выраженіи нашего образа мыслей, и такъ какъ дѣлами выразить этотъ часто бываетъ весьма трудно или по крайней мѣрѣ дѣла эти въ одну минуту не могутъ быть совершены, то удовлетвориться можно и словесной благодарностью, если это не безсмысленныя фразы, если это не исчадіе моды, если они исходятъ изъ сердца. Обычай такой формы благодарности потому совершенно необходимъ для поддержанія почти всѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми; такаа благодарность служитъ знакомъ добраго воспитанія и тонкой образован-

ности. Юноша, родившійся отъ бѣдныхъ родителей и занимающихъ въ обществѣ нисшее положеніе, съ дѣтства находившійся въ безпомощномъ положеніи, воспитанный среди тяжелыхъ и удручающихъ обстоятельствъ, выросшій въ нуждѣ и недостаткахъ, постоянно нуждавшійся въ матеріальной поддержкѣ, въ недовольствѣ и негодovanіи на свое горемычное состояніе, особенно если онъ одаренъ отъ природы преимущественными душевными способностями, можетъ съ досадой принимать благодѣянія, какія оказываетъ ему благородный благожелатель и награды, какія даются ему школой. Онъ ропщетъ противъ судьбы, отказавшей ему въ пользованіи тѣмъ, что другіе имѣютъ, или же заставившей его трудомъ приобретать то, что другимъ достается само собой; потому что онъ какъ о милости долженъ просить еще о самыхъ средствахъ къ существованію; потому что онъ со всѣхъ сторонъ долженъ принимать помощь; потому что ему недостаетъ виѣшней независимости. Онъ смотритъ съ презрѣніемъ на земныя блага, которыя въ сравненіи съ высшими, духовными благами, имъ испытанными, кажутся ему не стоящими особенной благодарности. Такъ отравляетъ онъ и себѣ и другимъ прекраснѣйшіе дни жизни, и въ слѣдствіе этого остается несчастнымъ. Съумѣть нужно умѣрить или побѣдить въ себѣ это непріятное и злосчастное чувство силой своего духа, чтобы при каждой изъ своихъ работъ быть благодарнымъ за ея оцѣнку и за награду за нее, чтобы быть признательнымъ къ людямъ за каждое мѣсто, какое они даютъ намъ въ своей средѣ, при каждомъ повышеніи нами получаемомъ. Побѣдить въ себѣ должно это несчастное чувство, зависимость отъ другихъ дѣлающее тяжестью, заставляющее на нее смотрѣть какъ на несправедливость, затрудняющее собою благодарность, превращающее ее даже въ дѣйствіе не только неохотно, но и съ отвращеніемъ исполняемое. Между тѣмъ какъ человекъ, имѣвшій счастье быть воспитаннымъ въ болѣе свѣтлой обстановкѣ и не угнетенный духовно, обыкновенно благодаритъ изъ сладкой потребности сердца, и такимъ образомъ благодарность служитъ для него лучшей опорой и лучшимъ споспѣшествовательнымъ средствомъ добраго образа мыслей и сердечныхъ движеній. И если эти истинны и великодушны, то будете вы стараться выразить ихъ и дѣлами, которыя безъ участія въ нихъ сердца опять—такимъ имѣютъ очень мало значенія. Отъ сердца должна исходить благодарность, будетъ ли она выражаться въ словахъ или въ дѣлахъ.—А какъ благодарность ученика можетъ выражаться въ дѣлахъ? Дѣль

много и они различны, но одно из них лучшее и прекраснѣйшее, это если ученикъ стремится быть достойнымъ своего учителя, если онъ старается слѣдовать его учению и оказывать собою честь заведенію, къ которому принадлежалъ. Это такое дѣло благодарности, которымъ сердце учителя услаждается, которое дѣлаетъ его радостнымъ и побуждаетъ къ мужественному продолженію дѣятельности своего призванія, доколѣ еще въ его распоряженіи дни его жизни. Если по силѣ этого pietatis ты останешься достойнымъ воспитанникомъ этой школы по мыслямъ, словамъ и дѣламъ, то эта твоя обязанность будетъ прекраснѣйшей нашей наградой, нашей справедливой гордостью. Помните слово вепузницкаго поэта

Dignum praestabo me etiam pro laude merentis

и положите въ этотъ часъ твердое рѣшеніе сохранить его правиломъ всей позднѣйшей вашей жизни. Вы поймете конечно, что говоривши о благодарности я желалъ тѣмъ напомнить о благодарности этому заведенію, о благодарности по отношенію ко всему персоналу вашихъ учителей не ради ихъ, но ради васъ же самихъ, ради пробужденія въ васъ уже простой вѣжливости и учтивости; неблагодарность возникаетъ изъ грубости, въ которой неразвитая натура накопецъ необходимо совершенно должна опуститься и затеряться; неблагодарность слѣдовательно есть символъ нравственной грубости. Напротивъ кто заботится о своемъ нравственномъ образованіи, тотъ не подвергнетъ себя такому пороку. Я сказалъ уже, что благодарность должна быть свободнымъ даромъ сердца, что она не можетъ быть рекомендуема, предлагаема или предписываема, что она не можетъ быть даже выпрашиваема и выманиваема. Тамъ, гдѣ въ ней отказываютъ, гдѣ она не протекаетъ изъ доброй воли и отъ полноты побужденій сердечныхъ, тамъ не помогаетъ никакая просьба, безсильно всякое напоминаніе. Однакоже если вы думаете не только о достигнутой цѣли, но и о пройденномъ пути, о томъ какъ ваше развитіе совершалось подъ оплодотворяющей росой этого заведенія, о, тогда, если только вообще вы не захотите заключить вашу грудь для чувствъ благородныхъ, ваша душа въ это мгновеніе не можетъ не волноваться чувствами истинной, искренней, нелицемѣрной благодарности за полученные благодаренія, за испытанное добро. А истинная благодарность для каждой благородной души имѣетъ нѣчто истинно трогательное, неблагодарность же есть нѣчто оскорбительное, отталкивающее; впечатлѣніе производимое на насъ неблагодарностью возмущающее. Глубокомыслиемъ народа къ неблагодарности прибав-

ляется эпитетъ «черной» неблагодарности, потому что неблагодарностию чловѣкъ обнаруживаетъ отвратительнѣйшую сторону своего существа. Благодарность есть знакъ благороднаго чувства; кто неспособенъ къ благодарности, тотъ доказываетъ тѣмъ, что его сердце незнакомо съ великодушiемъ. Но тамъ, гдѣ есть хотя одинъ благодарный, тамъ вѣтъ на насъ воздухомъ небеснаго отечества, тамъ встрѣчаетъ насъ привѣтствiе небесной нашей родины, ибо мы знаемъ, что вышнiй отчiй домъ нашъ постоянно оглашается только благодаренiями и хвалою. Ангелы и духи блаженные постоянно упражняются въ этомъ святомъ и благородномъ искусствѣ, которое не прекратится во всю вѣчность: звучитъ тамъ по всему небу великое «аллилуiа». Благодарность не есть обязанность, въ которой должно упражняться изъ простаго послушанiя; благодарность есть выраженiе радости по поводу дѣйствительно испытаннаго добра; благодарность есть отрадное сознание и признанiе великаго благодѣянiя, которое ты получилъ, богатой любви, которую испытываютъ.

«Ахъ, какъ охотно желалъ бы я благодарить, говорншь ты, если бы только я имѣлъ причины благодарить». При видѣ людей благодарныхъ ты вдвойнѣ чувствуешь себя дурно, подобно тому какъ страждущiй при видѣ чужаго благополучiя чувствуетъ свою скорбь сильнѣе. Въ наши тяжелыя и злыя времена многiе изъ нашей среды волнуются такими чувствами; не правда ли, другъ мой? Если же думая о страданiи тебя объемящемъ, недостаткахъ тебя обременяющихъ, о заботахъ едва тебя не подавляющихъ, ты полагаешь, что благодарность для тебя невозможна, что только для счастливаго прилична благодарность, а для страждущихъ однѣ жалобы, то это не такъ: благодарность насъ дѣлаетъ счастливыми и въ несчастiи, богатыми въ бѣдности, радостными въ печаляхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ и всѣмъ довольными.

Трогательна такого рода скромная благодарность со стороны учениковъ никогда не забывающихъ, чѣмъ они обязаны своимъ учителямъ; похвалны признательныя отношенiя къ учителямъ тѣхъ учениковъ, которые съ теченiемъ времени даже и превосходя своихъ учителей называютъ имена ихъ съ пощадой, любовью и почетомъ, вмѣняя даже въ честь себѣ, что были ихъ учениками: оставаясь благодарными своимъ учителямъ они чувствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ себя. Потому что кто не чувствуетъ такой благодарности, тотъ этимъ свидѣтельствуетъ скорѣе противъ себя, для школы же

это не служить неблагоприятнымъ свидѣтельствомъ; чрезъ неблагодарность ученики заявляютъ только о неспособности своей возбуждаться чувствами болѣе тонкаго свойства, болѣе благородными и свидѣтельствуютъ, что усилія школы по отношенію къ нимъ отчасти остались безуспѣшными. Одинъ довольно извѣстный и достопочтенный гражданинъ нашего города, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, доставлявшій многимъ студентамъ кровъ и столъ, жаловался мнѣ недавно: «Ваши ученики отвратительный и неблагодарный народъ! Многіе изъ нихъ жили у меня и столовались по нѣскольку лѣтъ, а теперь, когда они заняли служебное положеніе въ обществѣ, проходятъ мимо меня, не удостоивая не только поклономъ и привѣтствіемъ, но и взглядомъ». Я былъ глубоко пристыженъ жалобой этаго благороднаго друга человѣчества и могъ только пожалѣть, что усиліямъ нашимъ по облагороженію нашихъ питомцевъ результаты не соотвѣтствовали, и вмѣсто гордости поведеніе ихъ возбуждаетъ въ насъ только стыдъ за нихъ. Объ Александрѣ Великомъ читаемъ мы, что онъ будучи уже царемъ, оказывалъ еще своему учителю Аристотелю высшія почести. «Отъ него, говорилъ онъ, я научился жить добродѣтельно и мудро». Смотри, юный другъ мой, великій царь предшествуетъ тебѣ въ нашей добродѣтели. Какъ пристыждаются примѣромъ этого царя тѣ, которые только по принужденію, съ кислой миной и трудомъ привѣтствуютъ своихъ учителей, а за спиною осыпаютъ ихъ насмѣшками и иоризациями, а вышедши изъ школы такіе ученики обыкновенно не удостоиваютъ болѣе своихъ учителей даже и единымъ взглядомъ. Ни одинъ народъ не судилъ о неблагодарности правилнѣе, не чувствовалъ глубже, не безчестилъ неблагодарныхъ сильнѣе, нежели народъ древнихъ Персовъ, о которыхъ мы у классическихъ писателей читаемъ, что неблагодарность они привлекали къ суду и наказывали какъ преступленіе; потому что, какъ говоритъ одинъ изъ этихъ писателей, Ксенофонтъ, они вѣрили, что пренебрегшій свой долгъ по отношенію къ тому, кому онъ обязанъ добромъ, можетъ пренебречь и своими обязанностями по отношенію къ Богу, къ отечеству, къ своимъ друзьямъ. Мы надѣемся на Бога, что между вами никто не только не сдѣлается когда либо виновнымъ въ презрительной неблагодарности, но что благодарныя чувства уже и теперь въ вашей душѣ пустили корни; я вѣрю, что каждый изъ васъ будетъ благодаренъ этому заведенію, своимъ учителямъ, Богу—подателю всѣхъ благъ.

Вы сохраните благодарное воспоминаніе о заведеніи васъ образовывавшемъ и воспитывавшемъ. Не высшія ли изъ благъ духовныя получаете вы въ этомъ заведеніи? Вы обязаны этому заведенію своимъ образованіемъ. Конечно своими счастливыми успѣхами вы обязаны прежде всего самимъ себѣ, собственной ревности, своимъ природнымъ способностямъ, нравственному зерну своего существа; кто же и отрицаетъ это? Но на этомъ основаніи вы не были же автодиактами, достигшими цѣли безъ устнаго обученія, безъ личнаго на васъ воздѣйствія. Напротивъ вы были питомцами этой школы, вскормленниками этаго заведенія. Прилично ли было бы послѣ этаго не цѣнить услугъ, оказанныхъ вамъ этой школой, потому что она вѣдь помогла вамъ войти на высоту?

Не должны ли вы далѣе и къ намъ, учителямъ, сохранить тѣже чувства благодарности и благорасположенности? О, позвольте мнѣ не сомнѣваться въ этомъ! Вы сохраните къ намъ это чувство благодарной благорасположенности, вы докажете чрезъ оное, что вы сознаете и признаете цѣну того, что мы для васъ дѣлаемъ. Вы естественный плодъ нашей любви и нашей вамъ преданности. Ваши учителя заботились о силахъ вашего духа, упражняли вашъ разумокъ, обогащали васъ знаніями и давали вамъ образованіе, которое дѣлаетъ васъ способными съ успѣхомъ продолжать изученіе высшихъ наукъ; ваши учителя способствовали вашей нравственности и благовоспитанности, указывали вамъ на ваши недостатки, увѣщевали къ добру, отклоняли отъ зла, старались облагородить ваше сердце и вашъ образъ мыслей и расположеній, чтобы сдѣлать васъ юношами не только научно образованными, но и нравственно добрыми. Мы воспитывали васъ въ благочестіи и въ христіанствѣ; мы ежедневно указывали вамъ въ молитвѣ на необходимость искать себѣ высшей помощи и защиты; мы насаждали въ вашемъ сердцѣ истинное религіозное чувство, чтобы вы не только знали и любили, но и вѣрили. Если же это ваши учителя дѣлали для васъ и дѣлая это если они исполняли въ этомъ по отношенію къ вамъ свою обязанность, и обязанность эту если они исполняли не какъ поденщину, но съ любовью и изъ любви къ вамъ, о, тогда они имѣютъ конечно вполне обоснованное право на вашу благодарность, тогда вы не откажете имъ въ наградѣ за ихъ усилія, наградѣ прекраснѣйшей, сладостнѣйшей и пріятнѣйшей, какой только можетъ желать сердце вѣрнаго учителя. Учитель получаетъ конечно и внѣшнюю награду за свою работу, видимую точно такъ же съ внѣшней стороны, но лучшее, что учи-

тель дать, не можетъ быть оплачено вѣншимъ образомъ; это любовь, это вѣрность, съ которой онъ держитъ руку дорогаго ему юности, чтобы защитить его и охранить. Если вы испытали эту любовь, эту вѣрность отъ своихъ учителей; если они заботились о васъ omnibus nervis et toto pectore, о, тогда вы оплатите имъ тѣмъ, чѣмъ только и можно оплатить имъ за это, любовью и благодарностью. Хотя бы къ вамъ и строго относились, но если такое воспитаніе постоянно обнимало васъ любовью, вы должны сохранить благодарное воспоминаніе о томъ. Кто платитъ за зло добромъ; кто вмѣсто признательности воздастъ неблагодарностью, на любовь и благодаренія отвѣчаетъ ненавистью: тотъ гнусенъ и грубъ, того въ стыдъ приводить даже животныя, потому что уже *волъ знаетъ своего хозяина и оселъ ясли господина своего* (Ис. I, 3), и собака съ благодарностью лижетъ руку того, кто ее кормитъ и предана своему владѣльцу; разумному ли существу забывать о своихъ благожелателяхъ? Неестественно это и непростительно.

Однако же что бы такое имъ было, что сдѣлано доселѣ для васъ этимъ заведеніемъ, вашими учителями, все то сдѣлано не безъ поддержки и не безъ защиты отъ Бога, милосердаго и щедродательнаго отца и высочайшаго благодѣтеля, къ которому вы должны сохранить въ своихъ сердцахъ искреннѣйшую, пламеннѣйшую благодарность. Если ваше пребываніе въ этомъ заведеніи отзывалось на васъ добромъ, то это добро изливалось на васъ изъ Божественнаго рога изобилія, потому что всякій даръ благой и совершенный исходить свыше. Если наши старанія по отношенію къ вамъ не были тщетны, это была Его благодать покоившаяся на насъ; если вы счастливо достигли цѣли, это Его рука путеводила васъ. Онъ далъ вамъ здоровье и жизнь, такъ что вы могли дожить до настоящаго дня; Онъ далъ вамъ силу и крѣпость, чтобы вы побѣждали трудности и не утомлялись на половинѣ пути; Онъ отвращалъ отъ васъ опасности, чтобы вы неразвлекаемо могли работать надъ своимъ призваніемъ, надъ достиженіемъ предносящейся вамъ возвышенной цѣли; Онъ подавалъ вамъ все необходимое и для тѣлесной жизни, такъ что вы ни въ чемъ не терпѣли недостатка и нужды, напротивъ съ радостнымъ мужествомъ и настойчивостью оставались при своихъ стремленіяхъ. Онъ наливалъ на васъ даръ просвѣщенія, такъ что вы съ живымъ чувствомъ интереса могли внимать ученію и обращать оное на свою пользу; Онъ расточалъ вамъ много и другихъ милостей, какія необходимо вызывались потребностями вашего духа.

А если это такъ, то благослови же, благодарная душа, Господа и въ теченіе всей жизни не забывай всѣхъ воздацій Его. Докажите самымъ дѣломъ, что благодарность Ему, Господу Богу, истинно и дѣйствительно живетъ и коренится въ вашихъ сердцахъ, благодарность Ему, *выпичающему васъ милостію и щедротами, радующему васъ исполненіемъ вашихъ желаній, обновляющему какъ у орла юность вашу* (Пс. 102, 4, 5), избравшему васъ въ руководители и свѣточу вашихъ ближнихъ, оставившему множество вашихъ сверстниковъ по возрасту, а васъ избравшему. Изъйте Его въ продолженіе цѣлой жизни предъ очами и въ сердцахъ; тогда наша жизнь, долго ли будетъ она длиться или недолго, сдѣлается истиннымъ Богослуженіемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, превратится въ благодарственную молитву; тогда каждый изъ васъ въ сферѣ своей дѣятельности будетъ для всѣхъ примѣромъ, людямъ благородно мыслящимъ на радость и удовольствіе, а себѣ на похвалу и уваженіе; тогда вы составите радость для насъ, вашихъ учителей, для своихъ родныхъ, которыхъ обязаны радовать, для Царя нашего, которому будете вѣрными слугами, для отечества, въ которомъ заявите себя богатой полезной дѣятельностію; тогда и сами вы обрѣтете истинное довольство, истинный сердечный миръ, который такъ много счастья прибавляетъ къ нашей жизни. Дай Богъ, чтобы такъ и было!

XI.

Мученическая кончина

Государя Императора Александра Николаевича

лично для Него

есть переходъ отъ ночи къ свѣту, чрезъ страданія

къ радости, отъ смерти къ жизни,

per aspera ad astra.

Какъ бы изъ какого—то срамнаго ящика Пандоры лились одинъ за другимъ замыслы на сокращеніе драгоценныхъ дней покойнаго Царя нашего. Шестъ разъ злая воля не имѣла въ своемъ зломъ умыслѣ успѣха. Наконецъ мы стоимъ предъ окровавленнымъ и обезображеннымъ трупомъ Царя нашего: *се человекъ!* Продіада бѣсновалась и требовала главы Іоанна крестителя, и вотъ она на блюдѣ. Промысль хранила Усопшаго среди опасностей войны, и допустилъ пасть отъ жестокой руки низкаго подданнаго. Въ сумятицѣ истекшей войны Всевышній былъ съ Нимъ, распростеръ надъ Нимъ свою всемогущую десницу; не постигло Его никакое зло въ борьбѣ за славу и честь отечества, а среди мирной тишины, въ своей столицѣ, среди бѣла дня Онъ сваленъ злодѣйской рукой. Почилъ смертью мученика вѣриѣйшій и лучшій Руководитель своего народа, Онъ, который счастливо спасалъ свой государственный корабль изъ бурь волноподвижнаго времени и правилъ кормиломъ прав-

ленія вѣрною и опытною рукою. Что если бы, подобно тому какъ сдѣлалъ это Антоній при погребеніи Цезаря, показать народу кровавую и разодранную одежду почившаго въ Бозѣ Императора, изложить въ рѣчи Его дѣла, заслуги и достоинства: какъ вы думаете, что вышло бы при этомъ? То же самое несомнѣнно, что произошло и въ древнемъ Римѣ... При видѣ покрытаго ранами и обезображеннаго трупа Цезаря ярость Римскаго народа достигла крайняго предѣла... Плачъ и вопли безчисленныхъ массъ народа и прежде всего ветерановъ Цезаря огласили воздухъ... Плохо пришлось бы Юнію Бруту и другимъ убійцамъ Цезаря, если бы они не скрылись...

Такъ—то исторія нашего времени можетъ рассказать нѣсколько темныхъ листовъ изъ отношеній нѣкоторой горсти подданныхъ къ своему Державному Повелителю, какъ они хотѣли не уголокъ одежды Его, подобно Давиду, съ быющимъ и притрепетнымъ сердцемъ отрѣзать, не края одежды царской благоговѣнно касались; но дерзали покушаться и на самую жизнь святопомазаннаго вѣнценоснаго Монарха нашего и наконецъ своего добились. На нашихъ глазахъ народилось и выросло это чудовище цареубійства, на своей груди воспитали мы змѣю эту. На вѣки исторія сохранить воспоминаніе о томъ, какъ сбродъ разныхъ отщепенцевъ отъ Русскаго народа покончилъ съ кротчайшимъ изъ нашихъ Царей, между тѣмъ какъ воспоминаніе о Немъ самомъ и Его царствованіи, подобно какъ воспоминаніе о Цезарѣ, будетъ наполнять грудь нашихъ потомковъ высокимъ чувствомъ радости. «Это было время, скажутъ наши потомки, съ котораго началась новая исторія нашего развитія; это было царствованіе, въ которое всѣмъ друзьямъ отечества открылись радостные виды на развитіе въ будущемъ нашей силы и славы»—и имя АЛЕКСАНДРА II безсмертнымъ сохранится въ сердцахъ благодарнаго народа.

ХІІ.

Р А Д О С Т Ъ

о новомъ Божіею милостію Царѣ нашемъ
находить естественное для себя выраженіе въ молитвен-
ныхъ Ему благожеланіяхъ; печаль же Царя о почившемъ
Родителѣ можетъ быть смягчена нашей любовію и
вѣрною службой Царю и отечеству.

Всегда считали мы своею обязанностию отвѣчать господствующимъ воззрѣніямъ и настроенію всего отечества и пробуждать во вѣрнѣйшихъ намъ юношахъ чувство общенія съ великимъ и могущественнымъ государственнымъ организмомъ и развивать сознание соприннадлежности къ нему. О, если бы и въ настоящій часъ удалось мнѣ одушевить васъ тѣмъ же чувствомъ, какое присуще милліонамъ русскихъ сердецъ и которымъ какъ бы нарядной одеждой какой облечена нынѣ душа всего Русскаго народа!

Внутренній образъ мыслей и расположенія сердца, пробуждаемая именемъ Цари и настоящими высокаторжественными днями, выражаются силами отечества и въ нашемъ городѣ украшенностью своихъ жилищъ въ честь Государя. Обычай исконный при парочитыхъ случаяхъ жизни Царской и членовъ Царствующаго Дома украшать города и дома. Это служить знакомъ нашей благорасположенности къ Царствующему Дому, любви къ нему и привязанности. Обычай этотъ остается въ силѣ и удерживаетъ за собой право гражданства у всѣхъ тонко чувствующихъ націй. При слѣдованіи ему

искренне и съ любовію и вѣшняя пышность и вѣшній блескъ въ качествѣ знаковъ того, что заключено въ глубинахъ сердца, не составляютъ суетнаго дѣла, тамъ и шумное веселье не праздное времяпрепровожденіе. Мы же, состоя посителями учебнаго слова, считаемъ своей обязанностію и словомъ привѣтствовать Царя своего.

Возблагодаримъ, друзья, Бога, что изъ рога благодати своей Онъ снова удостоилъ насъ въ эти дни дара вѣчнаго своего отчаго промышленія о насъ. Уже въ тотъ самый часъ, какъ смерть простерла свой скипетръ надъ Тѣмъ, Кто самъ доселѣ носилъ оный, самымъ закономъ природы опять поставленъ намъ Носитель его. Прежній Царь умеръ, воцарился Сынъ Его и всѣ мы восклицаемъ нынѣ: «Да живетъ Царь». Десница Всевышняго сохраняла доселѣ жизнь возлюбленнаго новаго Царя нашего. Подъ благословляющимъ насъ промышленіемъ Божіимъ поднялся Онъ нѣжнымъ отпрыскомъ; подъ всемогущей небесной защитой росъ Онъ доселѣ и развился въ мощное дерево на утѣшеніе сурово испытывавшемуся Отцу, въ надежду и радость отечеству, и когда разразилась надъ отечествомъ бѣда и несчастье этихъ дней, тѣнью этаго дерева мы счастливо прикрывались. Признаемъ въ этомъ волю и милость къ намъ Божію.

Она, пронцающая естественныя законы, эта милость и воля Божія, возвысила нынѣ до царскаго достоинства надъ русскою землею и русскимъ народомъ Государя Императора, въ ряду Его предковъ съ именемъ АЛЕКСАНДРА III. Какъ сына царственныхъ Родителей она поставила Его Владыкой и Руководителемъ народа, къ которому и мы принадлежимъ. Не самъ себя Царь поставилъ Царемъ и не народъ выбралъ Его въ свои цари; Царь получаетъ обладаніе короной отъ Всемогущаго; выбрала Его въ цари изъ миллионовъ единственно свободная, а вѣстѣ наблюдающая и естественную сдѣляемость вещей и явленій, воля и милость Всевышняго, который супругу почившаго царственного Мужа благословилъ материнскими надеждами; она, эта милость Божія, еще прежде чѣмъ Царь вступилъ на престолъ, уже въ младенческой колыбели облекла Его пурпуромъ и надѣла на руку Его державное золотое кольцо.

Еще и еще разъ возблагодаримъ, друзья, и никогда не престанемъ благодарить Бога, что милостивою своею десницею Онъ сохранилъ дни необходимой для насъ жизни, и пусть снова и еще многоплоднѣе прежняго возсіяетъ надъ нами солнце Русскаго Царя и Его славы. Съ благодарностію устремимъ мысли и сердца къ Тому, отъ Кого исходятъ всѣ добрыя дары. Вѣстѣ съ миллионами

вѣрныхъ подданныхъ возрадуемся и прославимъ Бога, что Онъ продолжаетъ быть руководителемъ и охранителемъ жизни и земныхъ судьбъ всѣхъ чадъ своихъ; возплемъ къ небу благочестивыя молитвы и отъ всей полноты сердца пожелаемъ новому Царю нашего счастья и блага. Въ смиреніи и вѣрѣ будемъ просить всемогущаго Бога, чтобы Онъ принялъ нашего новаго Царя подъ свою благодатную защиту, былъ бы близокъ къ Нему своимъ заступленіемъ и помощью, отвращалъ бы милостиво всякую опасность отъ Его драгоценной главы, спасалъ бы преимущественно отъ рукъ безбожныхъ. Да сохранить Всевышній жизнь новаго Царя нашего на многіе и многіе годы! Да будетъ царствованіе Его не только долгимъ, но и благословеннымъ, богатымъ добрыми дѣлами! Да ходитъ Онъ, радость наша, кроткими путями Отца своего; да будетъ наслѣдникомъ не только трона, а и добродѣтелей и правилъ своего Родителя! Пошли ему, Господи, удачу во всемъ, что рѣшитъ Онъ и предприметъ во благо и счастье страны; окружи Его мудрыми совѣтниками и вѣрными слугами; улади Ему горести и облегчи тяжести царскаго служенія! Да царствуетъ Онъ, Самодержавный, надъ нами въ торжественномъ блескѣ! Да бодрствуетъ надъ нашей славной отчиною! Да защищаетъ Онъ насъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ! Именемъ Его да обезопасиваются намъ, Его вѣрно-подданнымъ, тѣло и жизнь, честь и имущество! Да споспѣшествуетъ Онъ общему благоденствію своихъ народовъ! Да поддерживаются именемъ Его школы и всѣ гуманитарныя учрежденія и да внимаетъ Онъ изъ устъ нашихъ благодарнымъ и радостнымъ о Немъ пѣснямъ! Ему желаемъ мы быть обязанными за спокойствіе и миръ при исполненіи нашихъ гражданскихъ обязанностей, при нашихъ работахъ для нашего образованія! Да будетъ Онъ слугою Божиимъ ко благу нашему и отмстителемъ въ наказаніе дѣлающимъ злое (Римл. XIII, 4)!—Да содѣлаетъ Господь и жизнь новой Царицы благословеніемъ для Ея народа и времени! И весь Царствующій Домъ да увѣнчаетъ Всемогущій своимъ небесными благословеніями и да будетъ къ нему милостивъ!

Мы молимся за Царя, свидѣтельствуя тѣмъ предъ всѣми свои вѣрноподданническія расположенія. И всеже, друзья, вѣдь это подвигъ и испытаніе сохранить Сыну вѣру въ насъ при видѣ скипетра, вырваннаго столь сурово изъ державной руки Отца; вѣра въ насъ при видѣ убитаго Отца, это со стороны новаго Царя нашего первая жертва намъ. Не забудемъ этаго и нелицемѣрнѣй-

шпми доказательствомъ вѣрнѣйшей и искреннѣйшей любви и преданности усладимъ и облегчимъ Ему эту жертву. Будемъ усердно молить Бога, да ослабитъ Онъ сердечныя страданія новаго Царя, да закроетъ въ Его сердцѣ болѣзненную рану, да изгладитъ изъ Его памяти это печальное и горькое воспоминаніе объ оскорбленіи Ему нанесенномъ злодѣйскимъ убійствомъ Его Родителя. Да укрѣпитъ Его Всевышній пережить дни эти въ неослабленной силѣ духа и тѣла и да поможетъ Ему по своей великой благодости перенести скорбь о Родителѣ съ твердостью воли и безъ потери сердечной расположенности къ намъ.

Тяжкія страданія пали на любвеобильное сердце новаго нашего Государи. Если царствованіе и каждаго царя начинается слезами надъ свѣжей могилой отца, то царствованіе нашего новаго Царя началось стономъ падъ окровавленнымъ и обезображеннымъ трупомъ Его Державнаго Родителя. И если мы видимъ новаго Царя нашего среди такихъ огорченій и страданій, при столь внезапной и несчастной утратѣ Имъ Родителя печалующимся, унылымъ, то при всемъ блескѣ Его царственного величія должно представлять Его зывающимъ къ намъ и о помощи и желающимъ отъ подданныхъ утѣшенія. Если Царь есть та личность, которая должна отвѣчать за цѣлое; если недуги народнои жизни, великія несчастія, постигающія націю, первѣе всего надъ царями тяготѣютъ давящей тяжестью, глубже другихъ чувствуются ими, то вѣрный народъ съ своей стороны влеченіемъ внутренней благодарности вынуждается нести страданія Царя какъ свои собственные, тѣмъ поразительнѣе они должны дѣйствовать на подданныхъ. Страданія, подъ тяжестью которыхъ сердце Царя вздыхаетъ, должны быть облегчаемы свободной любовью цѣлаго народа.

Васъ считаемъ мы уже довольно понимающими, какъ много сочувствіемъ облегчаются труды и огорченія этой жизни и къ какимъ новымъ трудамъ и предпріятіямъ оно располагаетъ и устремляетъ. На любовь любовью же отвѣчаетъ тогда и сердце Царевы. Какъ *отецъ земли* (Быт 41, 45), Царь неотдѣлимъ тогда бываетъ отъ сыновъ ея; какъ Глава своего народа, тогда Онъ имѣетъ тѣ же интересы, что и члены; сердце Царевы тогда бьется для подданныхъ всего искреннѣе и благосклоннѣе, и Его симпатія къ нимъ бьется какъ бы чрезъ край; Царь тогда благословляетъ свой народъ. Трогательна, друзья, эта любовь царей къ своимъ народамъ. Есть нѣчто величественное въ благословеніи своихъ дѣтей благочестивымъ

отцомъ и благочестивой матерью, изливающимися на своихъ дѣтей свои благожеланія и закрѣпляющими за ними оныя: есть нѣчто еще болѣе величественное въ благословеніи, которое ниспосылаетъ на свой, преданный Ему народъ, благочестивый, любезный народному сердцу царственный Его Отецъ и вѣрная царственная Мать. Творить тогда Богъ въ тысячахъ тысячъ, что Его небесная благость и вѣрность срѣтаются, правда и миръ лобызаются, любовь на землѣ возрастаетъ и справедливость съ неба на землю приницаетъ. Вѣко-нѣчны государства, гдѣ Монархъ опирается на любовь своихъ подданныхъ, въ самоотверженной преданности готовыхъ жертвовать по призыву Его добромъ своимъ и жизнью. Что можетъ быть для народа и почетнѣе той чести и славы между другими народами, когда Царь въ международныхъ своихъ сношеніяхъ гордится любовью и преданностію Ему Его народа? Уже давнымъ давно какой либо заносчивый завоеватель и своскорыстные сосѣди разорвали бы наше отечество на части, если бы, какъ скала какал или непроницаемая фаланга, не противустояла имъ любовь нашего народа къ своему Самодержавному Представителю.

И какъ легко для насъ любить нашихъ царей! Цари востока скрываются въ лабиринтѣ своихъ палатъ и только нарѣдка показываются предъ своимъ народомъ, который тогда, ослѣпленный блескомъ величія ихъ, падаетъ предъ ними ницъ въ благоговѣніи. Наши цари не хотятъ такой рабской покорности. Они желаютъ любви, почтительности, но они желаютъ свободнаго ея выраженія, они хотятъ свободной нашей преданности имъ: тогда и власть ихъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе для насъ же самихъ. Пользуясь такими любовью и почтеніемъ отъ насъ, они живутъ, путешествуютъ и проводятъ время среди насъ, только къ сожалѣнію и стыду нашему далеко не безопасно для своей жизни; потому можемъ мы въ царяхъ своихъ чтить и любить людей; потому они близки нашему сердцу и мы чувствуемъ себя солидарными съ ними. Если посылается имъ отъ Бога радость, счастье, то мы радуемся вмѣстѣ съ ними; постигаетъ ихъ горе и наполняетъ ихъ сердце печалію и они склоняются въ смиреніи подъ крѣпкую руку Божію, то печалимся и мы съ ними и общая печаль тѣмъ тверже скрѣпляетъ союзъ, связывающій насъ съ ними. Только подъ условіемъ этой любви мы будемъ имѣть право смотрѣть и на благороднаго царственного Мужа, только что вступившаго на престолъ, съ надеждами и довѣріемъ и желать, чтобы Царь вѣрилъ въ насъ, чтобы ничто въ сердцѣ Царевомъ не коле-

бало этой вѣры въ насъ, чтобы Онъ разсчитывалъ и спокойно положился на народъ и на каждаго изъ насъ какъ на себя самого.

Вы неоднократно давали намъ свидѣтельства, что чувствуете эту любовь къ Царю своему; съ радостной увѣренностью я свидѣтельствуюсь даже, что тѣже самыя чувства и движенія, съ которыми я обращаюсь къ вамъ въ этотъ часъ, что они были живы и дѣятельны въ вашихъ сердцахъ уже съ ранняго времени. Уражайтесь уже теперь въ ранней юности вашей въ практикованіи этой священной обязанности любить Царя и быть вѣрными Ему. Читите Царя почтительно въ сердцахъ, да дышуть ею ваши слово и рѣчь о Немъ, ваши мысль и дѣло.

Она, эта любовь, можетъ укрѣплять васъ и ободрять и въ дѣлѣ приготовленія себя къ будущей дѣятельности для блага и счастья отечества. Состоя питомцемъ этого заведенія, существующаго въ настоящемъ блескѣ благодаря высокимъ милостямъ всепресвѣтлѣйшихъ нашихъ Царей, подъ защитой Ихъ законовъ, ты ненарушимо спокойно отдаешься своимъ занятіямъ, работаешь надъ своимъ духовнымъ развитіемъ и нравственнымъ облагороженіемъ. Сердечнѣйшей любовью и искреннѣйшей благодарностью ты долженъ воздавать за это всепресвѣтлѣйшему Царю своему. Это будетъ лучшимъ съ твоей стороны и всегда пріятнѣйшимъ Его. Въ томъ эта благодарность и должна состоять, чтобы чрезъ добросовѣстное пользование благодѣяніями, изливаемыми на тебя высокой милостью Царя, ты и нынѣ и завтра призывалъ на Царя и весь Царствующій Домъ для блага страны благословеніе неба, чтобы ты въ качествѣ истиннаго патріота рѣшился посвятить благу отечества все твои силы, чтобы ты Государю своему оказывалъ и сохранялъ даже до гроба послушаніе, вѣрность, почтеніе и любовь, дабы нѣкогда по достиженіи мужескаго возраста въ качествѣ свободнаго подданнаго свободнаго Царя работой и вѣрной службой обществу благодарить тебѣ и отечество.

Не одними царями и ихъ министрами управляются государства. Въ направленіи и управленіи государства принимаютъ соотвѣтственное, обусловленное степенями, участіе все, кто руководитъ и управляетъ какимъ либо кругомъ государственной жизни т. е. все чиновники государства, въ особенности представляющіе собою духовный фондъ націи, чиновники школы и служители церкви, какими готовитесь быть вы. Естественно, что все эти правительственные члены призваны свидѣтельствовать о христіанскомъ своемъ

образованіи тѣмъ, чтобы ничего не дѣлать такого, за что они должны были бы отвѣчать предъ авторитетомъ закона и Главы государства и предъ лицомъ Божиимъ: къ этому вѣдь они обязываются и служебной присягой. Потому они должны заботиться о томъ, чтобы вообще поддерживать и сохранять единеніе и единодушіе съ главными правительственными органами, потому что разладъ въ управленіи странною естественно долженъ отзываться вредомъ на ней.

Стань же, другъ, предъ священной особой твоего новаго Государя и проверь себя, насколько соответствуешь ты ожиданіямъ Его и надеждамъ, возлагаемымъ на тебя твоимъ отечествомъ. Владыка земли Русской нуждается въ людяхъ, которые въ состояніи были бы раздѣлять съ Нимъ заботы правленія: въ людяхъ, которые занимались бы обученіемъ, воспитаніемъ и образованіемъ юношества; въ людяхъ, которые могли бы защищать право своимъ словомъ; въ людяхъ, которые могли бы защищать оное и мечомъ; въ людяхъ, которые, какъ ангелы хранители, становились бы утѣшая и исцѣляя при постеляхъ больныхъ; въ людяхъ, которые имѣли бы научную подготовку и высшее призваніе возвѣщать православному народу чистое ученіе Христа и раздавать ему святая таинства церкви. Что такіе мужи воспитываются въ нашей странѣ, о томъ свидѣлствуютъ процвѣтающія въ ней, благодаря щедротамъ Царей нашихъ, школы и высшія учебныя заведенія. И на твою долю, юный другъ мой, выпало счастье учиться въ одномъ изъ такихъ учебныхъ заведеній и приготовляться къ прохожденію высшихъ наукъ, и ты нѣкогда посвятить себя на служеніе государству или церкви. Достойнымъ ли оказываешься ты этой высокой милости? Идетъ ли тебѣ ученіе въ пользу, чтобы впоследствии ты могъ примѣнить его или въ качествѣ учителя и воспитателя юношества или въ качествѣ вѣрнаго судьи или въ качествѣ сострадательнаго апостола между страждущимъ человѣчествомъ или въ качествѣ вѣрнаго пресвитера Христовой церкви? И вообще проникаешь ли ты въ науку и умомъ и сердцемъ настолько, чтобы впоследствии тебѣ дѣйствовать въ качествѣ добросовѣстнаго и честнаго гражданина государства ко благу отечества? Благо тебѣ, если твоя совѣсть отвѣчаетъ тебѣ удовлетворенностью; благо тебѣ, если ты по истинѣ можешь сказать о себѣ: «Да, я не оказываюсь недостойнымъ милостей пресвѣтлѣйшихъ Царей нашихъ; объ этомъ свидѣлствуютъ мои успѣхи и поведеніе»; благо тебѣ. Тогда отечество можетъ разсчитывать на твои услуги, тогда оно можетъ надѣяться, что нѣкогда ты внесешь въ

среду твоихъ братьевъ благословенія, для невѣдущихъ и заблуждающихся будешь свѣточемъ.

Великій и благородный новый Царь нашъ и самъ истинное достоинство жизни только на основаніи того цѣнить, что добраго и превосходнаго человѣкъ сдѣласть и создать въ своей жизни. Будь же и ты какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ правъ предъ новымъ Царемъ твоимъ, которому Божественнымъ Промысломъ было суждено нынѣ войти на престоль своихъ предковъ для блага отечества и твоего.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Благодарность школы, усиленной и обновленной въ своихъ средствахъ и помѣщеніи.—Говорена предъ воспитанниками IV класса при началѣ 1874/5 учебнаго года по переимѣненіи семинаріи изъ Спасскаго монастыря въ новый корпусъ на берегу р. Которости	1.
II. Идея учительскаго званія.—При началѣ учебнаго года къ ученикамъ III класса	9.
III. Вѣрная любовь родительская и отвѣчающая ей благодарная признательность учащагося сына.—Послѣ каникулъ къ ученикамъ III класса.	27.
IV. Работа и ея благословенія.—При началѣ учебнаго года къ ученикамъ III класса	45.
V. Наука и научное чувство.—Къ IV классу при началѣ учебнаго года	67.
VI. Умственная и нравственная зрѣлость окончившаго учебный курсъ воспитанника.—Къ IV классу при окончаніи учебнаго года и выходѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія	83.
VII. Приемлемость радости юностию.—Къ ученикамъ IV класса послѣ праздника Пасхи	97.
VIII. Сиромность ученика въ мнѣніи о себѣ и въ поведеніи.—Къ IV классу по окончаніи чтенія діалоговъ Платона	109.
IX. Платонизмъ въ наукѣ и въ жизни, или идеальное и любовь къ нему.—При началѣ учебнаго года къ IV классу	121.

X. Благодарность ученика.—Къ IV классу при окончаніи учебнаго года и выходѣ нѣкоторыхъ воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія. 143.

XI. Мученическая кончина Государя Императора А л е к с а н д р а Н и к о л а е в и ч а лично для Него есть переходъ отъ ночи къ свѣту, чрезъ страданія къ радости, отъ смерти къ жизни, *per aspera ad astra*.—Къ IV классу 2-го марта 1881 года предъ паннихидой по Государь Императоръ Александръ Николаевичъ 163.

XII. Радость о новомъ Божію милостію Царѣ нашемъ находитъ естественное для себя выраженіе въ молитвенныхъ Ему благожеланіяхъ; печаль же Царя о почившемъ Родителѣ можетъ быть смягчена нашей любовію и вѣрной службой Царю и отечеству.—Предъ IV и III классами 5-го марта, по полученіи извѣстія о Восшествіи на Всероссійскій престолъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА 165.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТЬ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„РЪЧИ ПЕРИКЛА“

ПЕРЕЛОЖЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

подъ редакціей преподавателя **Н. Корсунскаго**

воспитанниками Ярославской духовной семинаріи

А. Миролубовымъ, Д. Лавровымъ и Т. Зыковымъ.

Содержаніе книжки: Общее предисловіе ко всему переводу рѣчей.—Периклъ какъ ораторъ.—I). Рѣчь Перикла въ Аѳинскомъ народномъ собраніи предъ Пелопоннесской войной (Thuc. I, 140—144): введеніе къ рѣчи, содержаніе ея, самая рѣчь съ примѣчаніями къ ней, комментарий къ греческому тексту рѣчи.— II). Рѣчь Перикла при торжественномъ погребеніи павшихъ въ войнѣ согражданъ (Thuc. II, 35—46): введеніе къ рѣчи, содержаніе ея, самая рѣчь съ примѣчаніями, комментарий къ греческому тексту рѣчи.— III). Рѣчь Перикла въ Аѳинскомъ народномъ собраніи успокоительная и ободряющая (Thuc. II, 60—65): введеніе къ рѣчи, содержаніе ея, самая рѣчь съ примѣчаніями, комментарий къ греческому тексту рѣчи. Характеристика Перикла по Фукидиду.—Изданіе предполагается изящное и компактное.